

«История и современность»

А.А.Галкин, П.Ю.Рахшмир

Консерватизм в прошлом и настоящем

Истоки консерватизма

•

Консерватизм

•

и фашизм

Консерваторы

в послевоенном мире:
стратегия приспособле-
ния

•

Консерватизм в пред-
дверии XXI века

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

Серия «История и современность»

А.А.Галкин, П.Ю.Рахшмир

Консерватизм в прошлом и настоящем

О социальных корнях
консервативной волны

Ответственный редактор
доктор исторических наук
Б. И. КОВАЛЬ

Москва «Наука»
1987

ББК 63.3(0)

Г 12

УДК 930.9

Рецензент

доктор философских наук

Ю. А. КРАСИН

Галкин А. А., Рахшмир П. Ю.

Консерватизм в прошлом и настоящем.— М.: Наука, 1987.— 192 с. (Серия «История и современность»).— План науч.-попул. изд.—

Книга посвящена теории и практике современных неоконсерваторов. Авторы прослеживают возникновение и развитие консерватизма со времен Великой французской революции, останавливаясь на фигурах его идеологов и практиков: Э. Берка, Ж. де Местра, К. Меттерниха, Б. Дизраэли, О. Бисмарка и др. Показана связь между консервативной реакцией и фашизмом, анализируется преемственность между «старым» и «новым» консерватизмом — самой серьезной угрозой для сил, борющихся сегодня за социальный прогресс.

Г $\frac{0504000000-066}{054(02)-87}$ 5—87—НП

Предисловие

Начиная со второй половины 70-х годов XX в. во многих промышленно развитых капиталистических странах оживились консервативные силы. Это оживление продолжается и в 80-е годы, распространяясь на самые различные сферы: экономику, социальные отношения, политическую систему и идеологию.

В экономической политике сдвиг в сторону консерватизма нашел выражение в постепенной замене социально-реформистской модели развития, основанной на широком применении социальных амортизаторов и использовании кейнсианских методов государственно-монополистического регулирования, консервативно-монетаристской моделью, ориентированной на осуществление режима «жесткой экономии» за счет цены рабочей силы и на освобождение «рыночной экономики» от ограничений, обусловленных общеполитическими соображениями.

В социальной области на смену более гибкому курсу, предполагавшему поиски социального компромисса и доминировавшему в прежние годы, пришла издавна отстаиваемая консерватизмом «политика силы» по отношению к основной массе трудящегося населения, и прежде всего к его профессиональным и политическим организациям. В рамках этой политики предпринимаются все более настоячивые попытки отобрать у рабочего класса и всех трудящихся то, что было завоевано ими в упорных схватках предыдущих десятилетий.

В сфере политики все отчетливее наметился «дрейф вправо». В зависимости от конкретной обстановки он проявляется по-разному: в укреплении электоральных позиций буржуазных партий, открыто называющих себя консервативными или являющихся таковыми фактически, в ослаблении либерально-реформистских и расширении правополитических и правых политических течений в самом буржуазном лагере, в значительной активизации и росте влияния праворадикалистских, в том числе неофашистских, движений и организаций. В одних странах этот «дрейф вправо» привел к смене социал-демократиче-

ских или социал-либеральных правительств буржуазными с более или менее очевидным консервативным оттенком. В других буржуазно-консервативные силы, не сумев добиться перелома в свою пользу, наращивают свои атаки с целью захватить правительственную власть.

Можно, разумеется, привести отдельные примеры того, как правые, консервативные силы терпят поражение в попытках навязать обществу свое господство. Общая тенденция остается, однако, весьма определенной.

Еще более выражена эта тенденция в идеологической сфере. Со второй половины 70-х годов в ней произошло своеобразное перевооружение. Либерально-реформистские концепции, наиболее модные в 60-е годы, оказались отодвинутыми на второй план. Рассуждения о «социальной экономике», способной обеспечить «всеобщее благосостояние», сменились апологетикой «экономического реализма», очищенного от сентиментальности. Место размышлений на тему о «социальной гармонии» заняли утверждения об извечности социального неравенства. Моду на «плюрализм» как форму политической организации общества сменила мода на «корпоративизм», призванный положить конец «плюралистической неустойчивости» сложившихся общественных отношений. Серьезные бреши пробиты в рядах теоретических защитников буржуазной демократии. Растущее консервативно-скептическое отношение к ней нашло выражение в жалобах на «избыток демократии», который-де является причиной недостаточной эффективности управляющих механизмов, а также в разного рода предложениях, имеющих целью ликвидацию этого «избытка».

При рассмотрении вопросов мировой политики господствующие позиции заняли консервативные школы, «историко-философскую» основу которых составляют положения об изначальной «греховности» человека, о его склонности к злу вследствие стремления достичь большего, чем он имеет, о вечности и неизбежности борьбы людей за власть и силу.

Подобное развитие вызывает настоятельную потребность во всестороннем анализе консерватизма как социального и идейно-политического феномена.

Особый интерес в этой связи представляют несколько аспектов.

Во-первых, необходимо осмыслить действительные масштабы явления. Отражает ли оживление консерватизма периферийные или магистральные тенденции в зоне

развитого капитализма, характерны они для всей зоны или же лишь для отдельных стран? Представляет ли собой такое оживление преимущественно верхушечное явление, будучи результатом изменения расстановки сил в господствующем классе, или же проистекает и из сдвигов в массовом общественном сознании?

Во-вторых, важно установить степень объективной обусловленности оживления консерватизма и, соответственно, выявить факторы, которые породили это оживление. В этой связи следует прежде всего определить, в какой мере обращение господствующего класса в промышленно развитых капиталистических странах к консерватизму обусловлено глубинными процессами, а в какой является импровизированным ответом на нынешнюю стадию кризисного развития. Нужно также уяснить, существуют ли объективные факторы, способствующие сохранению и даже временному усилению консервативных ценностей в массовых социальных группах современного капиталистического общества, и в случае положительного ответа выделить и всесторонне рассмотреть эти факторы.

В-третьих, следует оценить возможные общественно-политические последствия продолжающегося оживления консерватизма.

Ответ на эти вопросы в значительной мере зависит от правильного определения функций консерватизма в общественном развитии.

Под консерватизмом авторы подразумевают тип политики господствующих классов антагонистического общества с соответствующей идеологической надстройкой, с определенной партийно-организационной базой. Он возник как реакция на Великую французскую революцию, вобрав в себя как феодально-аристократические, так и буржуазные компоненты. Консерватизм направлен против общественного прогресса, противодействуя ему разнообразными методами — от провозглашения готовности к ограниченным реформам до откровенного насилия, причем вариативность его как раз и определяется соотношением, дозировкой в политической практике того и другого.

Будучи прежде всего социально-политическим и идеологическим явлением, разновидностью стратегии верхов, консерватизм имеет также чрезвычайно важную психологическую сторону. Ему придают силу и жизнеспособность глубинные традиционалистские и ностальгические тенденции, корнящиеся в психологии массовых слоев

населения. Для консерваторов характерно умение использовать эти тенденции для мобилизации под свои знамена массовой базы.

Подобное исходное положение предопределяет и методологию исследования феномена. Чтобы выявить его суть, место в общественно-политических структурах, степень идейного воздействия, необходимо органическое сочетание двух подходов. С одной стороны, исторического, позволяющего рассматривать явление в его неразрывной связи с каждой данной ступенью развития общества. С другой — социологического, открывающего возможность проследить взаимодействие между консерватизмом как идеологией и политикой господствующего класса и процессами, происходящими в общественном базисе, в социальной структуре общества, в массовой психологии и т. д.

Эти соображения предопределили подход авторов к освещаемому ими объекту и, соответственно, структуру книги. Она обусловлена стремлением дополнить исторический анализ социологическим и наоборот.

Авторы рассматривают свою книгу как попытку дать цельную картину исторического развития консерватизма и его роли в современном капиталистическом обществе на нынешнем этапе общего кризиса капитализма, показать большую опасность для общественного развития, которой чревато нынешнее возрастание роли консерватизма как инструмента политики, направленной против социального прогресса, демократии, социализма. В какой мере это удалось — судить читателям.

Глава 1. Истоки консерватизма

Анализ консерватизма как сложного международного явления, естественно, предполагает определение исходного рубежа, точки отсчета его возникновения. Однако существующее множество истолкований консерватизма не позволяет выработать единый подход к вопросу, откуда вести отсчет. Если трактовать консерватизм антропологически, т. е. как естественное свойство человеческой натуры, как определенный стиль мышления, психологии личности или группы, то можно обнаружить его признаки с незапамятных времен человеческой истории. Антиисторизм характерен и для трактовки консерватизма как преимущественно идеологического явления. Ее сторонники находят те или иные «вечные» консервативные идеи и ценности еще у мыслителей древности, особенно у Платона и Аристотеля. Так, американский ученый М. Ауэрбах усматривал разницу между консерватизмом Платона и английского философа XVIII в. Э. Берка «в различии исторической среды, хотя их фундаментальные ценности были идентичны»¹.

Историческое измерение консерватизм утрачивает и при так называемом ситуационном подходе, предложенном известным американским политологом С. Хантингтоном. Хотя этот подход внешне выглядит диаметрально противоположным названным выше, итоговые выводы практически идентичны. За консерватизмом, подчеркивал Хантингтон, нет никакой интеллектуальной традиции. «Людей толкает к консерватизму шок, вызванный теми или иными событиями, ужасное чувство, что общество или институты, которые они одобряют или, по крайней мере, принимают и с которыми они тесно связаны, могут вдруг прекратить существование»². Поэтому консерватизм предстает не как явление, постоянно сопутствующее политической жизни, подверженное подъемам и спадам, а как нечто ситуационное, эпизодическое, возникающее подобно вспышке или волне. Таких волн к концу 50-х годов нашего века Хантингтон насчитал четыре, причем первая из них, по его мнению, была ответом на религи-

озную Реформацию и централизацию государственной власти в XVI—XVII вв. Этим же временем датирует истоки консерватизма американский историк Дж. Вейсс, рассматривая консерватизм как реакцию на угрозу традиционным ценностям, исходившую от европейских монархов, которые в XVI—XVII вв. сумели обуздать феодально-аристократическую вольницу ³.

В подобной трактовке искажается социальная сущность консерватизма; он выглядит всего лишь как вспышка аристократического недовольства, своего рода фронда. Но охранительные тенденции были свойственны власти имущим во все времена и всегда были поборники старого, традиционного в противовес новому; все это находило отражение в политической борьбе, в идеологии и искусстве. Именно поэтому так часто срабатывает эффект узнавания: аналогии современному консерватизму легко просматриваются в отдаленном прошлом.

Для возникновения современного консерватизма были необходимы определенные социально-экономические, политические и духовные предпосылки, созданные Просвещением и Великой французской революцией. Это настолько зримые рубежи, что их признает и большинство современных буржуазных историков. С этой точки зрения характерно высказывание консервативного американского ученого и идеолога Р. Нисбета: «Современный консерватизм...— дитя реакции на Французскую революцию и Просвещение, главным образом также во Франции, которое предшествовало революции» ⁴.

Действительно, Просвещение и Великая французская революция настолько тесно связаны друг с другом, что их воздействие, в частности, на генезис консерватизма нельзя рассматривать каждое в отдельности. Ф. Энгельс отмечал: «Подобно тому как во Франции в XVIII веке, в Германии в XIX веке философская революция предшествовала политическому перевороту» ⁵. Просвещение означало окончательный разрыв с духовными путами средневековья. Оно подрывало устои феодального общества в целом. «Великие люди, которые во Франции просвещали головы для приближавшейся революции,— подчеркивал Ф. Энгельс,— сами выступали крайне революционно... Религия, понимание природы, общество, государственный строй— все было подвергнуто самой беспощадной критике; все должно было предстать перед судом разума и либо оправдать свое существование, либо отказаться от него» ⁶. Не случайно, что и друзья и враги Фран-

цузской революции видели в ней воплощение принципов Просвещения. Первые с гордостью говорили, что человек уже настолько зрел и умен, что может творить свою собственную социальную среду в соответствии с принципами разума, другие негодовали на то, что человек посмел вступить в противоборство с «естественным ходом вещей», с божественной волей.

Если Просвещение поставило под угрозу всю систему духовных ценностей феодализма, то Великая французская революция подорвала его социально-экономический и политический фундамент. «Франция,— писал Ф. Энгельс,— разгромила во время Великой революции феодализм и основала чистое господство буржуазии с такой классической ясностью, как ни одна другая европейская страна»⁷.

Французская революция, говорил В. И. Ленин, «недаром называется Великой. Для своего класса, для которого она работала, для буржуазии, она сделала так много, что весь XIX век, тот век, который дал цивилизацию и культуру всему человечеству, прошел под знаком Французской революции. Он во всех концах мира только то и делал, что проводил, осуществлял по частям, доделывал то, что создали великие французские революционеры буржуазии...»⁸.

Наряду с масштабностью Французская революция отличалась ярко выраженным социальным характером. В отличие от предшествовавших европейских буржуазных революций она вела борьбу против феодализма открыто и решительно, без религиозных покровов, как это было, в частности, в буржуазной революции Англии в середине XVII в. Острота противоборства между буржуазией и феодальной аристократией была так велика, что здесь не возникло почвы для компромисса в стиле «славной революции» 1688 г. в Англии, где влиятельные аристократические группировки смогли договориться с буржуазией, устранив от власти склонную к феодальной реакции династию Стюартов в пользу более благосклонного к буржуазно-конституционным принципам правления принца Оранского.

По феодализму был нанесен удар такой силы, что содрогнулась вся феодально-абсолютистская Европа; произошли сдвиги системного характера, сжатые во времени и потому особенно ощутимые. Переломный, кризисный характер эпохи в той или иной мере понимали теоретики и практики зарождающегося консерватизма.

Грандиозное революционное действие вызвало отчаянное противодействие. «Великим страхом» были объаты не только феодалы; он распространялся на значительную часть имущих слоев вообще, по мере того как революция развивалась по восходящей линии. «Буржуазия, — отмечал Ф. Энгельс, — класс, в лучшем случае лишенный героизма. Даже наиболее блестящие ее достижения, в Англии XVII века и во Франции XVIII века, не были ею самой завоеваны для себя, а их завоевали для нее плебейские народные массы, рабочие и крестьяне»⁹. Именно эти социальные силы, по словам В. И. Ленина, смогли наложить на Французскую революцию «отпечаток *своих* требований, *своих* попыток по-своему построить новое общество, на место разрушаемого старого»¹⁰. Благодаря их напору Французская революция продвинулась гораздо дальше, чем того хотелось бы умеренным элементам буржуазии. Якобинская диктатура — кульминационный момент революции — вызвала трепет у благонамеренного буржуа, не говоря уже о землевладельческой и финансовой аристократии. В этом весьма широком антиреволюционном потоке и зародилось явление, получившее несколько позже название «консерватизм», в котором отразилась его антиреволюционная, антипрогрессивная суть.

Понятие «консерватизм» имеет много общего с понятиями «реакция» и «контрреволюция», но оно не идентично им, поскольку лагерь реакции и контрреволюции может быть гораздо шире, чем консервативный. Во времена революционного кризиса в нем оказываются и более умеренные по сравнению с консерваторами элементы либерального и реформистского толка. Так, к антиякобинской реакции присоединились многие из тех, кто поначалу приветствовал революцию, праздновал вместе с народом падение Бастилии. Кроме того, нужно учитывать, что реакция и контрреволюция в отличие от консерватизма в большей степени подвержены ситуационным колебаниям, связаны преимущественно с революционными потрясениями.

Поэтому можно сказать, что консерватизм возник не просто как реакция на Просвещение и Великую французскую революцию; его становление обусловлено крушением феодальной формации и вызревaniem капиталистической на той фазе данного процесса, когда социально-политические преобразования совпали с промышленной революцией, антагонизм между буржуазией и феодальной аристократией принял четкие классовые формы, а из

«третьего сословия» начало выделяться «четвертое» — пока еще в виде предпролетариата.

Нисходящему классу феодалов более надежными казались крайние меры: крестовый поход против нечестивого Парижа, беспощадная расправа с французскими якобинцами и их последователями в других странах. Силой сохранить старый режим, где он еще существует, и реставрировать его во Франции — таково кредо феодальной реакции. Правда, решить эту задачу ей не удалось. Более приглушенно в лагере противников революции звучал иной мотив: нельзя уповать только на одну силу. Благодаря ей, конечно, проще справиться с уже вспыхнувшим революционным пожаром, но нужно уметь и предотвращать его. Первый метод, безусловно, был ближе формирующемуся консерватизму. Пройдет еще немало времени, прежде чем он возьмет на вооружение и второй, придав ему специфическую консервативную окраску, хотя немногочисленные наиболее дальновидные из зачинателей консерватизма не исключали наряду с применением силы использование крайне ограниченных реформ.

«Отцы-основатели» консерватизма

Именно такой, более «широкий», подход характерен для общепризнанного тогда теоретика консерватизма Э. Берка (1729—1797). Э. Берк нес службу в качестве секретаря видного вигского политика маркиза Рокингэма, который бывал и премьер-министром Англии. За свои заслуги Берк был удостоен места в парламенте от одного из «гнилых местечек». Его книга «Размышления о Французской революции» считалась чем-то вроде библии консерватизма. Она появилась уже в 1790 г., и менее чем за год вышло 11 ее изданий. К моменту смерти Берка было распродано 30 тыс. экз.¹¹ Интересно, что отпрыск скромного ирландского законника, поставивший свое перо и дар красноречия на службу аристократическо-буржуазной вигской олигархии, оказался проницательнее, чем такие «классики» махрового феодально-аристократического консерватизма, как Ж. де Местр и Л. де Бональд. Своей книгой он опередил их на несколько лет. Это говорит о незаурядном политическом чутье вигского оратора и публициста.

В судьбе Берка отразилось то немаловажное обстоятельство, что в качестве идеологов консерватизма выступали чаще всего не родовитые аристократы, а представи-

тели начавшей тогда формироваться буржуазной интеллигенции, выходцы из захудалого дворянства, а иногда и вообще из низов. Аристократическая знать редко выдвигала мыслителей из своей среды. Ведь дворяне, по словам героя Бомарше Фигаро, взяли на себя один-единственный труд — родиться. Зато господствующий класс обладал возможностью привлечь на свою сторону одаренных людей, не располагавших ни состоянием, ни знатной родословной. А тех часто манила перспектива приобщиться к аристократическому блеску и богатству, ощутить свою принадлежность к элите. Давала о себе знать, особенно в Англии, сравнительно далеко продвинувшейся на пути буржуазного развития, и отмеченная основоположниками марксизма тенденция к разделению духовного и материального труда в среде господствующего класса: одна его часть выступает в качестве мыслителей данного класса, «это — его активные, способные к обобщениям идеологи, которые делают главным источником своего пропитания разработку иллюзий этого класса о самом себе»¹². Фигура Берка воплотила многие черты, свойственные этой группе господствующего класса вообще и господствующей в особенности, черты, которые в модифицированном виде можно обнаружить и у современных пророков консерватизма.

Чем же объясняется широкая известность Берка, сохранившаяся, несмотря на спады и подъемы, на протяжении почти двух столетий? Было бы неверно, как это делают некоторые современные буржуазные ученые, изображать его глубоким теоретиком, находить у него элементы социологических и политологических концепций. Сам Берк с отвращением относился к абстрактным теоретическим схемам. Суждения его были обычно обусловлены конкретными ситуациями; и заботила его скорее эстетическая, чем философская, сторона дела. Логику он часто приносил в жертву риторическим эффектам. Отсюда — масса противоречий и неувязок, что трудно отрицать даже его поклонникам. Но именно благодаря этому высказывания Берка могут быть использованы весьма широко, в разных контекстах. Это позволяет в каждую новую эпоху отыскивать в его наследии аргументы в пользу обновленных версий консерватизма.

Вряд ли найдется сейчас «идейно подкованный» консерватор, который бы не ссылался на Берка. Более того, к нему апеллируют и либералы, преимущественно правого толка. Это объясняется тем, что в наследии британско-

го вига причудливо сплетаются феодально-аристократические и буржуазные черты, отражая специфику общественного развития Англии конца XVII столетия, особенно ее правящих кругов, альянс землевладельческой знати и крупной буржуазии, воплощенный в вигской олигархии. Берк — человек, несомненно, одаренный — был вынесен социально-экономическим развитием своей страны вперед по сравнению с континентальными собратьями, большинство которых занимало однозначную позицию защиты феодально-аристократических интересов.

В идейно-политической эволюции Берка проявилась закономерность, типичная для многих консервативных теоретиков и политиков. Он постоянно сдвигался вправо, пытаясь при этом сохранить часть прежнего идеологического багажа. Отсюда характерная для него двойственность, отражавшая несостыкованность феодально-аристократических и буржуазных компонентов его системы взглядов.

Эта двойственность Берка наглядно проявляется в его понимании «естественной аристократии». В нее он включал не только дворян, но и богатых коммерсантов, образованных людей, законников, ученых, артистов. Самой роковой ошибкой французского дворянства, в конечном счете приведшей к революции, Берк считал то обстоятельство, что выходцы из буржуазии, достигшие по своему богатству уровня аристократов или превзошедшие их, не получили здесь того общественного положения и достоинства, каких богатство по соображениям разума и политики заслуживает в любой стране, правда... отнюдь не равного с дворянством¹³.

Феодально-аристократические и буржуазные компоненты во взглядах Берка связаны воедино узлом традиционализма. Именно традиционализм — ключевой элемент воззрений Берка, предопределивший его роль и место в становлении и развитии теории и практики консерватизма. Преклонение перед святостью традиции пронизывает представления Берка о человеке и обществе. В прямой конфронтации с Просвещением Берк противопоставляет традицию разуму, ставит ее над ним. Соблюдать традиции — значит действовать в соответствии с естественным ходом вещей, т. е. с природой, с вековой мудростью, аккумулированной в традиции. Отсюда политика, по Берку, не столько результат глубокого размышления, сколько «счастливый эффект следования природе, которая является мудростью без рефлексии и стоит выше рефлексии»¹⁴.

Воплощением традиции является английская конституция — драгоценное наследие предков. В ходе естественного развития конституции сложилась целая система взаимоотношевнвшвающих друг друга элементов, которая обеспечивает равновесие и стабильность. Очень важно, чтобы в дальнейшем это равновесие не нарушалось. Тот, кто заинтересован в сохранении спокойствия и порядка, должен, подобно садовнику, время от времени бережно удалять с вечнозеленого дерева конституции старые, засохшие побеги, пестовать новые. Так, медленная, постепенная эволюция сочетается с принципом сохранения.

Традиционализм лежит в основе беркианского подхода к изменению, обновлению и реформе. Буржуазная сторона его собственной натуры побуждает вигского публициста и политика принять неизбежность перемен и реформ, тем более что сам «естественный ход вещей» сопряжен с изменениями. Но понимание этих изменений у Берка чисто традиционалистское. Более всего он озабочен тем, чтобы при реформах не были нарушены «естественные» традиционные устои. «Мой ведущий принцип в реформации государства, — подчеркивал Берк в письме, адресованном члену Французской национальной ассамблеи, — использовать имеющиеся материалы... Ваши же архитекторы строят без фундамента»¹⁵. «Честный реформатор», утверждал Берк, «не может рассматривать свою страну как всего лишь чистый лист, на котором он может писать все, что ему заблагорассудится». «Моему стандарту государственного деятеля», продолжал свою мысль Берк, должны быть свойственны «предрасположенность к сохранению и способность к улучшению, взятые вместе»¹⁶. Будучи сам парламентарием от одного из «гнилых местечек», Берк возражал против парламентской реформы, предполагавшей, в частности, их ликвидацию. По мнению Берка, реформа таила в себе опасность, т. к. умеренные реформаторы могли не удержать в узде своих более решительных сторонников.

Особым признанием Берка пользовались реформы, нацеленные на восстановление традиционных прав и принципов. Идеальным образцом такой реформы он считал «славную революцию 1688 г.»; в ней он видел антипод ненавистной ему Французской революции. Вигская революция 1688 г. была вполне оправдана в его глазах, поскольку она «была совершена для того, чтобы сохранить наши древние, неоспоримые законы и свободы, а также

конституцию, которая является нашей единственной гарантией закона и свободы». Вообще «все изменения были сделаны на основе принципа уважения к старине»¹⁷. По мнению Берка, все права должны быть наследственными, всякая перемена должна опираться на предание и авторитет. «Где же тут место для обновления»? — не без оснований ставил вопрос известный российский либеральный правовед Б. Н. Чичерин¹⁸.

Другим приемлемым для Берка типом консервативной реформы наряду с «восстановлением традиции» были превентивные реформы, предназначение которых — упредить революцию. Такого рода «ранние», своевременные реформы — «это дружеское соглашение, когда у власти еще друг; запоздалые же реформы — это уже соглашение на условиях, навязанных победившим врагом»¹⁹. Берк разграничивает изменение и реформу: если первое меняет сущность объектов, то вторая их сущности не затрагивает, являясь «вынужденным средством», которое, к великому сожалению, приходится применять.

В конце XVIII — начале XIX в. резонанс вызывала главным образом консервативная сторона теории Берка, ее антиреволюционный пафос. Английский король Георг III, политику которого не раз критиковал вигский парламентарий, после публикации «Размышлений о революции во Франции» сказал: «Вы принесли пользу всем нам. Нет человека, который называл бы себя джентльменом и не считал бы себя обязанным Вам за то, как Вы поддерживали дело джентльменов»²⁰. «Вы, месье, — писал Берку находившийся в эмиграции будущий французский король Людовик XVIII (тогда граф Прованский), — обрели право на признание и восхищение не только моих соотечественников, но и всех суверенов, всех благомыслящих людей во всех странах и на все века»²¹.

Под влиянием книги Берка обратился к консерватизму будущий соратник Меттерниха, один из ведущих архитекторов реакционного Священного союза Ф. Генц. «Блестящим Берком» восхищался Ж. де Местр, занимающий одно из первых мест в пантеоне консерватизма²². Для Берка находят теплые и возвышенные слова сухой и педантичный догматик консерватизма Л. де Бональд: «Берк — это красноречивый и чувствительный защитник истинных принципов монархической конституции. Я отважусь полагать, что некоторые из моих мыслей о великих предметах звучат в унисон с его глубокими размышлениями... Никогда консервативные принципы обществ не

подвергались такой атаке, и никогда их не защищали с такой гениальностью, убежденностью и смелостью»²³.

Правда, восхищение де Местра и де Бональда Берком не равнозначно особой близости между ними. Как заметил один французский автор, «Берк задохнулся бы при режиме и Бональда, и графа де Местра»²⁴. И действительно, Берк считал само собой разумеющимися те, в сущности, буржуазные права и свободы, которые утвердились в Англии; для континентальных консерваторов они были тогда просто немыслимы. Английского вига и французских феодальных реакционеров сблизила прежде всего борьба против Французской революции. Так уже у самых истоков консерватизма проявляется тенденция к консолидации в ответ на революционную угрозу, причем чаще всего на основе сдвига в сторону более реакционного полюса.

Имена Ж. де Местра (1753—1821) и Л. де Бональда (1754—1840) всегда фигурируют рядом, в одной связке, и для этого есть серьезные основания. «Вы всегда писали о том, что я думал, я всегда писал о том, о чем думали Вы», — говорится в одном из писем де Местра де Бональду²⁵. Тот же де Местр писал своему единомышленнику в 1818 г.: «Возможно, природа решила позабавиться, натянув в таком совершенном созвучии две струны: Ваш дух и мой! (Столь полный унисон — уникальный феномен)»²⁶. Даже их первые значительные произведения появились синхронно — в 1796 г., когда Великая французская революция прошла через все основные фазы своего развития.

Интересно, что оба они первоначально восприняли революцию спокойно, даже не без некоторой доли сочувствия. Будучи далекими от Версаля, аскетичными по характеру, оба с осуждением взирали на развращенные нравы придворного мира. Они не принадлежали к родовой аристократии. Де Местр не был даже французом. Он происходил из савойского «дворянства мантии»; его отец был возведен во дворянство сардинским королем за заслуги в деле кодификации законов королевства. Л. де Бональд был выходцем из провинциальной дворянской семьи в Лангедоке, поставлявшей французским королям чиновников. Революция застала его мэром небольшого городка. Ее противником де Бональд стал позже, чем Берк, только в 1791 г., когда был принят закон о переводе духовного сословия в обычное гражданское состояние. Де Местр изменил свою благожелательную к революции по-

зицию на враждебную несколько раньше: после провозглашения Декларации прав человека и гражданина. Затем антиреволюционные и антидемократические взгляды двух диоскуров консерватизма были подогреты конфискацией их владений.

Несмотря на существенное, а порой даже детальное сходство их воззрений, у каждого из них было свое лицо, свой метод, свой стиль. Оба, особенно де Местр, получили превосходное образование, обладали незаурядными познаниями в разных областях. По своим человеческим качествам они стояли выше большинства тех аристократов, чьи интересы они так ревностно отстаивали. Их взгляды предстают как крайнее проявление мракобесия и фанатизма не в силу каких-то личных патологических свойств, а в силу логики их ультраконсервативной позиции.

Несмотря на крайнюю реакционность, оба они понимали, что просто перевести стрелку часов вспять, к 1788 г., как предлагал неаполитанский король, дело совершенно немыслимое. Кроме того, старый порядок не был в глазах де Местра и де Бональда идеалом. Революцию савойский граф считал заслуженной карой морально разложившейся аристократии. Возврат к дореволюционному состоянию, следовательно, не гарантировал от новой революции. Путь к спасению и де Местр, и де Бональд усматривали в усилении роли религии, причем не только в духовной, но и светской сфере. По сути дела, речь шла о теократии, т. е. передаче духовенству власти в общественной жизни.

Наиболее последовательным теократом был де Местр, выдвинувший идею создания универсальной общеевропейской монархии во главе с римским папой. Трактат де Местра «О папе» был плодом многолетних раздумий и вышел в свет за два года до его смерти, в 1819 г. Теперь, когда эра страстей позади, следует трезво и спокойно признать, писал де Местр, что «европейская монархия не может быть утверждена иначе как посредством религии», а «универсальным монархом может быть только папа»²⁷. «Приоритет суверена-понтифика (т. е. папы.— *Авт.*), на взгляд де Местра, то же самое, что система Коперника для астрономов». Обвинения по адресу пап в том, что они залили Европу кровью, наполнили ее фанатизмом, де Местр отвергает, как несущественные; это было в далеком прошлом и не имеет значения для настоящего и особенно будущего. Самое главное заключается в том, что папская власть — «всегда власть консервативная»²⁸.

Папы — хранители европейской сущности, европейских институтов. В Европе было якобы слишком много свободы и мало религии, поэтому и произошли ужасные социальные потрясения. Только теократия может предотвратить их в будущем.

Ядром консервативных построений де Местра является идея эквilibра, т. е. создания статичного равновесия в политической и духовной жизни, такого равновесия, которое обеспечило бы долговременное сохранение консервативного порядка вещей, приостановило бы прогрессивное развитие человечества. Папской власти как раз и предназначалась роль главной силы этого эквilibра. В самой идее де Местра с наибольшей рельефностью проявилось ультраконсервативное видение мира. Чудесный эквilibр во главе с папой должен внести порядок в отношения между европейскими светскими государями, должен обеспечить им власть над подданными и в то же время убедить последних, что подчинение не исключает свободы и даже предполагает ее. Кроме того, теократия, как считал де Местр, сможет включить в эквilibр и политику, и науку²⁹. Из всего этого вырисовывались контуры грандиозного консервативного замысла: с помощью такого рычага, как религия, надолго, если не навсегда, затормозить развитие человеческого общества.

Логика теократического подхода привела де Местра к апологетике средневековой троицы: папа — король — палач. Настоящий гимн палачу звучит в его «Санкт-Петербургских вечерах»: «Все величие, все могущество, все подчинение возложены на него: в нем воплощены ужас и нить связи между людьми. Лишите мир этой непостижимой силы — в одно мгновение порядок обратится в хаос, троны рухнут и общество исчезнет»³⁰. Не менее горячо восславил де Местр испанскую инквизицию, видя в ней единственное средство борьбы с инакомыслящими еретиками. Если трибуналы инквизиции и подвергли массу людей мучениям, то делали это на законном основании, поэтому обвинения по их адресу бессмысленны. Что же касается жертв инквизиции, то «упорствующий еретик и пропагандист ереси неоспоримо должны считаться самыми великими преступниками»³¹. Если преступление столь значительно, то должна пролиться кровь, а священник понадобится для того, чтобы утешить жертву на эшафоте.

На теократической позиции твердо стоял и де Бональд. Декларацию прав человека и гражданина он пред-

лагал заменить Декларацией прав бога. По мнению де Бональда, «бог — автор всех совершенных законов или необходимых отношений, имеющихся среди социальных существ»³². Однако его теократизм не доходит до идеи универсальной монархии во главе с папой; он придерживается более сбалансированного представления о соотношении между религиозной и светской властями, не отдавая явного приоритета какой-то одной из них. Де Бональд выдвигает идею «конституированного» упорядоченного общества, представляющего собой «союз религиозного и политического обществ, следовательно, двух консервативных властей, бога и монарха; двух консервативных сил, клира и дворянства». Правительство и религия, с откровенной убежденностью пишет де Бональд, это «две узды, необходимые для сдерживания страстей человеческих»³³.

Консервативному, статичному образу мышления де Бональда также близка идея эквилибра, правда, трактует он его гораздо уже, чем де Местр, подразумевая под ним присущее «конституированному обществу» равновесие между составляющими его религиозными и политическими компонентами³⁴.

В противовес теории просветителей об общественном договоре де Бональд выдвигает положение о том, что общество не могло существовать до монархии, поскольку оно не может возникнуть прежде, чем возникнет власть. Это совершенно бездоказательное положение подается как аксиома. Отсюда следует вывод: «Было бы абсурдно полагать, что общество вправе предписывать какие-то условия монарху»³⁵. Только традиционная, наследственная монархическая власть выглядит в его глазах легитимной, т. е. законной.

Принцип легитимности предстает у де Бональда в самой крайней форме, что обеспечило ему признание монархической реакции всей Европы. В писаниях де Местра этот принцип тоже занимал видное место, но все же порой оказывался в тени ультрамонтанства, идеи неограниченной папской власти.

Как и де Местр, де Бональд начисто отвергает республику. Их аргументация великолепно отражает специфику консервативного образа мышления. Де Местр рассуждает так: больших республик, подобных Франции, не существовало, а раз нет прецедента, нет и реальных шансов для сколько-нибудь длительного существования Французской республики.

Образцом «конституированного общества» де Бональд считал общество феодальное; оно лучше всего соответствует фундаментальным социальным законам. Причем идеалу де Бональда больше всего соответствовала французская феодальная монархия до абсолютизма Людовика XIV.

Восхваление феодализма сочетается у французского легитимиста с критикой капиталистических отношений; особенно негативно относился он к торговле, «ибо коммерция рассматривается как единственная религия обществ, после того как деньги становятся единственным божеством». Коммерция, пусть даже самая честная, ставит людей в непрерывное состояние войны друг с другом, разъединяет их страхом конкуренции, жаждой успеха, подрывает сельское хозяйство — эту основу общественного процветания. Хотя законом во Франции дворянству не возбраняется заниматься коммерцией, но «нравы, так сказать, природа, которые гораздо мудрее человека, не позволяют им делать это»³⁶. Сам де Бональд весьма категоричен: дворянство просто не должно позорить себя коммерцией. Такое яростное отрицание капиталистических норм находится в явном противоречии с буржуазными элементами воззрений Берка, которым так восхищался де Бональд.

Существенно отличаются де Местр и де Бональд от Берка и своим отношением к реформам. Если английский консерватор пытается связать реформы с традицией, то французские реакционеры противопоставляют традицию и авторитет реформе. Сама по себе концепция реформы, на взгляд де Местра, несостоятельна. Любой политической конституции присущи врожденные дефекты в силу несовершенства природы человека, а так как природу человека нельзя изменить, то нет смысла пытаться изменить конституции. Вообще акт творения — не дело человека, и, следовательно, реформа тоже не в его власти. В припадке безумия человек может лишь разрушить дело рук божьих; одна только религиозная традиция сочетает в себе созидательную и консервативную сущность³⁷. Самым великим бедствием называет де Местр дух обновления³⁸. Де Бональд готов допустить только изменения в законах религиозного общества, т. е. исходящих от церкви. Новации же в общественной жизни всегда, по его мнению, вносят большую смуту в гражданское общество. В лоне реформы, предостерегает де Бональд, рождается республика, а в лоне республики —

реформа³⁹. Наконец, самый «убийственный» аргумент де Бональда: авторитет не может быть реформирован, поскольку он непогрешим, иным же он и не может быть, потому что тогда он не был бы авторитетом. Далее круг замыкается: если обществу присущ авторитет, то ему тоже свойственна непогрешимость, и оно не должно быть реформировано⁴⁰.

В целом вопреки постоянно декларируемому стремлению к конкретности, учету реального опыта как де Местр, так и де Бональд крайне метафизичны. Свои положения они склонны считать верными на все времена и для всех народов. Недаром де Местру так нравилось введенное в обиход германскими философами понятие «метаполитика», предполагающее наличие в политике абсолютных законов. В этом отношении их образ мышления существенно отличается от живой, гибкой, хотя и непоследовательной, мысли Берка, чуждой абстракции и догматизму.

Важно отметить, что в отличие от Берка, чья книга сразу же стала, пользуясь современным выражением, бестселлером, труды де Местра и де Бональда имели первоначально незначительный резонанс. Их активная циркуляция началась после 1815 г., когда наступила эпоха Реставрации, восстановления сметенных революцией и наполеоновскими войнами порядков и династий, масштабная попытка не только затормозить, но и повернуть вспять ход истории. Идейной платформой Реставрации как раз и явился принцип легитимизации: легитимным, или законным, реакционеры считали «старый порядок», существовавший до 1789 г.

Для осуществления на практике этого принципа вскоре после Венского конгресса, 26 сентября 1815 г., в Париже монархами Австрии, России и Пруссии был основан Священный союз, к которому затем присоединились другие монархии Европы. Главная задача союза заключалась в подавлении революционных и национально-освободительных движений. Естественно, что прикрытием реакционного союза служили высокопарные фразы о необходимости даровать континенту прочный и длительный мир. Не изживший еще до конца туманных либеральных вейний молодости российский император Александр I пытался было включить в акт о создании союза кое-какие положения, способные посеять иллюзии у тех, кто не принимал крайности легитимизма, но австрийскому канцлеру К. Меттерниху удалось отговорить царя от этой

«либеральной» затеи. И хотя инициатором создания союза был российский император, его подлинной душой, живым воплощением стал именно Меттерних (1773—1859). Интересно отметить, что поначалу он не сумел оценить те возможности, которые таились в этом альянсе для международной, и особенно австрийской, реакции, назвав акт о создании Священного союза «пустым и трескучим» документом. Но очень скоро австрийский канцлер круто изменил свое отношение к Священному союзу и взял на себя роль его дирижера и играл эту роль вплоть до революции 1848 г.

В историю Европы австрийский канцлер вошел как автор пресловутой «меттерниховской» системы, принципы которой до сих пор находят отклик среди консервативных политиков и идеологов. Тот факт, что эта система развалилась под натиском революционного процесса, не мешает кое-кому из современных консерваторов считать Меттерниха великим политическим деятелем, поскольку в течение трех десятилетий ему в той или иной мере удавалось поддерживать реакционный порядок. Сам Меттерних без излишней скромности говорил о себе так: «В течение тридцати лет я играл роль скалы, о которую разбивались ужасные волны»⁴¹. Благодаря незаурядному дипломатическому искусству, умению сыграть на страхе монархов перед революцией Меттерних сумел добиться такой позиции в европейской политике, которая явно превосходила удельный вес представляемой им Габсбургской империи.

По психологии, по складу ума Меттерних был аристократом XVIII в., циничным сибаритом с повадками грансенъора, хотя титулы и огромное богатство достались ему отнюдь не по наследству. В высшее общество Вены беглец из оккупированной французами Рейнской области проник благодаря женитьбе (в 1795 г.) на внучке канцлера Кауница. С его стороны это был брак явно по расчету, впрочем, не помешавший ему вести жизнь в весьма фривольном стиле вельмож XVIII в. Новый, XIX век был ему чужд во многих отношениях. Меттерних не раз сожалел о том, что родился слишком поздно или слишком рано (поскольку он считал, что история движется по кругу).

Благодаря, в частности, его усилиям, европейская дипломатия сохранила в те годы не только кабинетный, но и куртуазный характер. Еще Венский конгресс называли танцующим конгрессом. В таком же духе проходили

и конгрессы Священного союза, собиравшие весь цвет европейской аристократии, признанных светских львов и львиц. Решения, в результате которых лилась кровь тысяч борцов за национальное освобождение, противников феодально-абсолютистских порядков, принимались в краткие промежутки между балами и иными увеселениями. Известный французский дипломат М. Палеолог с едкой иронией писал о Меттернихе, провозглашавшем на конгрессах «вечные законы морального порядка», а по вечерам спешившем в салон своей любовницы, в данном случае графини Ливен⁴². Когда склонный к аскетизму де Бональд на Веронском конгрессе (1822) увидел «поборников легитимизма», он с возмущением писал одному из друзей: «Этот конгресс с его празднествами и гала-представлениями заставил меня подумать о Вавилоне»⁴³. Все это в его глазах выглядело отвратительно и позорно. Но именно в такой обстановке Меттерних чувствовал себя как рыба в воде. Пожалуй, лучше всех знавший Меттерниха Ф. Генц следующим образом характеризовал своего патрона: «Не человек сильных страстей и быстрых действий; не гений, не большой талант; холодный, спокойный, невозмутимый и расчетливый»⁴⁴. Анализируя политические взгляды и деятельность Меттерниха, Генри Киссинджер в своей книге «Восстановленный мир» (о ней речь еще будет идти) оценивал австрийского канцлера как «посредственного стратега, но великого тактика»⁴⁵.

В связи с этой оценкой возникает важный вопрос о специфике консервативной политики вообще. Можно ли придерживаться долгосрочной стратегии, не видя длительной исторической перспективы? Правы ли те исследователи, которые пишут, что Меттерних, будучи по духу человеком прошлого века, не понимал век текущий? Ведь он обладал большим политическим опытом, острым социальным инстинктом, чтобы почувствовать приближение новой грандиозной революционной угрозы. Его чувствительность обострялась еще и тем обстоятельством, что он был канцлером раздираемой массой противоречий лоскутной, многонациональной империи. Правда, большинство ссылок на непреодолимый дух времени было сделано им задним числом, после 1848 г., видимо, для того, чтоб как-то оправдать свое поражение. Но и от более ранних времен оставались свидетельства его исторического пессимизма. В письме Меттерниха российскому министру иностранных дел Нессельроде (1830) можно найти такую фразу: «В глубине души я сознаю, что

старая Европа обречена»⁴⁶. Свою задачу он видит в том, чтобы отсрочить неизбежное.

На это и была нацелена «система Меттерниха». Правда, самому австрийскому канцлеру этот термин не нравился, он считал его изобретением досужих умов, предпочитал говорить о «принципах». Тем не менее автор наиболее солидной биографии Меттерниха Г. Р. фон Сербик полагал, что, несмотря на декларируемое канцлером отвращение к абстракциям, можно говорить о «меттерниховской системе», что в ней содержится «метаполитический» момент, сближающий ее в этом смысле с построениями Ж. де Местра⁴⁷. Конечно, Меттерних и не помышлял об универсальной теократической монархии. Он стоял на конкретной почве международных отношений своего времени, но охранительное, консервативное миропонимание привело его к идее эквилибриума в виде сбалансированной системы европейских государств, основанной на соблюдении баланса между наиболее могущественными державами, солистами европейского концерта. Внешнеполитический эквилибриум теснейшим образом связан с внутривластным господством консервативных сил. По Меттерниху, «покой являлся первейшей потребностью для жизни и процветания государства». При таком «покое» нет места свободе, парламентаризму. «Слово „свобода“, — говорил Меттерних, — является для меня не исходным, а конечным пунктом. Исходный пункт — это слово „порядок“. Свобода может покоиться только на понятии „порядок“»⁴⁸. Понятие «парламентаризм» для Меттерниха было созвучно понятию «революция».

Несмотря на сугубо практический и светский характер меттерниховского принципа эквилибриума, он типологически родственен подходу де Местра. Это обстоятельство уловил М. Палеолог в своей характеристике «системы Меттерниха». Все сводится, писал он, к простой формуле: «способствовать внешнему миру между нациями путем равновесия сил и союза коронованных властителей — внутреннему миру в государстве путем объединения консервативных властей и совместных действий легитимных правительств. Это не что иное, как органическое и трансцендентное понимание человеческого общества, „мировоззрение“, подобное христианской теократии средневековья, религиозное попечительство над народами в католическом феодальном государстве»⁴⁹.

Подобная система равновесия с железной необходимостью предполагала интервенцию против социальных и со-

циально-освободительных движений, нарушавших эквилибриум. Она должна была сковать движение исторического процесса, заставить время остановиться, и это обрекало ее на конечный провал. Однако историческая обреченность такого рода политики не означает, что она, пусть на ограниченное время, не способна оказать серьезного сопротивления социальному прогрессу.

Система Меттерниха, как и вся его политическая деятельность в качестве дирижера европейского концерта держав, неотделима от более скромной фигуры его ближайшего советника и соратника Ф. Генца (1764—1832). Истоки идей меттерниховской системы можно обнаружить в опубликованной еще в 1801 г. книге Генца «О политическом положении Европы до и после Французской революции». В ней проводилась мысль о том, что все беды Европы происходят от небывалого преобладания одной из европейских держав — Франции. Это нарушило «равновесие», «истинную федеративную систему»; пока это равновесие сохранялось, народы континента пользовались благами мира. В описании Генца двадцать лет, предшествовавших революции, выглядят периодом мира и процветания, временем, когда «просвещенный, милосердный и мирный образ мыслей завладел в большинстве европейских стран массой народа»⁵⁰. Мудрые государственные деятели видели недостатки тогдашней федеративной системы и разумно, не торопясь работали над улучшением «общественной конституции Европы». Но Французская революция и развязанные ею войны разрушили благотворную систему. Единственный путь к спасению Европы — восстановить её. Этой задаче Генц посвятил свои силы.

Если Меттерних удостоился титулов «первого европейца», «первого министра Европы», то Генца именовали «секретарем Европы», даже «крестным отцом Священного союза». «Я был доверенным министра, которого люто ненавидели либералы во всех странах... Мне выпала редкостная участь вести протоколы шести конгрессов суверенов и двух министерских конгрессов в Вене, Париже, Аахене, Карлсбаде, Троппау, Лайбахе и Вероне... Я всегда сознавал, что дух времени в конце концов окажется сильнее нас... Но, несмотря на это, с верностью и упорством я осуществлял выпавшую на нашу долю задачу»⁵¹ — так подводил Генц итоги своей жизни и деятельности.

Лично Генц не отличался высокой моралью. Этот вы-

ходец из добропорядочной прусской буржуазной семьи привык вести вполне аристократический образ жизни. Современникам он запомнился не столько своими делами в качестве «серого преосвященства» при Меттернихе, сколько связью со знаменитой балериной Фанни Эйслер. Генц не гнушался брать деньги и «подарки» от официальных представителей всех европейских дворов, от частных лиц, надеявшихся в своих интересах использовать его влияние. Обладая изысканным эстетическим вкусом, Генц мог испытывать наслаждение от произведений писателей и поэтов, которых он считал своими политическими врагами, например Гейне и Байрона.

Патрон Генца Меттерних вошел в историю как искусный мастер политического лавирования и манипулирования. Но это не должно затемнять того факта, что он не колеблясь готов был применить самые крайние репрессивные меры, когда считал их более целесообразными. Поддерживать эквилибриум нелегко, так как враждебные силы — их Меттерних именовал «социалистами» или «анархистами» — постоянно пытаются его разрушить. Поэтому против них пригодно любое оружие, любые методы, включая интервенцию. Генц полностью разделял эту жесткую позицию и, как обычно, разработал соответствующее обоснование.

Так, в марте 1831 г. появились его «Замечания о праве на интервенцию», где, обобщая богатую практику Священного союза, задним числом он трактует это право фактически как неограниченное.

На словах Меттерних не отвергал умеренные реформы сверху, говорил о том, что стабильность не следует отождествлять с застоєм и неподвижностью. Однако реформистская практика была ему абсолютно чужда. Реформа для него тождественна уступке, а уступки расшатывают «систему». На его взгляд, законодательные и административные правила не рассчитаны на уступки, они и сами по себе постоянно улучшают положение дел, а уступки означают принесение в жертву суверенитета монарха. В нормальные времена реформы не нужны, потому что и без них все идет хорошо, а во времена потрясений они еще больше усугубляют беспорядок. Один из основных принципов Меттерниха заключается в следующем: «Когда страсти накалены, нельзя и помышлять о реформах; мудрость рекомендует в таких ситуациях ограничиться сохранением»⁵². Уже на исходе лет, пребывая в Англии, Меттерних живо отреагировал на речь одного

умеренного английского консерватора, который усматривал мудрость государственного деятеля в том, чтобы определить подходящий момент, когда можно пойти на уступки: «Моя концепция государственного деятеля совершенно иная. Истинная заслуга государственного деятеля... состоит в том, чтобы избегать ситуации, в которой уступки могут стать необходимыми»⁵³.

Ностальгия по славным временам до 1789 г. мешала Меттерниху разглядеть и верно оценить новые социальные силы в обществе XVIII в. «Рабочего вопроса» для него практически не существовало, к буржуазии он испытывал глубокое презрение. В ее либеральных устремлениях он видел смертельную угрозу своей системе, проявление невежественной «самонадеянности», чреватой «моральной гангреной» для общественного организма. Меттерних избегал контактов с богатой и образованной венской буржуазией, не понимал внутреннего мира и реальных интересов класса, теснившего феодальную знать.

Его клевет Генц хотя и был старше, но лучше улавливал происходившие социальные сдвиги. Во время встречи с английским социалистом-утопистом Р. Оуэном в 1818 г. Генц начисто отмел аргументы собеседника насчет необходимости улучшить положение рабочих: «Нам не нужна зажиточная и независимая масса. Как мы сможем тогда ею править!»⁵⁴. Однако осенью 1830 г. его более всего страшит угроза того, что «беспросветная нужда и отчаяние низших классов сделают их послушным орудием в руках безбожных демагогов»⁵⁵.

Если Меттерних не мог примириться с буржуазной Июльской монархией, пришедшей во Франции на смену Бурбонам после революции 1830 г., то Генц смотрел на это дело гораздо шире. «В добрый час,— приветствовал он правительство Июльской монархии,— если Дюпон, или Лаффит, или кто-нибудь еще сохранят порядок и смогут дать хлеб умирающим от голода рабочим, я завтра же отдам свой голос в их пользу»⁵⁶. У соратника Меттерниха были обширные и, конечно, не бескорыстные связи с миром коммерции; личная дружба связывала его с венским Ротшильдом. Генц даже отплатил другу за щедрые субсидии своим пером, написав весьма благожелательную книгу о доме Ротшильдов. В отличие от упорствующего канцлера его советник ясно видел, что нельзя бесконечно отказывать поднимающейся буржуазии в какой-то доле власти. Вообще после 1830 г. Генц был убежден, что

«революции больше не сдержать и потому было бы целесообразнее пойти на некоторые уступки, сохраняя при этом монархический принцип»⁵⁷. Все это вызывало размолвки между старыми противниками революции. Дело дошло до того, что возмущенный Меттерних, правда в весьма узком кругу, назвал Генца «революционером»⁵⁸.

Бряд ли стоит преувеличивать степень остроты противоречий между Меттернихом и его верным слугой, однако нельзя не учитывать того обстоятельства, что в них отразилось наличие двух тенденций внутри консерватизма: ультраконсервативной, традиционалистской, и умеренной, либерально-консервативной.

Безусловно, главная линия противоборства проходила тогда между нисходящей аристократией и восходящей буржуазией. Однако уже в те времена наметилась взаимная циркуляция между противоборствующими силами. Их подталкивал навстречу друг другу страх перед выступлениями низов, перед растущим пролетариатом. Более дальновидные и реально мыслявшие представители аристократии не могли не считаться с ростом могущества буржуазии, усилением ее социального влияния.

Либерально-консервативные тенденции раньше всего сказались в Англии и нашли реальное воплощение в политике лидера консервативной партии 30—40-х годов XIX в. Р. Пиля. В процессе борьбы против парламентской реформы, которая была проведена в 1832 г., консервативные силы, именовавшие себя по традиции «тори», предпочли для своей партии название «консервативная», поскольку оно точнее отражало их позицию в новых условиях. До сих пор понятия «консерватор» и «тори» используют как синонимы; между тем в генезисе консервативной партии вигскому элементу принадлежит существенная роль. Значительная часть вигской олигархии в конечном счете перешла на консервативные позиции, а ее идеолог Э. Берк, о котором шла речь выше, считается «отцом консерватизма». Мир Берка и Питта, т. е. вигов, которым столь многим обязаны консерваторы, по словам современного английского историка Гэша, «остается великой вершиной, с которой поток консерватизма стекал в равнины партийной политики викторианского времени»⁵⁹. Впрочем, между тори и вигами, а затем — между консерваторами и либералами происходил постоянный взаимообмен. Близкий сотрудник Пиля Гладстон станет воплощением британского либерализма, а самый известный консервативный политический деятель

У. Черчилль после дебюта в консервативной партии, пользуясь шахматной терминологией, миттельшпиль провел в рядах либералов, а затяжной эндшпиль — опять-таки в качестве консерватора.

Р. Пиль, возглавлявший консервативный кабинет с 1841 по 1846 г., по словам симпатизирующих ему современных английских историков Ф. Нортон и А. Охи, хорошо понимал, что «дух века» «работал» в пользу экономической либерализации, неудержимого роста индустрии. Да и сам Пиль был сыном крупного промышленника, удостоенного титула баронета. Заслугу Пилия те же английские авторы усматривают в том, что он «перевел реформистскую традицию из сферы совести и сознания в практическую политику индустриализирующейся Британии... заложил основы успешной консервативной политики на весь оставшийся XIX век»⁶⁰.

Действительно, Пиль взял курс на приспособление консерватизма к новым условиям политической борьбы после реформы 1832 г., по которой было ликвидировано несколько десятков «гнилых местечек», пересмотрено представительство от избирательных округов с учетом роли новых промышленных центров, расширен электорат (примерно до полумиллиона избирателей). Лидер консерваторов хорошо понимал, что буржуазия после реформы больше заинтересована в том, чтобы закрепить достигнутые успехи, чем расширять избирательный корпус. Склонный к компромиссам Пиль, находясь в оппозиции, лишь три раза голосовал против вигских кабинетов⁶¹. Целью Пилия было создание «союза собственности и порядка, делающего умеренные уступки силам перемен»⁶². В качестве консервативного премьер-министра он решился на отмену выгодных землевладельцам хлебных законов, в соответствии с которыми существовали протекционистские пошлины на ввозимое в индустриальную Англию продовольствие, что, естественно, било по карману бедняков. Английским же промышленникам отмена протекционистских законов была необходима, чтобы в обмен за это получить свободный доступ на рынки стран, покупавших их продукцию. Приняв решение вопреки большинству голосов собственной партии, Пиль не только встал на сторону промышленной буржуазии; он учитывал также настроения масс, такой фактор, как чартистское движение.

Противниками Пилия в партии были так называемые «ультра» — могущественная группировка консерваторов-

землевладельцев во главе с Р. Вивианом, маркизом Чандосом, Э. Нэтчбуллом. Вместе с ними против Пия выступали «тори-радикалы», аристократы из общества «Молодая Англия», у которых ностальгия по «доброй старой Англии» сочеталась с расчетом привлечь на свою сторону политически незрелых рабочих, страдавших от ужасов капиталистической эксплуатации. Кроме того, наиболее дальновидные из тори-радикалов, в частности их идеолог, выходец из мелкобуржуазной среды Б. Дизраэли, опасались, что из-за компромиссной линии Пия консервативная партия утратит свое лицо и будет поглощена вигами. Следствием внутренней борьбы между либеральной и традиционалистской тенденциями стал раскол партии в 1846 г. Пиль в известной мере опередил время; синтез феодальной аристократии и промышленной буржуазии еще не завершился даже в самой развитой стране тогдашнего мира. Что же касается его противников, они со своей традиционалистской риторикой, тягой к сохранению феодальных иерархических институтов и ценностей напоминали континентальных собратьев. Правда, английские «ультра» могли сойти на континенте за либералов.

Во Франции периода реставрации Бурбонов (1815—1830) практически безраздельно доминировали ультрароялисты; собственно от них и происходит термин «ультра». На французской же почве оформился и термин «консерватор» — так назвал свой журнал в 1818 г. Р. Шатобриан, в политической позиции и взглядах которого консерватизм переплетался с реакционным романтизмом, причем романтиком этот видный литератор был в большей мере, чем консерватором. «Ультра» стремились к утопической цели реставрации «старого режима», подразумевая под этим возврат к временам Генриха IV, а еще лучше — к раннему средневековью, эпохе крестовых походов, странствующих рыцарей и трубадуров. Их фантазмагорические устремления совпадали с целями Карла X, попытавшегося восстановить всевластие монархии, что вызвало революционный взрыв в июле 1830 г. После повторного свержения династии Бурбонов ее сторонники, часть аристократии, мелкое дворянство и клир, не сложили оружия и заняли место на крайне правом фланге политической структуры Июльской монархии (1830—1848), возглавляемой представителем Орлеанской династии Луи-Филиппом. Как отмечает известный французский историк Р. Ремон, 1830 год разделил правый лагерь на более уме-

ренную орлеанскую правую и крайне правый традиционализм⁶³.

Либерализм консерваторов умеренного типа был крайне ограниченным. В сущности, он допускал некоторое расширение элиты за счет крупной буржуазии и одаренных представителей буржуазной интеллигенции. Участие в политической жизни оставалось уделом немногих, даже голосовать имели право, можно сказать, не избиратели, а избранные: с 1830 по 1846 г. электорат увеличился с 99 тыс. до 224 тыс. из 35 млн. населения. Еще меньше было сделано в сфере социальной. За время пребывания у власти правительства Ф. Гизо (1842—1848), писал английский историк Вудворд, «не было принято ни одной заслуживающей внимания социальной меры. Даже робкие попытки экономических реформ обычно гасились страхом задеть права собственности»⁶⁴. В этом смысле Гизо недалеко ушел от Меттерниха, с которым у него установились весьма дружеские отношения, особенно после 1848 г., когда оба бежали от революции. Отвечая на обвинения в равнодушии к беднякам, Гизо предлагал свой знаменитый рецепт: «Обогащайтесь!» Либерально-консервативный режим Июльской монархии с легкостью рухнул под ударами революции 1848 г. в значительной мере из-за своей ограниченности.

У либерального консерватизма еще не было сколько-нибудь серьезной социальной базы. Он не был своим для умеренных кругов аристократии, и не стал он еще своим и для значительной части буржуазии, так как привел к власти старую финансовую олигархию; промышленная буржуазия оставалась в стороне.

Деление на «ультра» и либеральных консерваторов стало со временем характерным и для других стран Европы. Особенно четко оно прослеживается в Испании с 30-х годов. Конституционно-династический конфликт после смерти Фердинанда VII обострил борьбу в правящем лагере. Консервативные силы Испании были представлены прежде всего партией «модерадос» или умеренными, позиции которых во многом совпадали со взглядами Гизо. Насколько узкой была база либерального консерватизма, можно судить по тому факту, что право голоса имели лишь 18 тыс. богатых и образованных избирателей (0,15% населения страны⁶⁵).

«Ультра», крайне правые консерваторы-традиционалисты, сгруппировались вокруг младшего брата покойного короля Фердинанда VII дона Карлоса, который оспа-

ривал право на трон у дочери короля Изабеллы II. Дело дошло до ожесточенной гражданской войны, причем на стороне испанских «ультра» сражался своеобразный «иностранный легион» из единомышленников, предоставлявших разные страны Европы. Под знаменем карлистов (по имени дона Карлоса) выступали французские «ультра-роялисты» и прусский князь Ф. Лихновски. Один из деятелей «Молодой Англии» лорд Мэннорс тоже ездил к карлистам и написал сонет в честь претендента⁶⁶.

В Пруссии столкновение либерально-консервативной и ультраконсервативной тенденций достигло наибольшей остроты в годы, следовавшие за позорными поражениями от войск Наполеона при Иене и Ауэрштадте (1806). Раздражителем огромной силы стали для прусских традиционалистов реформистские замыслы и действия барона фон Штейна, возглавлявшего прусское правительство в 1807—1808 гг. Вождем ультраконсервативной оппозиции оказался Ф. А. фон Марвиц, о котором Ф. Энгельс писал как о человеке «непоколебимой веры в чудодейственную силу пяти ударов кнута, когда дворянство применяет их против плебса»⁶⁷.

Между тем фон Штейн отнюдь не покушался на господство помещиков-юнкеров, предлагая отменить лишь некоторые из их привилегий, возбуждавших особое недовольство крестьян, мешавших капиталистическому развитию и даже просто нормальному функционированию государственно-бюрократического аппарата Пруссии. Высокую оценку фон Штейн давал Берку: «Этот великий, умудренный опытом и достойный почитания за свой благородный характер государственный деятель с силой и увлекательным красноречием защищал в своем бессмертном труде «Размышления о революции во Франции» закон и религиозную свободу против метаполитических новаторов, опустошавших Францию»⁶⁸. Тем не менее Марвицу и ему подобным сторонник либерально-консервативных реформ казался опасным якобинцем. «Штейн начал революционизацию нашего отечества,— утверждал Марвиц,— войну неимущих против собственности, индустрии против сельского хозяйства, толпы против стабильных элементов, грубого материализма против порядка, установленного богом, корысти против закона, настоящего против прошлого и будущего, индивида против семьи... бюрократии против связей и отношений, укорененных в истории страны»⁶⁹. Марвиц и его единомышленники твердо стояли за сохранение высоких барьеров между дворянством и

буржуазией, видя в борьбе против индустриального развития извечный спор «героического духа против меркантильного», решительно отвергая «западную идею равенства»⁷⁰.

Линия Марвица оказалась более устойчивой в истории прусско-германского консерватизма, чем линия Штейна. Не без основания американский ученый Г. Крейг усматривает в Марвице предшественника реакционеров из Союза сельских хозяев в кайзеровском рейхе, той камарильи аристократов-землевладельцев, которая группировалась вокруг президента Гинденбурга и сыграла столь роковую роль в установлении гитлеровской диктатуры.

В период феодально-абсолютистской реакции, наступившей после наполеоновских войн, либерально-консервативные тенденции в Пруссии почти совсем зачухли. Успокоились и прусские ультраконсерваторы. Начиная с 30-х годов XIX в. ведущая роль в развитии консервативной идеологии принадлежала политическим деятелям из придворных кругов романтически-консервативно настроенного короля Фридриха Вильгельма IV. Главными фигурами прусского консерватизма были братья Герлахи, занимавшие видные посты в военной и бюрократической иерархии, а также философ-правовед Ф. Ю. Шталь.

Среди прусских традиционалистов наиболее популярными были теоретические построения швейцарского правоведа К. Л. Галлера. Они ставили этого бернского патриция в один ряд с главными идеологами консерватизма эпохи Реставрации. «И какая еще земля в мире могла бы похвалиться тем, что она, подобно Швейцарии, произвела плод столь сочного легитимизма»⁷¹, — писал о нем К. Маркс. Галлер привлек внимание прусско-германских легитимистов прежде всего своим прославлением мелкодержавного абсолютизма. Власть государей, по его теории, проистекает не из «общественного договора», а в силу естественного превосходства сильного над слабым. Князьями же сразу становились наиболее сильные и одаренные: их право на власть не пуждалось в какой бы то ни было общественной санкции; оно обретало частноправовой характер. «Князья, — излагает воззрения Галлера Б. Н. Чичерин, — не имеют над собою высшего, кроме бога, а потому подчиняются только божественному, а не человеческому закону и никому не обязаны давать отчет в своих действиях. Народам нечего опасаться такого преимущества; по природе вещей оно иначе быть не может, следовательно, это — божественное установление, а боже-

ственное установление ни для кого, не может быть вредно»⁷². Здесь Галлер смыкается с французскими теократами и признает, что духовная власть имеет приоритет над светской, как душа по отношению к телу. По сути дела, Галлер стремился к реставрации средневековых монархий, при которых государственное право было частным правом власть имущих.

Ф. Ю. Шталю воззрения Галлера казались архаичными. Правда, его резкая критика швейцарского правоведа объяснялась не только принципиальными разногласиями, но и интеллектуальным соперничеством. Шталь в своих трудах пытался синтезировать католический принцип авторитета, развитый консерваторами-теократами, с принципом свободы, как он понимался в протестантской религии. Фактически речь шла о том, чтобы очистить столь близкий сердцу консерваторов принцип авторитета от крайней религиозной нетерпимости, характерной для де Местра и де Бональда, и сочетать монархическую власть с элементами конституционализма. И все же де Местр был ближе Шталю, чем Берк. Местровское обоснование легитимизма, на его взгляд, «самое истинное, исчерпывающее и простое»⁷³. Восхваляя Берка за опыт, практицизм, решительную борьбу против Французской революции, Шталь полагал, что Берк «гораздо менее ценен, когда речь идет о спекулятивном обосновании, здесь его не сравнить с де Местром»⁷⁴. Кроме того, Берк готов оправдать революцию, если она исторически, по его мнению, мотивирована (т. е. 1688 г.), для Шталя это уже слишком. Несмотря на критику Галлера, Шталь тоже считал необходимым сохранить сословно-корпоративное представительство средневекового типа.

При всем своеобразии американского консерватизма в нем можно обнаружить определенные параллели с европейскими разновидностями этого явления. Долгое время американским исследователям и идеологам было свойственно стремление отмежеваться от консерватизма как идеологии и политики, чуждой исконному демократизму США. Проповедуя исключительность американского пути исторического развития, они утверждали, что в Новом Свете нет места крайностям революции и реакции⁷⁵. Такой взгляд особенно четко отразился в концепции американского ученого Л. Харца. Главной чертой американского общества, не знавшего феодализма, он считает изначальный либерализм, поэтому в США отсутствует та революционная традиция, какая сложилась в европейских

странах, где глубоко укоренившиеся феодальные отношения были опрокинуты буржуазными революциями, а там, «где не было Робеспьера, нет места и для де Местра»⁷⁶.

Иного взгляда придерживается американский исследователь консерватизма К. Росситер. Он обнаруживает зачатки консерватизма еще в колониальном периоде американской истории у пуританской олигархии, во многом определявшей духовную жизнь колонистов, у американских тори и консервативных вигов, следовавших британским образцам: «Решительные консерваторы были еще до Джона Адамса, а преуспевающие правые еще до федералистов». В самой американской конституции Росситер видит «триумф консерватизма»⁷⁷, но не реакции. С ним согласен и другой американский автор П. Вирек: «...наша конституция представляет беркианскую, а не реакционную ветвь консерватизма»⁷⁸.

Принципиальная особенность американского консерватизма определяется тем фактом, что он созрел на почве преимущественно капиталистических отношений. В международном контексте генезиса консерватизма американский пример подтверждает, что природа консерватизма шире, нежели феодально-абсолютистская реакция, что консервативный потенциал заложен уже в раннем капитализме.

Ключевыми фигурами американского консерватизма периода становления США считают двух из «отцов-основателей»: Дж. Адамса (1735—1826) и А. Гамильтона (1757—1804). Первого из них связывают с умеренной ветвью консерватизма. Наряду с Д. Мэдисоном Дж. Адамс, по словам П. Вирека, был сторонником промежуточной линии между «джефферсоновской демократией и гамильтоновской аристократией»⁷⁹. Что же касается Гамильтона, Росситер пишет о нем так: «Ни один американец не стоял столь беззаветно за правление мудрых, добрых, богатых»⁸⁰. За склонность к монархическому образу правления и наследственной аристократии он даже относит Гамильтона к числу реакционеров.

Если Дж. Адамса можно в известной мере поставить в один ряд с европейскими консерваторами, а точнее сказать — с Берком, то для Гамильтона европейские мерки менее уместны. «В основе политических взглядов Гамильтона, — отмечал американский ученый В. Л. Паррингтон, — лежала традиционная психология тори». Но вместе с тем он, по словам того же Паррингтона, «проявил ясное понимание характера экономического переворо-

та, которому предстояло превратить Америку из страны аграрной в индустриальную; призывая государство способствовать такому развитию, он указал путь, по которому Америка идет до сих пор»⁸¹.

Существенным своеобразием отличался и традиционалистский консерватизм американского плантаторского Юга. Для США Юг означал нечто подобное пережиткам феодализма в Европе. Южане выдвинули из своей среды таких видных идеологов и практиков, как Д. Кэлхун (1782—1850) и Д. Фицхью (1806—1881). Виреку Д. Кэлхун, с одной стороны, напоминает Берка своей привязанностью к родным местам, стремлением отстоять их самобытность под напором северного феодализма. Кэлхун восхвалял идеалы демократии, когда речь шла о специфических правах южан-плантаторов, был озабочен созданием такого порядка, при котором эти права реакционно-го меньшинства остались бы неприкосновенными.

Стойким приверженцем «патерналистского правления, святости традиций и прелестей стабильности» был, по словам Росситера, политический философ-южанин Д. Фицхью, сожалевший, что Америка — страна, не подходящая для монархии, и восхвалявший замкнутое иерархическое общество в феодальном стиле.

Уже в ранний период эволюции консерватизма складываются существенные элементы консервативного мировоззрения, сохраняющиеся в модифицированном виде до наших дней. Речь идет о консервативном подходе к проблемам общества, человека, истории. Вследствие присущего консервативной идеологии эклектизма приходится говорить скорее о наборе положений, догматов, чем о логически связанной системе. У консервативных мыслителей встречаются обычно лишь разрозненные элементы этого набора. Выяснять логические связи между ними они предоставляют своим идейным противникам и критикам.

У консерваторов «первого часа» идеологические принципы сформулированы весьма откровенно, поскольку это было сделано в острейшей и непосредственной конфронтации с идеологией Просвещения и буржуазным либерализмом. Кроме того, их писания были адресованы узкому кругу читателей, в основном близким по духу; общественного мнения в современном смысле слова тогда еще почти не существовало и оно не могло оказывать сколько-нибудь сильного давления на идеологов.

Фактически все основные положения консервативной

идеологии возникли в качестве антитезы соответствующим положениям идеологии Просвещения. Наибольший гнев консерваторов вызывал выдвинутый Ж.-Ж. Руссо принцип народного суверенитета, подрывавший морально-правовые основы феодально-абсолютистского порядка, положение о божественном происхождении монархической власти. В отрицании народного суверенитета сходились все консерваторы, невзирая на идейные или политические разногласия по иным вопросам. Так, Э. Берк считал, что народный суверенитет — «самая фальшивая, безнравственная и злонамеренная доктрина, которая когда-либо проповедовалась народу»⁸². Особенную настойчивость в борьбе против народного суверенитета проявляли теократы. Для де Местра народный суверенитет — «антихристианская догма», тогда как «божественное происхождение суверенитета — консервативная догма государств». «Суверенитет,— подчеркивает де Местр,— для нас вещь священная, эманация божественного могущества»⁸³. Суверенитет не может исходить ни от народа, ни от человека; он не может быть ограничен; он абсолютен и непогрешим. Король и аристократия формируют исходящий от бога суверенитет. Трактовку проблем происхождения и природы суверенитета итальянский социолог Б. Брунелло считает центральной в политической концепции де Местра⁸⁴.

Поскольку принцип народного суверенитета имеет рационалистическое обоснование, то его противники обрушиваются и на разум. Вообще вся полемика консерваторов с Просвещением проникнута духом иррационализма и агностицизма. Рационализм, по убеждению де Местра, более ограничен, чем религия; он не может объять всю жизнь человека, его веру, глубокую тайну, которая окутывает человеческие судьбы⁸⁵. Подчинение разума вере благотельно для человечества, полагал де Бональд. Религия, желая подчинить разум вере, заботится о человеческой доброте, ведь разум пробуждает в человеке эгоизм, страсть к господству и прочие вредные наклонности⁸⁶. «Если нет иного авторитета, чем разум, тогда революция должна быть естественным состоянием общества, а интервалы покоя и порядка могут быть только исключением»,— писал Генц⁸⁷.

Только принесением разума в жертву вере можно обосновать ключевое положение консерватизма и его догматики — принцип авторитета. Авторитет, по де Местру, предшествует разуму. Вообще разум не в состоянии быть

руководством для людей, так как очень немногие могут здраво рассуждать, никто не может здраво судить обо всем, поэтому авторитет — начало всех начал⁸⁸. В понятие «авторитет» де Местр включает порядок, разум, меру. Источником авторитета, как и суверенитета, является бог, поэтому авторитет в консервативном истолковании неотделим от верховной суверенной власти. Хотя и не в столь откровенной феодально-аристократической и теократической форме он характерен и для меттерниховской системы.

Противопоставленный народному суверенитету, авторитет базировался также на таком принципе консерватизма, как традиционализм. Суть консервативного традиционализма великолепно раскрыл К. Маркс, говоря об исторической школе права, «которая подлость сегодняшнего дня оправдывает подлостью вчерашнего, которая объявляет мятежным всякий крик крепостных против кнута, если только этот кнут — старый, унаследованный, исторический кнут»⁸⁹. С точки зрения де Местра, оправданием свергнутой революцией монархии, ее преимуществом перед республикой является тот факт, что за ней четырнадцать веков истории. Одно из самых тяжких обвинений по адресу революции заключается в том, что она разбила все традиции, заменив их народным суверенитетом. Даже варвары, жалуется де Местр, «лучше понимали здравый смысл веков, чем это позволяет нам наша спесь»⁹⁰. При более трезвом отношении к прошлому Берк тем не менее тоже черпает в опыте предков аргументы против ненавистной Французской революции. В традиции он усматривает мудрость бога, действующего через человеческий опыт, под которым подразумеваются не знания и разум, а чувства и предрассудки.

Хотя консервативный традиционализм является реакционным стремлением увековечить в чувствах и сознании людей представления об исторической неизбежности эксплуататорских отношений господства и подчинения, в нем содержится серьезный психологический потенциал воздействия на массовое сознание. «Над различными формами собственности,— отмечал К. Маркс,— над социальными условиями существования возвышается целая надстройка различных и своеобразных чувств, иллюзий, образов мысли и мировоззрений»⁹¹. Среди них немалое место занимают иллюзии и предрассудки, связанные с идеализацией прошлого, влиянием системы феодально-аристократических ценностей. Все это дает возможность

консерваторам находить отклик и сторонников в массовых слоях населения. Без учета этого психологического фактора нельзя объяснить устойчивую способность консерваторов формировать солидную массовую базу.

Существует довольно тесная взаимосвязь между традиционализмом и «органическим» представлением об обществе, свойственным консервативной мысли. В соответствии с ним человеческое общество существует изначально, подобно органической природе, а не возникает в результате социальной эволюции. Его происхождение объясняется естественным ходом вещей; тем самым подразумевается, что всякое изменение будет иметь противоестественный характер. По своему строению общество напоминает организм. Внутри него существует функциональное и, соответственно, социальное деление людей; общество переживает молодость, зрелость, старение. Из всего этого вытекает естественный характер неравенства людей; ведь их место и функции в общественном организме отличаются друг от друга. Органический подход предполагает также естественность жесткого иерархического порядка, где каждый сверчок должен знать свой шесток. Идеальное государство, по словам Галлера, — это организм, «в котором ни один член не существует сам для себя, но каждый живет для всех других и служит не себе, а всем остальным, благодаря чему сохраняется здоровье и крепость индивида как всего тела, так и отдельных его членов»⁹². В свою очередь, нездоровье какого-то одного элемента опасно для общественного организма в целом. Тем самым навязывается мысль, что всякие беспорядки, а особенно революции, не принесут ничего, кроме вреда. Нетрудно заметить, что органическое представление об обществе у консерваторов является отражением феодально-сословных, корпоративистских порядков.

Руководствуясь органическим подходом, консерваторы того времени в отличие от либералов фактически не проводили различия между государством и обществом, иначе им пришлось бы признать необходимость целого комплекса буржуазно-демократических свобод, которые обеспечивают права личности в гражданском обществе по отношению к государству. «Человек — ячейка большого живого организма, который растет, подобно деревьям, на протяжении веков» — так излагает взгляды де Местра французский политолог М. Ганзэн⁹³. Незнатному, небогатому человеку должно быть явно неудобно в таком

иерархическом общественном организме, закрепляющем неравенство людей. Но участь индивида не волнует пекущегося о реставрации божественного авторитета французского консерватора-теократа.

Такое отношение к рядовому индивиду логически следует из консервативной трактовки человека, на которой лежит отпечаток антигуманистических, аристократических и религиозных предрассудков. В свою очередь, из этого отношения вытекает мрачный взгляд на человека как на вместилище греховных устремлений. Отправным пунктом в истолковании человека для де Местра является тезис о «первородном грехе», тяжесть которого вечно лежит на человечестве.

В контекст рассмотренных выше консервативных взглядов на общество и человека органично вписываются элитизм и антидемократизм.

То, что большинство людей обречено на рабское состояние, с точки зрения консерваторов, неумолимо вытекает из традиции, из самой природы человека. Вопреки утверждениям Руссо, пишет де Местр, человек отнюдь не рождается свободным: «Во все времена и повсюду до учреждения христианства и даже после того, как эта религия достаточно проникла в сердца людей, рабство всегда рассматривалось как обязательный элемент правления и политического состояния наций как в республиках, так и в монархиях»⁹⁴. А тот, кто достаточно хорошо изучил печальную природу вещей, продолжает он свою мысль, «знает, что человек... слишком зол для того, чтобы быть свободным»⁹⁵.

Неравенство людей — аксиома консервативной идеологии и политики. Но в отличие от континентальных собратьев англосаксонским консерваторам, жившим в странах с относительно высоким уровнем буржуазных свобод, приходилось тратить больше усилий для обоснования необходимости неравенства. В основном их усилиями была введена в оборот антиномия «равенство — свобода».

Равенство, по Берку, — враг свободы. При этом он исходит из соображений буржуазно-либерального характера, имея в виду прежде всего равенство экономическое, которое несовместимо со свободой конкуренции⁹⁶.

Элитарная трактовка соотношения равенства и свободы была развита консерватором-южанином Кэлхуном, который утверждал, что «сделать равенство общественного положения необходимым условием свободы значит уничтожить как свободу, так и прогресс... несомненно,

именно неравенство общественного положения верхов и низов служит в процессе развития общества весьма сильным стимулом, побуждая первых сохранять свое положение, а вторых стремиться пробиться наверх, в ряды первых»⁹⁷.

Фактически речь идет о свободе для родовитых и имущих, так как, с точки зрения консерваторов, равенство — угроза свободе пользоваться привилегиями знатности и богатства. То, что противоречит такому пониманию свободы, провозглашается тиранией, деспотизмом и т. п.

Важным элементом консервативного мировоззрения является исторический пессимизм. В принципе не так уж мало мыслителей начиная с глубокой древности видели «золотой век» в прошлом, с презрением взирали на настоящее и без всякой надежды на будущее. Это роднит консерваторов с идейными течениями самого отдаленного прошлого, порождает тот эффект узнавания, о котором речь шла в начале главы.

Однако исторический пессимизм зачинателей консерватизма имел конкретное, обусловленное временем содержание. Им была свойственна не ностальгия по прошлому вообще, а тоска по конкретному общественному порядку, рушившемуся под напором истории; выступали они не против нового вообще, а против конкретных социальных сил, воплощавших это новое. В древние времена движение прогресса настолько растягивалось во времени, что его трудно было уловить в течение жизни одного или даже нескольких поколений. Теперь же изменения сути и духа времени неоднократно фиксировались на протяжении одной человеческой жизни.

Де Местр противопоставлял идее прогресса провиденциалистское понимание хода истории. Он отвергал оптимизм философов Просвещения, веривших в человека, его разум. «Философия истории де Местра,— говорит его современный итальянский поклонник,— определенно не для просветителей или для слабых духом»⁹⁸. О каком прогрессе можно говорить, полагал де Местр, если человек вследствие своей порочной природы обречен на зло и страдание. На то и воля божья, а поскольку история — дело Провидения, она — «первый министр бога по департаменту этого мира»⁹⁹.

Меттерниху больше импонировало представление об историческом процессе как круговороте: «Общественные тела движутся не по прямой линии вперед, а по кругу»¹⁰⁰. Рассматривая исторические взгляды Меттерниха, его био-

граф Г. Р. фон Србик видит в них черты сходства с провозвестником упадка Запада О. Шпенглером¹⁰¹.

У консерватизма много точек соприкосновения с реакционным романтизмом. Между сторонниками этих течений существовала подчас настолько тесная идейная и личная уния, что их трудно разграничить. Не случайно многие видные романтики фигурируют в двух ипостасях: собственно романтики и консерваторы. Их имена можно найти и в идейно-политической истории консерватизма, и в истории культуры как таковой. Речь идет, в частности, о таких литераторах, философях, публицистах, как Новалис, А. Мюллер и Ф. Шлегель — в Германии, Р. де Шатобриан — во Франции, С. Т. Кольридж, Т. Карлейль, Р. Саути — в Англии. Конечно, этот список мог быть продолжен, но он и так достаточно показателен.

Особенно тесные контакты между романтизмом и консерватизмом сложились в Германии. Видный представитель романтизма, политический публицист А. Мюллер (1779—1829) был ближайшим другом Ф. Генца; сначала он поставил свое перо на службу одному из лидеров прусской реакции Марвицу, а затем и самому Меттерниху.

Важным связующим звеном между консерватизмом и реакционным романтизмом являлся так называемый «феодальный социализм». После французской революции 1830 г. надежды на реставрацию «старого порядка» стали совсем призрачными и аристократия начала менять свой курс. Она, по словам К. Маркса и Ф. Энгельса, «должна была сделать вид, что... уже не заботится о своих собственных интересах и составляет свой обвинительный акт против буржуазии только в интересах эксплуатируемого рабочего класса. Она доставляла себе удовлетворение тем, что сочиняла пасквилы на своего нового властителя и шептала ему на ухо более или менее зловещие пророчества»¹⁰². Критика капитализма со стороны аристократии и ее идейных союзников носила ярко выраженный реакционный характер: «их главное обвинение против буржуазии именно в том и состоит, что при ее господстве развивается класс, который взорвет на воздух весь старый общественный порядок»¹⁰³. Поэтому в своем споре с буржуазией аристократия хотела бы использовать рабочий класс, но в то же время, испытывая страх перед революционным пролетариатом, она соучаствовала в насильственных акциях против него. В качестве примеров такой теории и практики в духе «феодального социализма» К. Маркс и Ф. Энгельс приводили французских ле-

гитимистов — сторонников свергнутой династии Бурбонов и «Молодую Англию».

Так, французские легитимисты выражали сочувствие рабочим-повстанцам Лиона, по которым король-буржуа Луи Филипп приказал стрелять из пушек. На страницах своей газеты легитимисты обсуждали «рабочий вопрос», распространяли среди рабочих памфлеты, направленные против буржуазии¹⁰⁴. Р. де Шатобриан, олицетворявший живую связь романтизма и консерватизма, вынашивал идею союза монархии с низами против амбициозной буржуазии¹⁰⁵.

Ужасы индустриализации, капиталистический дух осуждал известный английский поэт «озерной школы» Р. Саути. Буржуазия из-за своей скаредности и близорукости, отмечал он, разрушает устоявшийся порядок вещей; спасение от этого капиталистического натиска — в «грубоватом, но зато более сердечном принципе феодальной системы»¹⁰⁶. «Добрую старую Англию» воспевал другой поэт-романтик, С. Т. Кольридж; Англии фабричных труб он противопоставлял Англию маленьких деревушек, населенных добрыми селянами, которые едят домашний хлеб и пьют домашний эль. Правда, когда Кольридж спускался с поэтических высот к неприятной действительности, то единственное, что он мог предложить англичанам, это отказаться пить чай¹⁰⁷. Многие идеалы романтиков были близки идеологу «Молодой Англии», делавшему свои первые шаги в политике литератору Б. Дизраэли. Его биограф Р. Блейк ставит своего героя в один ряд с такими романтическими консерваторами, как Кольридж и Карлейль¹⁰⁸.

Консервативно-романтической дымкой окутана и вся история «Молодой Англии», созданной в 1841 г. Б. Дизраэли и двумя молодыми аристократами Д. Смитом и Д. Мэннерсом. Рисуя в идиллических тонах феодальные порядки с их «сердечными» отношениями между лордами и крестьянами, члены «Молодой Англии» указывали на тяжкие условия фабричного труда, на вопиющую нищету рабочих, разделившую, по знаменитому выражению Дизраэли, англичан на «две нации» — богатых и бедных. Однако, в отличие от континентальных «феодальных социалистов», Дизраэли и его знатные друзья лучше понимали невозможность реставрации феодализма в какой бы то ни было форме. Да и представить себе такое «путешествие в прошлое» в стране, где завершался промышленный переворот, а буржуазная революция произошла два сто-

летия тому назад, было немыслимо. В сущности, «феодално-социалистическая» риторика была призвана нащупать пути осуществления такого политического курса, который позволил бы консерваторам сохранить лицо и в то же время обеспечить себе массовую базу.

Германский консервативный романтик А. Мюллер проводил мысль о том, что аристократия, романтическая интеллигенция и пролетариат едины в том, что они не буржуазны и находятся в противоречии с товарным обществом; он критиковал свойственную капиталистическому хозяйству тенденцию к превращению людей в «колеса, винтики, валки, спицы и прочие механизмы». В критике капитализма Мюллер даже несколько перегнул палку, вызвав неудовольствие своего патрона Меттерниха, который назвал его «прирожденным социалистом»¹⁰⁹.

Видный прусский консервативный политический деятель Й.-М. Радовиц советовал королю Фридриху Вильгельму IV использовать рабочее движение против буржуазии. «Кто желает действительной реставрации, — говорил Радовиц, — тот должен осушить и вспахать заново состоящее из пролетариата болото, от которого исходят смертельные испарения»¹¹⁰. Такая идея была не чужда позднее и О. фон Бисмарку. Но страх перед пролетариатом пересилил эти стремления.

Маневрирование в духе «феодалного социализма» не принесло ожидаемых результатов. «Аристократия, — писали К. Маркс и Ф. Энгельс, — размахивала нищенской сумой пролетариата как знаменем, чтобы повести за собою народ. Но всякий раз, когда он следовал за нею, он замечал на ее задку старые феодальные гербы и разбежался с громким и непочтительным хохотом»¹¹¹.

В модернизированном виде некоторые элементы «феодалного социализма» закрепились в идейно-политическом арсенале консерваторов и были восприняты так называемыми «социальными консерваторами», серьезно относившимися к «рабочему вопросу».

Менее стойким оказался другой признак, характерный для изначального консерватизма, — аристократический космополитизм. В его основе лежала своего рода консервативная солидарность династий, аристократических семей, связанных родственными узами, традицией службы за границей разным государям и, конечно, прежде всего «великим страхом», порожденным Французской революцией. Попыткой реального воплощения идеи «консервативной солидарности», аристократического кос-

мополитизма как раз и была система Меттерниха. Не говоря уже о внутренних слабостях, эта система не выдержала напора новой мощной силы — буржуазного национализма.

Старая форма — новое содержание

1848—1849 годы стали важным рубежом в эволюции консерватизма, одним из тех переломных моментов, когда меняется явление в целом. В начальный период становления консерватизма решающую роль играли феодально-аристократические элементы; они во многом определяли его содержание и облик. После революций 1848—1849 гг. он интенсивно наполняется буржуазным содержанием; в горниле консерватизма продолжается синтез феодально-аристократических и буржуазных элементов, но теперь уже при все возрастающей роли последних. Консерватизм как политический метод и определенная идеология формируется уже в основном на почве буржуазного общества, причем в период его прогрессивного развития.

Мощным импульсом эволюции консерватизма явилась реакция на революции 1848—1849 гг., которая существенным образом отличалась от феодально-аристократической реакции на Французскую революцию. Теперь характер реакции был намного шире; в сущности, это была реакция, исходившая от разнообразных антиреволюционных сил и течений, так называемой «партии порядка», от всех напуганных первой открытой вооруженной классовой битвой между пролетариатом и буржуазией в июне 1848 г. в Париже. «Все классы и партии во время июньских дней, — писал К. Маркс, — сплотились в *партию порядка* против класса пролетариев» ¹¹². К этой антиреволюционной партии примкнули и роялисты, поборники консерватизма разного толка. Они тоже выступили «как представители буржуазного миропорядка, а не как рыцари странствующих принцесс, как буржуазный класс в противоположность другим классам, а не как роялисты в противоположность республиканцам» ¹¹³. Старые критерии при определении общественных позиций перестали срабатывать. Это верно подметил А. И. Герцен в письме от июня 1849 г.: «В XVIII столетии достаточно было быть республиканцем, чтобы быть революционером, теперь можно очень легко быть республиканцем и отчаянным консерватором» ¹¹⁴.

Воспользовавшись приступом социального страха у буржуазии, феодально-аристократические элементы пере-

шли в контрнаступление, стремясь ликвидировать завоевания, которых добились революционные и национально-освободительные силы. Новоявленным пророком европейской реакции стал испанский дипломат и политический мыслитель Х. Доносо Кортес (1809—1853), незадолго до революции 1848 г. удостоенный титула маркиза де Вальдегамас. Громкую, хотя и недолговечную, славу принесла ему триада его речей: «О диктатуре» (4 января 1849 г.), «Об общем положении в Европе» (30 января 1850 г.) и «О положении в Испании» (30 декабря 1850 г.). Наибольший резонанс вызвали две первые речи. В консервативном лагере их сравнивали по значению с «Размышлениями о революции во Франции» Берка. Меттерних, Николай I, папа Пий IX, Фридрих Вильгельм IV, Луи Наполеон, вскоре ставший императором Наполеоном III, — все обратили внимание на красноречивого испанца, с одобрением восприняли многие его мысли.

Идейное наследие Доносо Кортеса весьма многообразно и не поддается однозначной оценке. За всю сравнительно короткую жизнь он проделал сложный путь, его взгляды претерпели существенную метаморфозу. Реакции, как и революции, порой свойственно выходить за обусловленные конкретным временем пределы. Так произошло и с речами Доносо Кортеса. Он острее, чем многие его современники, воспринял революции 1848—1849 гг., увидел в них преддверие еще более глубоких потрясений и предложил такие методы борьбы с революционной угрозой, которые предвосхитили экстремистский консерватизм будущего и правый радикализм. Поэтому воззрения Доносо Кортеса, взятые в целом, представляют собой редкий сплав консерватизма прошлого, современного ему и будущего, практически всю гамму консервативной идеологии. Правда, нужно учитывать, что в своей политической практике испанский дипломат был гораздо умереннее, чем в речах и мыслях.

Принято считать, что он продвигался к правоконсервативной позиции от либеральной. Доносо Кортес был видным деятелем партии «умеренных», входил в ближайшее окружение королевы Марии Кристины, а затем и её дочери Изабеллы II, представлял свою партию в кортесах, где и произнес свои знаменитые речи. Следует отметить, что он решительно отстаивал интересы обеих королев от карлистских «ультра». Однако «умеренные» были все же скорее либеральными консерваторами, чем либералами в чистом виде. И идейно, и политически

«умеренный» Доносо Кортес сначала следовал за Гизо. Он вырос в буржуазной семье, титулом маркиза был вознагражден за заслуги перед испанской короной. Буржуазии он отводил видное место в рамках тройственного союза: вместе с монархией и церковью.

Его эволюция вправо оказалась растянутой на целое десятилетие; революционный взрыв 1848 г. окончательно отбросил «умеренного» политика на крайние реакционные идейные позиции. Уже летом 1847 г. Доносо Кортес, предчувствуя приближение бури, убеждал «сильного человека» Испании генерала Нарваэса действовать решительно и авторитарно: «На нас надвигается катастрофа, неминуемая и ужасная: предвижу социальные потрясения; возникает проблема силы, и вы — тот, кому я отдаю все свое доверие» ¹¹⁵.

Еще в конце 30-х годов XIX в. социализм казался Доносо Кортесу преходящим явлением, теперь он резко меняет мнение. Гораздо раньше, чем большинство консерваторов, он увидел главного врага не в либерализме, а в социализме, и не в утопическом социализме Оуэна, Сен-Симона, Фурье. Больше его страшат активные приверженцы Прудона и, как пишет американский историк Дж. Грэхем, «косвенно система, изобретенная Марксом» ¹¹⁶. Доносо Кортес предрекал угрозу со стороны коммунизма, который не будет отвергать государство, подобно анархистам-прудонистам.

Давно известные ему теократические традиционалистские идеи де Местра и де Бональда обретают теперь в его глазах актуальный смысл. Социальные и экономические реформы, предостерегает Доносо Кортес, уже не спасут от революции и социализма. Вообще, по его убеждению, нельзя ставить экономику выше политических и религиозных проблем. Единственное средство спасения европейской цивилизации — в религии и морали. Подобно де Местру, Доносо Кортес хотел усилить авторитет папы «принципом непогрешимости».

Но, чтобы утвердить порядок, одной религии недостаточно. Только церковь и армия, священник и солдат совместными усилиями могут спасти цивилизацию. По поводу этой основной идеи речи «О диктатуре» А. И. Герцен с сарказмом писал: «Маркиз Вальдегамас отважно поставил солдата возле попа, кардегардию рядом с алтарем, Евангелие, отпущающее грехи, рядом с военным артикулом, расстреливающим за проступки» ¹¹⁷. «Но зачем же Доносо Кортес,— ставит Герцен логично возникаю-

щий вопрос, — не заявил третьего брата, третьего ангела-хранителя падающих государств — палача? Не оттого ли, что палач больше и больше смешивается с солдатом благодаря роли, которую его заставляют играть?»¹¹⁸ Здесь Доносо Кортес отличается от де Местра, который откровенно отводил палачу почетное место в своей системе.

Находившийся в вынужденной эмиграции Меттерних восторженно цитировал Доносо Кортеса, заявив, что готов подписаться под его высказываниями.

Будучи испанским послом в Париже в 1851—1853 гг., Доносо Кортес подталкивал Луи Наполеона к государственному перевороту и даже оказал этому делу не только моральную, но и финансовую поддержку. Резко обрушился Доносо Кортес на противников бонапартизма из буржуазного лагеря, обвиняя их в неизлечимой слепоте, находя в таком поведении свидетельство неспособности буржуазии к правлению. Последовать примеру Луи Наполеона Доносо советовал и генералу Нарваэсу у себя дома, в Испании.

После 1848 г. испанский дипломат стал особенно высоко ценить главного борца против европейских революций, «первого европейца», князя Меттерниха. 29 апреля 1851 г. он специально ездил из Парижа в Брюссель, чтобы встретиться с бывшим канцлером. Оба остались весьма довольны друг другом.

Жизнь Доносо Кортеса оборвалась в 1853 г., во времена реакции на революции 1848—1849 гг.; в отличие от Берка слава ненадолго пережила его. Наступила «либеральная эра» с быстрым экономическим ростом и развитием парламентаризма. Росло социальное и политическое могущество буржуазии, что, естественно, порождало у нее оптимистическое отношение к миру. Мрачные прогнозы испанца казались явно неуместными, о них вспомнят позднее, после первой мировой войны и Великой Октябрьской социалистической революции в России.

Начиная с 50-х годов XIX в. основная тенденция в эволюции консерватизма определялась буржуазно-аристократическим синтезом, катализатором которого были революции 1848—1849 гг. Этот синтез был диалектическим процессом, поскольку сближение на антиреволюционной, антисоциалистической основе не исключало борьбы за приоритет. Хотя борьба между землевладельческой аристократией и буржуазией отступает на второй план по сравнению с линией противоречий буржуазия — рабочий класс, тем не менее она еще остается довольно напря-

женной. От результатов борьбы между господствующими классами во многом зависела форма политического устройства буржуазного общества, преобладание того или иного типа политики правящих верхов. С интенсивным ростом этого общества начинают обретать соответствующий его уровню развития облик основные типы буржуазной политики.

При полноте монархической власти, господстве класса феодалов политика фактически не дифференцировалась на четко оформленные типы. Идеальный государь, по Н. Макиавелли, «должен взять примером лисицу и льва, так как лев беззащитен против сетей, а лисица беззащитна против волков. Следовательно, надо быть лисицей, чтобы распознать западню, и львом, чтобы устрашать волков»¹¹⁹. В основе колебаний в сторону льва или в сторону лисицы часто лежали субъективные факторы: воля монарха, интересы той или иной придворной клики.

Только с распадом сословно-корпоративной общественной структуры типы политики начинают становиться на социальную основу. Их окончательное оформление связано с появлением политических партий, выражающих интересы классов и их фракций. Это стало возможным благодаря росту участия масс в политической жизни, становлению парламентских представительных институтов. Революции 1848—1849 гг. обусловили сдвиг в этом направлении, придав политической борьбе более четкие социальные формы. Как раз этот период характеризуется становлением политических партий. Одни из них в большей мере специализировались на тактике льва, другие — лисицы, хотя, конечно, в политической реальности львиная грива могла сочетаться с лисьим хвостом, так как в чистом, дистиллированном виде ни тот, ни другой тип политики не встречается. «На деле буржуазия во всех странах,— отмечал В. И. Ленин,— неизбежно вырабатывает две системы управления, два метода борьбы за свои интересы и отстаивания своего господства, причем эти два метода то сменяют друг друга, то переплетаются вместе в различных сочетаниях»¹²⁰. Первый из них — метод насилия, грубого подавления — определяет существо консервативной политики, другой, делающий ставку на уступки, лавирование и реформы, составляет существо либеральной политики.

В рассматриваемый период эти два подхода в значительной степени отражали противоречия между землевладельческой аристократией и буржуазией. Возникшие

в то время консервативные партии защищали интересы крупных землевладельцев, их социальной базой были преимущественно отсталые слои сельского населения, а также часть городских ремесленников и торговцев, не выдерживавших конкуренции с крупным капиталом.

Как уже говорилось, в Англии консервативная партия оформилась в начале 30-х годов в ходе борьбы против парламентской реформы. Правда, ведущий английский консервативный историк Р. Блейк склонен считать датой создания консервативной партии в современном смысле 1846 год, когда на смену Пиллю пришли Стэнли и Дизраэли, осуществившие коренную перестройку партийной организации¹²¹. В более отсталой Пруссии консерваторы создали свою партию во время революции 1848 г. Процесс политической консолидации консервативных элементов с разной степенью интенсивности шел и в других странах.

Чтобы удержаться в седле, консерваторы должны были учитывать реальности эпохи, находить свои консервативные подходы к решению неотложных проблем социально-экономического и политического развития. Сопротивляясь движению истории, они были тем не менее вынуждены следовать в его потоке, при этом им удавалось нередко оставлять свой консервативный отпечаток на историческом развитии тех или иных стран и на эпохе в целом.

В этом отношении выразительным примером может служить деятельность О. фон Бисмарка (1815—1898), с чьим именем связан процесс объединения Германии и основательной перестройки системы международных отношений в Европе. Бисмарку же принадлежит важная роль в эволюции прусско-германского консерватизма, хотя взаимоотношения его с консервативными партиями и группами складывались сложно. Он явно не укладывался в привычные представления о консерваторе. Дело, конечно, не только в его бурном темпераменте и неукротимом бойцовском характере, которые производили такое сильное впечатление на современников, что мощный, гвардейского роста юнкер, готовый немедленно пустить в ход оружие или просто кулаки, казался им сродни революционерам. Австрийский министр иностранных дел граф Рехберг считал, что Бисмарк — «человек, который может скинуть с себя сюртук и пойти на баррикады»¹²².

Политическую деятельность молодой Бисмарк начал в кругу, где тон задавали братья Герлахи и Ф. Ю. Шталь.

Своим решительным поведением во время революции 1848 г., когда он готов был вести своих крестьян на помощь королю против «бунтовщиков», своими откровенно реакционными речами померанский юнкер привлек внимание правящей верхушки, стал котироваться как кандидат на высокие государственные посты. Многие, правда, считали его донкихотствующим поборником старых феодальных порядков, он стал излюбленным объектом для либеральных карикатуристов, изображавших его в допотопных рыцарских доспехах. Однако на самом деле он более реалистично оценивал положение вещей, чем отягощенные грузом прошлого Герлахи и К°. Из событий 1848—1849 гг. Бисмарк и молодые консерваторы вроде Г. Вагенера и Г. Клейст-Рецова извлекли важный урок: для успеха консервативного дела нужна массовая поддержка.

В качестве социальной опоры консервативной политики Бисмарк рассматривал прежде всего социальные элементы с сильными пережитками сословных представлений: крестьян, ремесленников, торговцев. Бисмарк и близкие к нему консерваторы младшего поколения надеялись использовать антикапиталистические настроения этих слоев, убедить их в том, что землевладельцы являются их естественными союзниками против эксплуататоров-фабрикантов и банкиров. Идеи в духе «феодального социализма», бонапартистская практика Луи Наполеона нашли отражение в его речах 1848—1850 гг., в которых проводилась мысль о мобилизации сельских и городских мелких собственников против буржуазии. В планах Бисмарка мобилизовать массовые слои населения бонапартистский момент все более доминировал над архаичным «феодально-социалистическим». Поэтому позднее ему было проще перейти к бонапартистской политике и в более широком плане. Если консерваторы старого закала действовали преимущественно при дворе, в армии, среди бюрократии, то их молодые коллеги взяли на себя прессу, массовую работу: создание всякого рода фёрейнов (союзов), организацию митингов, собраний, вербовку среди населения. Внешне это выглядело как разделение труда, на самом же деле между старыми и молодыми консерваторами были серьезные противоречия. Герлахи не сразу раскусили Бисмарка, а тот не торопился раскрывать карты, понимая, что это может повредить его карьере.

В области внешней политики Бисмарк руководствовался принципом «государственного интереса», который

в данном конкретном случае имел точки соприкосновения с буржуазным национализмом того времени. Для эпохи 1789—1871 гг., как отмечал В. И. Ленин, были характерны могучие, захватившие миллионы буржуазно-прогрессивные, национально-освободительные движения; буржуазный национализм выполнял тогда прогрессивную миссию, расправляясь с феодальным и чужеземным гнетом¹²³. Когда Бисмарк и поддерживавшие его силы взяли на себя миссию объединения Германии «железом и кровью», они тем самым перехватывали историческую инициативу, чтобы не допустить объединения страны на прогрессивной основе. В этом и заключался смысл так называемой бисмарковской «революции сверху».

В отличие от старых консерваторов Бисмарк более трезво оценивал германскую буржуазию, видел зыбкость ее либеральных идеалов, социальную трусость. Получив колоссальные возможности для обогащения, буржуазия фактически отреклась от политического либерализма; буржуазная национал-либеральная партия стала для Бисмарка даже более надежным союзником, чем собственно консервативные партии и группировки. Консерваторы-традиционалисты сначала критиковали Бисмарка за то, что он нарушил принцип консервативной солидарности и разбил ее былой оплот — Австрию в войне 1866 г. Кроме того, их негодование вызвала бесцеремонность Бисмарка по отношению к мелким государям, с чьих голов, в нарушение принципа легитимизма, летели короны, а владения включались в Германский союз, преобразованный в 1871 г. в империю. Прусские традиционалисты из группировки Герлаха—Шталя были обеспокоены угрозой того, что юнкерство растворится в объединенном германском государстве, утратит свою политическую гегемонию. Конечно, консерваторам разного типа импонировали победы прусского оружия, они не могли не восхищаться дипломатическим искусством канцлера. Но его действия не укладывались в рамки консервативных воззрений, а его безудержный динамизм вызывал серьезные опасения. Бисмарк не был к тому же партийным политиком в обычном смысле слова: он всегда стремился к свободе рук. Его тяготила зависимость даже от близких по духу партий; он предпочитал бонапартистский путь.

Хотя между консерватизмом и бонапартизмом немало общего, это отнюдь не идентичные явления. Бонапартизм, в частности, отличается чрезвычайно широким диапазоном политических действий: от крайне правых репрессив-

ных методов до весьма серьезных уступок массам. Для него характерно использование гибкой тактики, предполагающей постоянное обращение к массам, постоянную их обработку. Бонапартизму тесно и в схеме «либерализм — консерватизм». В какой-то мере он родственен абсолютизму, прежде всего своим балансированием между различными социальными силами.

Подобно абсолютизму, бонапартизм содержит практически весь основной спектр политических методов. Бонапартистскому диктатору приходится быть и львом и лисцей одновременно. Поэтому бонапартизм шире, чем консервативная политика сама по себе.

Диапазон бисмарковской политики также выходил за собственно консервативные пределы. В реформах Бисмарк мог зайти дальше не только либеральных консерваторов, но и умеренных либералов, а в репрессиях бывал жестче правых консерваторов. Репрессии и реформы, кнут и пряник Бисмарк обычно использовал одновременно. Так, параллельно с «исключительными законами» против социалистов (1878—1890 гг.) «железный канцлер» провел серию беспрецедентных по тем временам законов о социальном страховании рабочих, обогнав в этом отношении другие капиталистические государства, в том числе и «либеральную» Англию. Страхование вводилось по болезни, несчастным случаям и потере трудоспособности. Причем жертвы несчастных случаев на производстве получали пособие в течение 13 недель, а утратившие трудоспособность — небольшую пенсию. Затем в самом конце правления Бисмарка (в 1889 г.) был принят закон о пенсиях по старости начиная с 70 лет.

Первоначально Бисмарк, следуя бонапартистским рецептам, пытался, по словам Ф. Энгельса, «организовать себе собственный лейб-пролетариат, чтобы с его помощью держать в узде политическую деятельность буржуазии»¹²⁴. Отсюда его флирт с Ф. Лассалем и лассальянцами, т. е. правым течением в германской социал-демократии. Скоро, однако, выявилась несостоятельность таких расчетов. В дальнейшем перед Бисмарком, когда речь шла о рабочем движении, всегда вставал грозный призрак Парижской коммуны, и страх часто брал верх над склонностью к маневрированию.

По отношению к социал-демократии Бисмарк был непримирим, не верил в возможность ее интеграции в существующую систему. Незадолго до смерти отставной канцлер так изложил свои взгляды по социальной про-

блематике, ядром которой было отношение к социал-демократам: «Когда-то социальный вопрос можно было разрешить полицейскими средствами, теперь потребуются военные»¹²⁵.

В конце 70-х годов Бисмарк перешел от политики балансирования между юнкерством и буржуазией к «политике сплочения» на основе союза наиболее могущественных фракций господствующих классов. «Под покровительством Бисмарка,— признавал умеренно-консервативный экономист Г. Шмоллер,— возник союз крупного капитала и крупной земельной собственности»¹²⁶.

Решительная политика Бисмарка ослабила и без того хилый буржуазный либерализм. В результате консервативного союза буржуазии и юнкерства была выбита почва и из-под либерального варианта консерватизма. В буржуазно-аристократическом союзе доминирующую политическую роль сохранили феодально-аристократические элементы. Не случайно В. И. Ленин характеризовал германский империализм как «юнкерски-буржуазный», ставя на первое место прусское юнкерство, сумевшее сохранить политическую гегемонию вплоть до Ноябрьской революции 1918 г. И этим оно в немалой степени обязано «железному канцлеру» О. фон Бисмарку.

Хотя Бисмарк оставался в основном консерватором-традиционалистом, в его политическом стиле уже имелись черты, предвосхитившие экстремистский консерватизм империалистической стадии. В борьбе не на жизнь, а на смерть, писал он в своих размышлениях и воспоминаниях, «не разбираешь, каким оружием пользуешься и что при этом разрушаешь»¹²⁷. Было бы, конечно, упрощением проводить прямую линию связи между «железным канцлером» и нацистским фюрером. Однако нельзя и отрицать того факта, что бисмарковская политика способствовала возникновению праворадикальных тенденций в политической и духовной жизни кайзеровской Германии, а от них уже тянулись нити к фашистской реакции.

В Англии аристократическо-буржуазный синтез начался гораздо раньше, чем в Германии, и происходил более органично; соотношение сил между партнерами было более сбалансированным. Как уже отмечалось, большой шаг в превращении консервативной партии в аристократическо-буржуазную сделал Р. Пиль. Он ввел в обиход термин «консервативный», чтобы избавить тори от идентификации исключительно с землевладельцами и

объединить всех, кто заинтересован в сохранении существующих порядков. Реализация этого плана происходила, однако, в обстановке, не во всем благоприятствовавшей консерваторам. В 1846 г. они пережили раскол. Более двадцати лет после этого им не удавалось, за исключением коротких эпизодов, пробиться к власти. Благоприятная экономическая конъюнктура, казалось, свидетельствовала о правоте либералов, утверждавших, что «невидимая рука» рыночного механизма, если только не мешать ей, обеспечит оптимальное решение экономических и социальных проблем. В качестве «мастерской мира» благодаря либеральному принципу свободной торговли Англия завоевала внешние рынки, а энергичная внешняя политика лидера либералов Пальмерстона способствовала расширению колониальной империи. Консерваторам, чтобы выйти из политического тупика, не оставалось ничего другого, как обратить против либералов их собственное оружие. И в этой ситуации исключительную гибкость и тактическое мастерство проявил лидер консервативной партии Б. Дизраэли, удостоенный королевой Викторией титула лорда Биконсфилда.

Дизраэли (1804—1881) был аутсайдером среди торийской аристократии, задававшей тон в консервативной партии. Он происходил из зажиточной мелкобуржуазной еврейской семьи. Его отец снискал известность в литературных кругах обширной антологией «Литературные курьезы», где занимательные истории и анекдоты о литераторах сопровождались редкими и неназойливыми авторскими комментариями.

С юных лет будущему главе английских консерваторов были присущи большие амбиции, стремление к известности. Поначалу он добивался ее экстравагантным поведением, внешним обликом и даже манерой одеваться. Едва достигнув двадцати лет, он пустился в рискованные финансовые авантюры, из которых выбрался потрепанным и морально и материально: его на протяжении почти всей жизни будет сопровождать шлейф из неоплаченных долгов. Параллельно он вступил на литературное поприще. Первый же роман Дизраэли («Виван Грей») вызвал скандал, так как многие реальные лица узнали себя в его персонажах. В своих произведениях, а Дизраэли был весьма плодовитым автором, он обращался к острым проблемам политической жизни, герои его были носителями определенных идей, по сути дела, будущий премьер-министр Англии стал одним из зачинателей жан-

ров политического и социального романов (например, «Кюнингсби», «Сибил»).

После падения Пия и раскола 1846 г. Дизраэли выдвинулся на роль лидера консерваторов в палате общин, но первую скрипку в партии играл лорд Дерби, отношения с которым у Дизраэли складывались непросто. Однако консерваторы, лишившись после ухода Пия и его сторонников наиболее искусных политиков, остро нуждались в ораторском искусстве и тактическом мастерстве Дизраэли, хотя полностью примириться с его социальным происхождением они так и не смогли.

Дизраэли отнюдь не относился к разряду политических мыслителей: его политическая философия не отличалась ни глубиной, ни богатством идей. Ему, однако, было легче, чем родовитым аристократам, увидеть важные реалии нового времени, прежде всего возрастание роли масс, особенно рабочего класса. Если Пиль делал упор на союз всех собственников, то Дизраэли, продолжив эту линию, дополнил ее идеей «одной нации», т. е. превращения консервативной партии в «национальную», способную привлечь массовую поддержку из всех классов общества, создать «классовую гармонию». Идея «одной нации» не мешала ему, подобно знатым консерваторам, стоять на аристократических позициях. Но его трактовка аристократии шире; она напоминает берковскую: землевладельческая и индустриальная аристократия, а также талантливые люди, не относящиеся к разряду собственников. Свою собственную карьеру он как раз и считал убедительным доказательством того, что иерархическая структура не помеха истинному таланту.

Много берковского в подходе Дизраэли к проблемам традиции и изменений. «В прогрессивной стране,— говорил он в эдинбургской речи 1868 г.,— изменения происходят постоянно; и великий вопрос не в том, сопротивляться ли изменению, которое неизбежно, а в том, будет ли оно осуществляться с должным уважением к нравам, обычаям, законам и традициям народа или же в соответствии с абстрактными принципами, общими доктринами и по произволу»¹²⁸. Первый вариант изменений Дизраэли назвал «национальной», а второй — «философской» системой. Естественно, он целиком и полностью высказывался за первую из них. Фактически речь шла о том, чтобы в случае необходимости поступиться формой ради сохранения содержания существующего положения вещей.

Как и Бисмарк, Дизраэли понимал роль прессы, ее

возможности для обработки общественного сознания. Учитывая вес парламента в политической жизни Англии, он придавал парламентской деятельности первостепенное значение, искусно пользовался своим ораторским и полемическим даром. Умение подать себя, произвести впечатление было свойственно Дизраэли в гораздо большей степени, нежели логичность, последовательность. С этой точки зрения Дизраэли как нельзя лучше вписывался в контекст британского консерватизма, которому прагматизм, нелюбовь к связным идеологическим построениям были присущи в еще большей мере, чем континентальным консерваторам.

Тем не менее на фоне своих предшественников и преемников неутомимый беллетрист и оратор Дизраэли может показаться чуть ли не идеологом. Всю его деятельность пронизывают две идеи, которые заслуживают внимания еще и потому, что до сих пор они (естественно, с поправкой на другие времена) сохраняются в идейном багаже британских консерваторов. Первая из них — уже упоминавшаяся туманная идея «одной нации». Она была высказана Дизраэли еще в годы его участия в «Молодой Англии» и первоначально несла на себе отпечаток «аристократического социализма», кокетливого заигрывания с рабочими во имя союза аристократии и рабочих против буржуазии. Но от этой несбыточной идеи он быстро отказался, и теперь пропаганда идей «одной нации» была направлена на то, чтобы показать буржуазии, что консерваторы лучше могут решать социальные проблемы, чем либералы.

В сущности, консервативный подход к рабочему классу сохранял традиционный патерналистский характер. Именно здесь наиболее явственно ощущалась преемственная связь с идеями «Молодой Англии» и даже с Берком. Государство, по мысли Дизраэли, должно заботиться о народном благосостоянии в духе христианской благотворительности. «Поддержка бедных, — говорил он, — социальная обязанность, обязанность, оправданная высокой государственной политикой и освященная религиозной санкцией... обязанность каждого соответственно его средствам и возможностям»¹²⁹. Таким образом, имелась в виду не четкая и обязательная система государственного социального обеспечения, а лишь государственная благотворительность в зависимости от обстоятельств. Бисмарк, стремившийся оторвать рабочих от социал-демократии при помощи социального законодательства,

намного опередил и английских консерваторов и английских либералов.

Второй и главной для Дизраэли была имперская идея. В июне 1872 г. Дизраэли произнес свою знаменитую речь, в которой обрушился на либералов за их пренебрежение к имперским делам. Консерваторы, заявил он, «гордятся своей принадлежностью к великой стране и стремятся вечно хранить ее величие — особенно горды они своей принадлежностью к имперской стране и будут решительно поддерживать свою империю»¹³⁰. При правительстве Дизраэли (1874—1880) расширилась и без того огромная колониальная империя Англии, королева Виктория была провозглашена императрицей Индии, а название «Британская империя» стало официальным. Соединение идеи «одной нации» с имперской идеей, пишут Ф. Нортон и А. Охи, «было путеводной звездой партии в эру всеобщего избирательного права»¹³¹. Но в этом двуединстве явный приоритет принадлежал имперской идее, она рассматривалась как ключ к решению всех проблем.

Консерваторы во главе с Дизраэли искусно спекулировали на непоследовательности либеральной политики социальных реформ. В случае необходимости они могли зайти дальше, как это было с избирательной реформой 1867 г. или с отменой запрета на мирное пикетирование во время забастовок. В то же время определенные реформистские шаги либералов, особенно в ирландском вопросе, они изображали как угрозу социальному миру и национальному величию. Оживляя традиционные консервативные лозунги монархии, церкви и конституции, Дизраэли вызывал благожелательный отклик в сердцах жаждавшей спокойствия и порядка буржуазии. В начале 70-х годов Дизраэли, по словам Блейка, «смог добиться того, чего не удавалось ни одному консервативному лидеру со времен Пиля: представить свою партию не только имеющей свой определенный цвет и стиль, но также как бастион против вызывающего беспокойство законодательства либералов, находящей отклик у рабочего класса и — что много важнее... — у собственников вообще, а не просто у землевладельцев»¹³².

Характерное для Дизраэли сочетание традиционализма с изрядной гибкостью как бы предвосхитило более поздний феномен консервативного реформизма XX столетия. Поэтому на его наследие продолжают притязать консерваторы разного толка: и тэтчеристы, и их оппонен-

ты из консервативного лагеря. Все они находят в высказываниях и делах лорда Биконсфилда аргументы в свою пользу.

Процесс аристократическо-буржуазного синтеза в британском консерватизме завершился при Р. Солсбери (1830—1903), который в отличие от Б. Дизраэли представлял родовую знать. Это обстоятельство подчеркивало всю глубину и основательность процесса. По иронии истории консервативные лидеры часто продолжали дело своих бывших противников. Так было с Дизраэли, который упорно боролся против Пиля, а затем во многом следовал по его стопам. Так случилось и с Солсбери, который начинал свою политическую деятельность в качестве противника Дизраэли. Правда, конфликт между ним и Дизраэли не приобрел характера священной войны; прагматичный аристократ быстро примирился с выскочкой, получив место в его кабинете. Вместе с тем Солсбери проделал эволюцию от непримиримой консервативной позиции к более умеренной. В 1858 г. он писал: «При новых обстоятельствах перемены вредны»¹³³. Но уже в 1867 г., в период избирательной реформы, он уже не отвергал возможности изменений: «Дух нововведений всегда должен существовать... Две силы (т. е. прогресс и сохранение.— *Авт.*) дополняют друг друга; паралич одной из них делает другую опасной»¹³⁴. При этом предпочтение он все же отдавал сохранению.

Путь реформ таит в его глазах слишком много опасностей. Поэтому нужно остерегаться значительных уступок, всегда стоять на страже «закона и порядка»; главная функция правительства — «подавление мятежей», арсенал средств против внутреннего врага практически не отличается от средств борьбы против врага внешнего¹³⁵. Таковы суждения «раннего» Солсбери. Затем его тон становится мягче, хотя в глубине души он продолжает оставаться сторонником твердого курса. Главное же заключалось в том, что аристократ Солсбери глубоко осознал необходимость классового союза с буржуазией. Буржуазия, рассуждал Солсбери, ведя за собой рабочий класс, воспользовалась плодами победы над аристократией. Но вскоре пролетариат отбилсся у нее от рук, стал действовать самостоятельно.

По отношению к рабочему классу Солсбери стоял на более жестких позициях, чем Дизраэли. Если для последнего классовый конфликт — патологическая, но поддающаяся лечению болезнь в сущности здорового социально-

го организма, то Солсбери оценивает ситуацию более пессимистически: классовый конфликт — неотвратимая реальность. В его суждениях о рабочем движении нередко прорывается неприкрытая классовая ненависть. В год Парижской коммуны Солсбери писал: «Конфликт между социализмом и существующей цивилизацией должен быть борьбой не на жизнь, а на смерть. Раз эта борьба началась, один из противников должен погибнуть»¹³⁶.

Антисоциалистические взгляды Солсбери органично сочетались с антидемократическими убеждениями. Права господствующего класса он обосновывал социал-дарвинистской аргументацией, рассматривая его как продукт естественного отбора. Главную опасность демократии он видел в том, что она неизбежно ведет к преобладанию низших классов, а следовательно, к «насилию, корыстолюбию, исключению культурных и состоятельных людей из политической жизни, в то время как жизнь и деятельность индивида попадет под неограниченную власть тирании большинства»¹³⁷.

Солсбери считал нереалистичными надежды Дизраэли на то, что искусное политическое руководство позволит консерваторам обратить себе на пользу демократические тенденции¹³⁸. Спорил он и с другим политиком-аристократом Р. Черчиллем (отцом У. Черчилля), выдвинувшим в 80-х годах идею «торийской демократии» и призвавшим консервативную партию расширить свое влияние на рабочих.

Жесткая имперская политика консерваторов привлекла в их лагерь сильную и активную группировку либеральной буржуазии во главе с радикальным либералом Д. Чемберленом. Вместе со сторонниками Чемберлена к консерваторам примкнули и остатки старой вигской олигархии, видевшей в консервативной партии более надежную опору в борьбе против рабочего и национально-освободительного движения.

Все это служило предвестником новой ситуации, в которой предстояло действовать консерватизму в грядущие десятилетия.

На страже буржуазного миропорядка

Переход капитализма в империалистическую стадию значительно ускорил превращение консерватизма в одну из «разновидностей общеполитической политики»¹³⁹. Соответственно все очевиднее становилось его превращение в разновидность общеполитической идеологии.

Это влекло за собой ряд существенных последствий. Консерватизм оказался перед необходимостью более тщательно приспособиться к меняющейся социальной среде. Стало невозможным не считаться с тем, что на новом этапе важным инструментом политики буржуазии как господствующего класса стал буржуазный реформизм. Растущую угрозу консерватизму слева несло с собой набиравшее силу организованное рабочее движение. В то же время правее консерватизма стало складываться течение, получившее впоследствии наименование правого радикализма и представлявшее собой одну из форм реализации свойственной империализму тенденции к «реакции по всей линии»¹⁴⁰.

Оказавшись в сфере притяжения различных полюсов, в том числе и под влиянием революционного рабочего движения, консерватизм все чаще прибегал к сложным маневрам. В ходе дифференциации сложились его основные типы, сохранившиеся в общих чертах до настоящего времени.

Разумеется, внутреннее разнообразие было присуще консерватизму и раньше: об этом, в частности, уже шла речь выше. Берка невозможно спутать с де Местром, Гизо с Меттернихом, Дизраэли с Доносо Кортесом. И дело не только в национальной специфике, но и в качественных, типологических различиях.

Однако прежде в основе таких различий лежало разное соотношение феодально-аристократических и буржуазных элементов в консервативной политике и идеологии. Теперь, когда консерватизм стал разновидностью общеполитической политики, критерий, определявший различия, изменился. У всех консерваторов сформировалась единая цель — отстоять классовое господство буржуазии. Все они выступали в принципе за использование в интересах достижения этой цели более жестких методов, чем те, которые предлагали и к которым прибегали либералы. Однако степень жесткости может быть разной и в пределах политики консерватизма. Разным может быть также сочетание жестких и более гибких форм реализации власти господствующего класса.

Это, разумеется, не исключало преемственности между течениями в консерватизме — в прошлом и настоящем. Так, реформистский консерватизм начала XX в. сохранил генетическую связь с либеральным консерватизмом прошлой эпохи. В то же время он уже располагал солидной буржуазной социальной базой, которая ви-

дела в консерваторах более надежных защитников своих интересов, чем либералы. Консерватизм этого типа вел борьбу с либералами на их поле, вторгнулся в их заповедные зоны, отнимая у них их собственную клиентуру. Его важной отличительной чертой стало стремление пустить корни в растущем и крепнущем рабочем классе¹⁴¹.

Более тесно был связан с прошлым консерватизм традиционалистского типа. Поэтому в новых условиях ему приходилось труднее. Значительную часть его сторонников составляла та часть землевладельческой аристократии, которая хуже приспособилась к капиталистическим методам ведения хозяйства, зажиточные и средние крестьяне, а также ремесленники и мелкие торговцы, особенно страдавшие от структурных изменений, вызванных быстрым развитием капиталистических отношений. В пределах возможного консерваторы-традиционалисты отстаивали старые ценности и общественные устои. В Англии сторонники этого течения судорожно цеплялись за отжившие политические институты вроде палаты лордов. Их германские собратья планировали преобразовать всю страну на прусский лад, ликвидировав, в частности, всеобщее избирательное право, заменив его ограниченным, сословным. Итальянских консерваторов, в свою очередь, привлекал прусско-германский образец государственного устройства: собственную монархию они считали «слишком либеральной» и т. д. Однако в быстро меняющемся мире их усилия не давали существенных результатов. Отсюда свойственная многим идеологам этого течения крайняя степень исторического пессимизма.

Именно в рамках этого течения и возникло экстремистское направление, сыгравшее существенную роль в формировании правого радикализма, о котором уже шла речь выше. Ряды правых радикалов пополнялись за счет сторонников экстремистского консерватизма. Правые радикалы заимствовали у него и основные идеи. Правда, это не означало идентичности обоих течений. Наряду с консервативным компонентом в правом радикализме существенную роль играют бунтарские тенденции, а в его социальной базе велик удельный вес деклассированных элементов. Для экстремистского консерватизма характерна большая близость с другими консервативными течениями. В то же время различия между экстремистским консерватизмом и правым радикализмом очень подвижны, подвержены колебаниям конъюнктуры.

Различные течения в консерватизме были в это время представлены, хотя и в разной степени, практически во всех капиталистических странах.

«Мозговым трестом» консервативно-реформистского течения в Англии служил созданный в 1911 г. Юнионистский комитет социальной реформы. Формально он считался неофициальной исследовательской организацией. Однако его практическое влияние на выработку общегосударственной политики было весьма существенным. В деятельности комитета, который возглавлял консервативный деятель Ф. Э. Смит (будущий лорд Биркенхед), в той или иной степени участвовало более 70 членов парламента и пэров. Его школу прошли многие будущие лидеры консервативной партии.

Основная задача комитета, как отмечает современный консервативный историк Д. Рэмсден, состояла в том, чтобы «создать впечатление, как это умел делать Дизраэли, что консервативное действие более ценно, чем слова либералов»¹⁴². Объектом пристального внимания его деятелей был рабочий класс. Об этом свидетельствовали, например, неоднократные высказывания Ф. Э. Смита, постоянно делавшего упор на то, что «одной из первейших задач просвещенной консервативной политики» должно стать «удовлетворение пролетариата»¹⁴³.

В целом, однако, английский консервативный реформизм развивался в русле течения политической мысли, которое именуется в современной исторической литературе социал-империализмом. Цель этого течения состояла в том, чтобы убедить наименее обеспеченную часть общества в том, что ее интересы неотделимы от «интересов нации», и мобилизовать ее на защиту империи. В свою очередь, объединенная коммерческими и духовными узами империя рассматривалась как основа для проведения социальных реформ.

В Италии в роли активного теоретика консервативного реформизма выступал один из корифеев буржуазной политологии Г. Моска. Государственный разум, утверждал он, должен проявляться в «инициативе по улучшению положения низших классов»: это «единственный образ действий, способный привести к мирному решению так называемого социального вопроса». Отсюда Моска выводил «политическую формулу»: «умеренное вмешательство правительства в распределение богатств, его спокойные, здравые, но вместе с тем энергичные действия»¹⁴⁴.

Примерно такую же точку зрения отстаивал крупнейший итальянский «либеральный консерватор» С. Сонино. Он настойчиво указывал на необходимость некоторых реформ в том случае, если они осуществляются постепенно. Обязательной предпосылкой таких реформ, по мнению Сонино, должно быть «сильное государство» и «сильное правительство». Характеризуя отношения труда и капитала, он всячески подчеркивал важность задачи, которая состоит в том, чтобы убедить рабочих, что «капитал не рассматривает их как врага, а, наоборот, видит в них помощника и союзника»¹⁴⁵.

В Испании консервативно-реформистская политика была связана в это время с именем Э. Дато, неоднократно занимавшего посты министра и премьер-министра. Правда, единственным конкретным результатом этой политики явилось создание Института социальных реформ (так и не вышедшего в своей активности за пределы словесных пожеланий), а позднее — министерства труда, призванного осуществлять государственное регулирование отношений между трудом и капиталом.

В Австро-Венгрии вариант консервативно-реформистской деятельности реализовался усилиями Кербера, возглавлявшего правительство Габсбургской империи на протяжении первых пяти лет XX столетия. Результатом этой деятельности явилось введение начал социального законодательства, хотя и весьма робкого по сравнению с тем, которое уже существовало в некоторых европейских странах.

В ряде случаев консервативно-реформистская политика проводилась умеренными консерваторами в союзе с либеральными партиями. Так было, например, в Германии, где в начале XX в. сложился политический альянс консерваторов и либералов под руководством канцлера Б. Бюлова. Главной, скрепляющей силой альянса был страх перед рабочим движением, а проводимые реформы рассматривались как плата за изоляцию левых, социалистических сил. Уже находясь не у дел, Бюлов, оценивая свою политическую стратегию, писал: «Наша современная монархическая и консервативная система... может пасть лишь в том случае, если объединятся социализм и либерализм, рабочие и мелкие буржуа... Я всегда стремился дискредитировать социал-демократию в глазах образованной буржуазии...»¹⁴⁶

Фактический, хотя официально и не зафиксированный, союз умеренных консерваторов и правых либералов

сложился во Франции в период пребывания у власти А. Бриана.

Нечто подобное, несмотря на многие различия основных параметров общественной жизни, наблюдалось и в Соединенных Штатах Америки. Социально-политический курс президентов Т. Рузвельта и В. Вильсона в целом вписывался в рамки либерального варианта буржуазного реформизма. Однако в нем с самого начала содержался и солидный консервативный элемент. При этом соотношение между либеральными и консервативными компонентами в их политике было весьма динамичным. Сам Т. Рузвельт субъективно тяготел к консерватизму. «Он рассматривал себя,— писал американский историк Г. Колко,— как консерватора, стремившегося избежать революционного хаоса путем привнесения в индустриальную структуру разумного контроля»¹⁴⁷. Отсюда его постоянное стремление добиться «взаимопонимания» между капиталистами и рабочими — задача, которую он считал «значительно важнее законодательства»¹⁴⁸.

Свидетельством возросшей роли консервативного реформизма служили также сдвиги в установках католической церкви. До последнего десятилетия XIX в. она была самой надежной и непоколебимой опорой традиционалистского консерватизма. Любые новации, даже самые умеренные, трактуемые с позиций консерватизма, отвергались ею с порога. Опубликование в 1891 г. папской энциклики «Рерум новарум» («Новые времена») знаменовало собой существенные перемены в позициях Ватикана. При всей своей направленности против глубинных социальных перемен, против демократии и социализма, эта энциклика провозглашала поддержку церковью умеренных социальных реформ, ориентировала клир на активизацию деятельности в рядах рабочего класса и т. д.

Правда, идеи, изложенные в энциклике, нашли поддержку далеко не у всей церковной иерархии. Значительная часть католического клира оставалась на консервативно-традиционалистских позициях. Она всеми силами поддерживала тех консервативных деятелей, которые не только не приняли консервативно-реформистской политики, но и рассматривали своих единомышленников, выступавших за более гибкую стратегию, чуть ли не как «изменников» делу консерватизма. При этом многие консерваторы-традиционалисты заняли столь экстремистские позиции, что лишь немногим отличались от правых радикалов.

Большую активность проявляли представители экстремистского течения в Германии, где у них сложились самые тесные отношения с влиятельными кругами крупного монополистического капитала, задававшими тон в так называемом Центральном союзе германских промышленников (ЦСГП). Важной опорой консерваторов-экстремистов служил также Союз сельских хозяев, в котором заправляли аристократы-аграрии.

Показательна в этой связи та борьба, которую вели крайние консерваторы против умеренных консервативных правительств сначала Б. Бюлова, а затем Т. Бетман-Гольвега. Газета ЦСГП называла Бюлова не иначе как «катедер-социалистическим» канцлером. Кабинет Бетман-Гольвега ультраконсерваторы считали «слишком либеральным». Чрезмерным либералом был для них даже сам кайзер Вильгельм II. Наиболее крайние, экспансионистские позиции занимали консерваторы-экстремисты и в области внешней политики. Особенно отличался в этом отношении так называемый Пангерманский союз, объединивший в своих рядах наряду с влиятельными аристократами-аграриями, представителями чиновной знати и крупными промышленниками верхушку консервативно настроенной интеллигенции.

В Италии и Франции правый консерватизм экстремистского типа, будучи тесно переплетен с крайним шовинизмом, фактически превратился в разновидность правого радикализма с явно протофашистскими чертами. Крайне правый итальянский консервативный идеолог Д. Преццолини требовал, например, чтобы буржуазия, защищая свои интересы, пускала в ход против социалистического рабочего движения силу оружия. Лучше быть «аристократией разбойников», чем сборищем либеральных трусов — таков был лейтмотив его напумевшей статьи, посвященной анализу теорий элиты¹⁴⁹. Главный политический теоретик итальянского национализма А. Рокко требовал «внутренней социальной консолидации посредством формирования национального сознания и прочной дисциплины»¹⁵⁰.

Во Франции с позиций, близких к правому радикализму, выступали писатель М. Баррес и его ученик и последователь Ш. Моррас. С именем Морраса связана история «Аксион франсез» — протофашистской организации, ставшей в начале века сборным пунктом для всех врагов республики, демократии и социализма. Ядром ее идеологии стал так называемый интегральный национализм

барресовского типа. Он предполагал классовый мир, строгую иерархию, корпоративную организацию общественной жизни, а также сплочение нации для борьбы с внешними и внутренними врагами. Все это имело в виду осуществить под эгидой авторитарно-монархического режима.

В Англии экстремистско-консервативные позиции занимала часть так называемых «твердолобых» консерваторов, заслуживших это название за непримиримое сопротивление реформе палаты лордов. Видное место в этой группе принадлежало Д. Чемберлену, А. Мильнеру, лорду Уиллоуби де Броклу и ряду других.

Зарождение экстремистского консерватизма в Испании связано с именем А. Мауры, дважды возглавлявшего консервативные кабинеты.

Выйдя в 1913 г. из консервативной партии, А. Маура и его сторонники создали движение, которое перенесло политическую борьбу из парламента на улицу. В нем уже достаточно зримо проглядывали экстремистско-консервативные и даже праворадикальные черты. Не случайно многие западные историки отмечают глубинную связь мауризма с последующей диктатурой М. Примо де Риверы, а через нее и с франкизмом. Действительно, мауризм готовил почву для авторитарно-фашистских порядков, хотя сам Маура далеко не полностью разделял экстремистские установки движения, носившего его имя.

В отличие от стран Европы крайний, экстремистский консерватизм в Соединенных Штатах Америки основывался на абсолютизации свободной конкуренции и невмешательства государства в экономические процессы, т. е. стоял на позициях, которые в большей степени были свойственны европейскому либерализму. Для оправдания такой абсолютизации широко использовался социал-дарвинизм, провозглашавший объективную необходимость отбора, обрекающего на гибель всех неудачников и неимущих. Постоянным резервом такого экстремистского консерватизма были расистские организации, прежде всего ку-клукс-клан, влияние которого распространилось далеко за пределы американского Юга.

Первая мировая война внесла глубокие изменения в расстановку политических сил как на мировой арене, так и в отдельных странах. Эти изменения сказались и на положении на правом фланге политической структуры в зоне промышленно развитого капитализма. Затронули они и консервативный лагерь.

Глава 2. Консерватизм и фашизм

В современной литературе, посвященной анализу консерватизма, как и десятилетия тому назад, ведутся ожесточенные споры относительно взаимосвязи между консерватизмом и фашизмом. Сами консерваторы и близкие к ним авторы отрицают существование такой взаимосвязи. Они выискивают действительные или мнимые расхождения между консервативными идеологами и политическими течениями, с одной стороны, и фашистской теорией и практикой — с другой, конструируя на этой базе тезис о принципиальном различии (и даже несовместимости) консерватизма и фашизма. Идеино-политический смысл подобной позиции очевиден: помешать тому, чтобы отвращение, которое питают к фашизму широкие круги общественности, продолжало сказываться на репутации современных консервативных течений.

Как же обстояло дело в действительности? Чтобы ответить на этот вопрос, следует прежде всего освежить в памяти ту социальную и политическую обстановку, которая вызвала к жизни фашизм. Возникновение его не случайно пришлось на те годы, вскоре после победы в России Великой Октябрьской социалистической революции, когда капиталистический мир переживал острейший кризис. Впервые в истории человечества была не только продемонстрирована несостоятельность капиталистической системы, но и показан реальный выход из социальных и политических противоречий на путях коренного, революционного преобразования устаревших общественных отношений. В полном объеме значение этого обстоятельства было оценено далеко не всеми современниками. Однако в наиболее чутко реагировавших на события фракциях буржуазии, ощутивших всю серьезность угрозы своим позициям власти, стала пробивать себе дорогу идея необходимости новых средств сохранения господства. В частности, возникли сомнения в эффективности парламентского механизма, который достаточно успешно обслуживал капиталистическое общество в условиях капитализма свободной конкуренции.

Для таких сомнений имелись серьезные основания. Буржуазная парламентская система возникла и сложилась в обстановке, когда капитализм на своей монополистической стадии еще выражал и отражал нужды общественного прогресса, а тем самым в какой-то форме — и интересы значительных масс населения. Это обес-

печивало партиям, стоявшим на позициях сохранения буржуазного строя, более или менее устойчивую социальную базу. Дополнительное, но в то же время существенное значение имело то обстоятельство, что политическая активность значительной части населения оставалась в большинстве стран сравнительно низкой. В результате в основании пирамиды, которую образовывала тогдашняя политическая система капиталистического общества, находилась не основная масса взрослого населения, а лишь его (иногда даже не очень существенная) часть.

Переход к империалистической стадии развития капитализма обострил старые и создал новые противоречия. Выросла политическая активность трудящегося населения; укрепились его позиции в политической области, его влияние на политический процесс. В условиях обострения классовой борьбы и широкого «вторжения» масс в политику традиционный буржуазный парламентаризм стал терять прежнюю эффективность. Расширение объема влияния центров экономической власти на политические решения, свойственное монополистическому капитализму, усиление коррупции как результат роста влияния монополий на политическую систему еще более углубили ров между верхушечными звеньями политической системы и широкими народными массами. Соответственно возросла и неустойчивость положения, в котором оказались эти звенья.

Все это, разумеется, проявлялось лишь в тенденции. Однако в отдельных, наиболее развитых капиталистических странах эта тенденция вырисовывалась настолько четко, что превратилась в серьезнейшую политическую проблему.

В сложившихся условиях господствующий класс стал — пусть непоследовательно и робко — осуществлять переход от «верхушечной» политики, опирающейся главным образом на высшие слои общества, к политике, ориентированной на завоевание поддержки «простого народа». Инструментом такой политики должны были стать массовые партии, обладающие способностью спекулировать на неопытности и предрассудках части населения, впервые приобщившейся к политической активности.

Буржуазно-либеральные силы были в то время плохо приспособлены к выполнению такой роли; их влияние на трудящиеся массы слабело, а низкий уровень организованности делал их малоэффективными в кризисных ситуациях. В недостаточной степени были пригодны для

этой роли и консервативные партии. Их традиционная социальная база размывалась; тесные связи с наиболее одиозными правящими кругами закрывали путь к возникшим новым отрядам трудящихся, политика более или менее активного торможения поступательного развития общества способствовала компрометации консервативных постулатов и политики.

В этих условиях господствующий класс стал ощущать особую потребность в новой политической силе, жесткой, чтобы компенсировать слабости традиционного политического механизма и погасить революционные выступления трудящихся, и в то же время популярной, чтобы обеспечить хотя бы необходимую для этого политическую стабильность.

Вакансия для фашизма

Если бы не данное обстоятельство, то небольшие праворадикалистские группы, из которых потом сложилось фашистское движение в Италии, Германии и в ряде других капиталистических стран, никогда бы не вышли из политического забвения, которое стало уделом их многочисленных предшественников. В каком-то смысле фашизму повезло, поскольку он оказался самым подходящим претендентом на роль, в которой так нуждались власть имущие в то время.

С самого начала ему была отведена роль жандарма по отношению к революционной части народа. Уже в первые годы своего существования он потопил в крови выступления пролетариата в Италии и в ряде других государств Европы. В странах, где фашистам не удалось пробраться к власти, их вооруженные отряды играли роль неофициальной ударной силы, терроризировавшей рабочие партии и их приверженцев и создававшей атмосферу гражданской войны. Захват власти в Германии нацистами положил начало массовым расправам, которые стали неотъемлемой частью фашистской политической системы.

Но роль жандарма не исчерпывала социально-политической функции фашизма. Для спасения капиталистической системы было мало контрреволюции в традиционном смысле этого слова: т. е. реакции на революционные выступления путем кровавого насилия. Необходимо было, кроме того, предотвратить революционные выступления в будущем, решив наиболее неотложные проблемы, но так, чтобы это отвечало интересам существующего строя.

В обстановке острого кризиса капитализма фашизм

призван был осуществить то, с чем не смогли справиться традиционные буржуазные партии: по возможности приспособить старую систему власти к новой экономической и социальной реальности. Иными словами, речь шла о том, чтобы реализовать при помощи крайних средств программу перехода к государственно-монополистическому капитализму со всеми свойственными ему атрибутами — от всестороннего государственного вмешательства в экономику до тотального манипулирования духовной жизнью народа.

Сказанное, разумеется, не означает, что развитие от монополистического к государственно-монополистическому капитализму должно было неизбежно пройти через фазу фашизма. Впоследствии правящий класс ряда стран — кстати, не без учета опыта фашизма — нашел другие, менее болезненные для него самого и более эффективные пути перехода к государственно-монополистическому капитализму, сохраняя традиционные формы буржуазной демократии. Фашизм, следовательно, не фатальная неизбежность, а один из вариантов пути в этом направлении. Однако в сложившихся тогда условиях правящие классы в некоторых развитых капиталистических странах, не уверенные в прочности своих позиций, не нашли и не захотели искать другого выхода.

Немалую роль в выборе, который они сделали, сыграло и то, что фашизм не без основания показался им удобным орудием осуществления внешнеполитических амбиций. Стремление к тотальной регламентации жизни общества и реорганизации его на военизированной основе, апелляция к национальным чувствам и шовинистическим предрассудкам делали его эффективным инструментом подготовки к проведению территориальной экспансии. Не случайно наиболее прочные позиции фашистские силы завоевали в межвоенный период в тех странах, в которых правящие классы чувствовали себя обделенными при дележе добычи (Италия) или ущемленными в результате понесенного поражения (Германия).

Разумеется, правящий класс осознал это не полностью и не сразу. Отдельные его фракции приходили к такому осознанию в разное время и в разной степени. Не всех устраивало подобное развитие, не всем пришлось по душе методы его реализации.

Объяснялось это многими причинами. Важную роль играло то, что осуществление государственно-монополистических мероприятий, отвечая интересам правящего

класса и его верхушки в целом, неизбежно связано с ущемлением интересов его отдельных представителей и целых фракций. Кроме того, вера монополистической буржуазии в способность фашистских партий реализовать поставленные перед ними задачи созревала лишь постепенно. На первом этапе фашистские партии носили на себе глубокий отпечаток своего «плебейского» происхождения. Это находило выражение не только во внешнем виде и поведении руководящих кадров, плохо вписывающемся в традиционные рамки. Характер массовой базы фашистских партий, как и специфика отношений между ею и партийным руководством, сказывались на требованиях и лозунгах этих партий.

В руководящих кругах господствующего класса отдавали себе отчет в том, что передача власти такому массовому движению, как фашистское, не может быть осуществлена без «издержек», т. е. без уступок разнородной, преимущественно мелкобуржуазной массе, составлявшей политическую пехоту фашизма. Некоторые представители монополий, принимая демагогию за истинные цели фашистов, отвергали сотрудничество с ними. Другие — выражали сомнения в способности фашистских лидеров справиться с идущими за ними массами.

Определенные опасения были связаны с переменами в политической машине. Поскольку передача политического руководства фашистам означала смену формы власти, она неизбежно вела к коренной перестройке, а в ряде случаев — к слому старого партийно-политического механизма. Это требовало от буржуазии отказа от устоявшихся политических симпатий и связей. В ходе перестройки терпели неудобства, а иногда несли ощутимые потери отдельные представители господствующего класса, специализировавшиеся в области политики и административной деятельности. Это вызывало не только личные, но и групповые коллизии.

Связанное со всем этим недовольство групп буржуазии иногда приводило их к конфликтам с политическими органами фашистской власти. На более позднем этапе, когда несостоятельность фашистских режимов как в экономической, так и в политической области стала очевидной, конфликты начали принимать острый характер.

При всем этом классовая роль фашизма во всех странах, в которых ему удалось прийти к власти, имела вполне определенный характер. Установленная фашистами специфическая форма государственно-монополистическо-

го капитализма обеспечивала сохранение социальных, политических и экономических позиций господствующего класса. То обстоятельство, что определенные круги буржуазии, в том числе и монополистической, на различных этапах проявляли большее или меньшее недовольство функционированием этой экономической системы, свидетельствовало лишь о том, что даже в условиях тотального государственно-монополистического регулирования противоречия между различными группами буржуазии и внутри монополистического капитала не исчезают.

Поддержка большинства правящего класса сыграла решающую роль в превращении фашизма во влиятельную политическую силу, в захвате им власти и в относительной стабильности созданных им режимов. При этом наряду с денежной помощью огромную роль сыграл благожелательный по отношению к фашистам «нейтралитет» традиционного буржуазного государственного аппарата. Причины нежелания сотрудников аппарата власти оказывать сопротивление нацистам могли быть различными. В нем находилось немало людей крайне правых взглядов, которые либо были фашистами, либо сочувствовали им. В государственном аппарате работали такие люди, которые, не одобряя многие стороны теории и практики фашистов, видели в них не очень удобного, но необходимого союзника в борьбе против партий рабочего класса. Наряду с этим в аппарате было множество людей, которые вообще не отдавали себе отчета в том, что несет с собой фашизм. К бесчинствам фашистов они относились безразлично и, во всяком случае, не делали ничего, что могло быть воспринято как сопротивление.

При всех этих различиях в основе позиции, занятой по отношению к фашизму буржуазным административным аппаратом, лежали классовые побудительные мотивы. Задачей этого аппарата была защита существующей системы. Благожелательное отношение к фашизму верхушки правящего класса вело к тому, что фашистские партии при всей «экстравагантности» их действий воспринимались как составная часть системы. В любом случае это были «свои люди». И когда речь шла о борьбе против левых, верх неизбежно брало то, что объединяло, а не разъединяло эти силы.

Вильгельминисты и «обновители»

Обстоятельства, о которых шла речь выше, в решающей степени предопределяли и тот не всегда прямой, но вполне определенный путь, который привел видных консервативных идеологов и политиков к поддержке фашизма, а во многих случаях — к полному слиянию с ним. В свою очередь фашизм, вне зависимости от особенностей генезиса его первичных отрядов, приобрел четко выраженный консервативный облик, выступая как хотя и крайняя, но тем не менее составная часть консервативного лагеря.

Поскольку фашизм в наиболее зловещем, «каноническом» виде утвердился главным образом в Германии, процесс сближения консерватизма и фашизма на встречах курсах лучше всего проследить на германском материале.

Вот как это происходило.

После первой мировой войны консерватизм в Германии вступил в полосу глубокого затяжного кризиса. Военное поражение кайзеровской империи и последовавшая непосредственно за ним буржуазно-демократическая революция в ноябре 1918 г. обернулись для консерваторов сокрушительным ударом. Рухнула монархия, опорой и апологетом которой выступал консерватизм. Оказалась потрясенной консервативная система ценностей, в основе которой лежала шовинистическая, великодержавная идея об особой исторической миссии Германии как страны и немцев как народа. Политические позиции социальных сил, на которые ориентировался и опирался консерватизм, существенно ослабли: в ходе перестановок, произошедших в верхушке правящих классов, от власти были оттеснены военно-юнкерские, феодальные группы. В свою очередь, значительная часть буржуазии, оказавшаяся у руля государства, на первых порах сделала главную ставку на либерально-реформистские политические силы.

Все это, однако, не означало, что у консерватизма как идеологии и политического течения не осталось резервов. Они не только сохранились, но в определенной степени даже умножились. Оттесненные от власти военно-феодальные группы, частично лишившиеся общественных позиций кайзеровское офицерство, разорившиеся в ходе послевоенной инфляции чиновники, рантье и т. д. были полны стремления к реставрации «доноябрьских» порядков. Такое же стремление в решающей степени определяло настроения, господствовавшие в вооруженных силах Веймарской республики, возникшей на развалинах кайзеров-

ской империи. И консерватизм был тем самым идейным и политическим оружием, которое они использовали для достижения своих целей.

Под лозунгами консерватизма, при опоре на консервативные политические организации была осуществлена первая, правда неудачная, попытка реставрации дореволюционных порядков — так называемый капповский путч 1920 г. Консерватизм был тем знаменем, вокруг которого собирались силы, готовившие под эгидой руководителя рейхсвера генерала Секта военный переворот осенью 1923 г. Консервативные идеи исповедовали заговорщики, осуществившие в эти годы ряд террористических актов, жертвой которых стали видные политические деятели республики.

В то же время неудачи, которые потерпели попытки реставрировать старые порядки, привели к дальнейшему углублению дифференциации консерватизма. Часть либеральных консерваторов примирилась с буржуазно-республиканским режимом. У многих консерваторов-традиционалистов неприятие новых, республиканских порядков приобрело форму чисто апологетической идеализации общественного строя, существовавшего до войны. «Позитивная» программа, которую выдвигало это течение, не выходила за рамки стремления воссоздать все так, как было раньше. Его сторонники получили в современной им литературе прозвище вильгельминистов — по имени последнего представителя династии Гогенцоллернов — Вильгельма II. Характерная для них система ценностей полностью воспроизводила ту, которая была свойственна консерваторам-традиционалистам в довоенные годы: в ее основе лежала непоколебимая вера в сословную систему социальных отношений, в «естественное право» военной и чиновной верхушки руководить обществом, презрение к «низам», «черни», к которым они относили как рабочий класс, так и другие массовые группы трудящегося населения, полное неприятие демократических институтов, патологическая ненависть к левым партиям, и в первую очередь к коммунистам. В области внешней политики вильгельминисты стремились к возрождению Германской империи, включая колониальные владения, к восстановлению ее доминирующего положения в Центральной Европе, к продолжению политики экспансии в восточном направлении — против соседних славянских государств. Политически это направление консерватизма было представлено в крайне правой Немецкой национальной народ-

ной партии, частично в Народной партии и в правом крыле католической партии Центра.

В то же время, сразу же после Ноябрьской революции 1918 г., в сфере влияния консерватизма возник широкий спектр «обновленческих» течений. Их ядро составляли сторонники так называемого «прусского и немецкого социализма», младоконсерваторы и близкие к ним проповедники идей «консервативной революции».

Представителям этих течений были присущи те же основные ценности, которые отстаивали вильгельминисты. В то же время их взгляды характеризовались рядом особенностей. Так, в отличие от староконсерваторов они не превозносили порядки в кайзеровской империи. В их глазах политическая система, существовавшая в стране до первой мировой войны, страдала от «либерального склероза», «избытка демократизма»; она оказалась не в состоянии «преодолеть» классовое расслоение общества, изолировать «разлагавшие» его «антинациональные» элементы. Внешняя политика кайзеровских правительств критиковалась за недостаточную последовательность в осуществлении имперских притязаний¹. Все это провозглашалось истинной причиной последующей военной катастрофы.

Пытаясь сделать выводы из краха кайзеровского государства, «обновители» консерватизма, сохраняя свойственный ему дух высокомерного аристократического элитаризма, уже не просто игнорировали народные массы как «чернь», «простонародье», но одновременно искали средства политически мобилизовать эти массы в интересах осуществления своих целей. Устоявшиеся каноны консервативной мысли приобретали в их интерпретации предельно экстремистский характер.

Важную роль в формировании идеологии «обновителей» консерватизма сыграл Освальд Шпенглер (1880—1936), ставший в первые послевоенные годы кумиром всех европейских правых. Он довел до высшей степени присущее консерватизму чувство исторического пессимизма. Однако для консерваторов, пытавшихся приспособиться к новым условиям, О. Шпенглер был интересен не столько рассуждениями о закате Европы, которые сделали ему имя, сколько способностью низвести набор реакционно-консервативных идей, высказанных его учителем Ф. Ницше, до уровня восприятия отчаявшегося обывателя объединить этот набор идей с современными ему модными понятиями.

Мелкий собственник, бывший офицер, не нашедший себе места в гражданском обществе, потерявший дорогой ему статус чиновник, разорившийся рантье и им подобные ненавидели утверждавшуюся в стране буржуазно-демократическую систему, мечтали о «сильной руке», способной навести порядок, искали возможности приложения своим нереализованным агрессивным инстинктам. И О. Шпенглер шел им навстречу. Он спустил с небес абстрактного и полуутопического ницшеанского сверхчеловека, придав ему земную стать современного Цезаря и кондотьера, которому выпала историческая задача взять на себя ответственность за судьбы цивилизации. При такой трактовке абстрактные призывы к насилию и отрицание гуманизма, характерные для Ницше, приобрели в устах Шпенглера вполне конкретный характер.

Крайне экстремистское выражение нашли у Шпенглера консервативные представления о природе человека. Главным в ней он видел способность уничтожать себе подобных. «Человеку как типу,— утверждал он,— придает высший ранг то обстоятельство, что он — хищное животное», ибо «хищное животное — высшая форма подвижной жизни»².

Рассуждения Шпенглера о человеке как хищном звере были ориентированы не только на внутреннюю, но и на внешнюю политику. Они должны были преодолеть в сознании националистически настроенного обывателя своеобразный комплекс неполноценности, порожденный военным поражением, и придать ему уверенность в правомерности стремления «переиграть игру заново».

Свойственный консерватизму элитаризм синтезируется у Шпенглера с расистскими и цезаристскими мотивами. «Существуют народы, сильная раса которых сохранила свойства хищного зверя, народы господ-добытчиков, ведущие борьбу против себе подобных, народы, предоставляющие другим возможность вести борьбу с природой с тем, чтобы затем ограбить и подчинить их»³.

Это, по мнению Шпенглера, вполне естественно, как естественно и то, что к числу народов, сохранивших свойства хищного зверя, относятся в первую очередь немцы, призванные «решить великие мировые вопросы, приняв на себя наследие цезарей»⁴.

Ввиду широкой популярности, которую приобрели в тогдашней Германии идеи социализма, Шпенглер инкорпировал и их в развиваемую им модифицированную систему консервативных взглядов, провозгласив своей

целью освобождение социализма от Маркса⁵. Обратившись к традициям так называемого «феодалного социализма» как форме утопической феодальной реакции на развитие капиталистических отношений, он сконструировал модель, в которую, с ссылкой на социализм, были вмонтированы все традиционные ценности прусского милитаристского общества. Созданный таким образом фантом получил наименование «прусский социализм».

Социализм для Шпенглера — это прежде всего логический антипод «либерализма», т. е. капитализма на стадии свободной конкуренции и его порождения — парламентской системы. Поскольку центр «либералистского» общества составляет индивид, личность, то социализму надлежит «поглотить» индивида, растворить его в обществе, персонифицированном в лице государственного руководства. Соответственно, в качестве «социалистического идеала» в писаниях Шпенглера фигурирует солдатская казарма, а символом истинного социализма становится прусский фельдфебель.

Аналогичную метаморфозу производит Шпенглер и с другими понятиями, похищенными из арсенала пролетарского и демократического движения. Так, наряду с социализмом он охотно оперирует термином «интернационализм». При этом, в отличие от многих своих единомышленников, он пытается приспособить его к нуждам консервативного шовинизма. Делает он это с помощью расовой теории, на базе которой конструируется концепция «расового интернационализма». «Истинный интернационал, — утверждает Шпенглер, — возможен лишь в результате победы идеи одной расы над всеми другими, а не путем растворения всех точек зрения в едином бесцветном целом»⁶. Иными словами, «интернационализм» есть реализация идеи мирового господства германского империализма.

Хотя призывы Шпенглера были адресованы в первую очередь представителям средних слоев, недовольных веймарской системой, его «социалистические» игры были рассчитаны и на то, чтобы воздействовать на рабочих. Сформулированная им самим задача состояла в том, чтобы объединить «наиболее ценную часть немецких рабочих с лучшими носителями старопрусской государственной идеи», основанной на «сознании величия задачи, готовности подчиняться, чтобы господствовать, умереть, чтобы победить, на способности принести величайшие жертвы для достижения своей цели»⁷.

Обращение к социальной демагогии, спекуляция на понятиях социализма и интернационализма и некоторые другие особенности взглядов, отстаиваемых О. Шпенглером, маркировали ту черту, которая отделяла его от вильгельминистов. Тем не менее укоренившийся в нем элитарный аристократизм, глубокий страх перед «плебсом» помешали ему пойти по этому пути дальше, как этого явно требовали обстоятельства. Поэтому он не стал «обновителем» консерватизма в том понимании, которое сложилось несколько позже. Его взгляды образовали своеобразный мост между традиционалистским и экстремистским консерватизмом, стимулировав последний к тем поискам, которые привели его в конечном счете в лоно фашизма.

Более радикальный поворот к заигрыванию с массами, к использованию социальной демагогии в интересах манипулирования их общественно-политическим поведением был осуществлен в консервативном лагере Эдуардом Штадлером, основателем так называемой Антибольшевистской лиги и одним из главных организаторов травли революционеров в Германии в ноябре 1918 — январе 1919 г. В отличие от Шпенглера демагогия Штадлера была адресована не традиционным социальным кругам, издавна бывшим опорой консерватизма, а рабочим и имела целью оторвать их от организованного рабочего движения. Поэтому, действуя в унисон с основной тенденцией развития общественного сознания, Штадлер стремился не выдвигать новые идеи, а перехватывать те, которые уже получили широкое признание, вкладывая в них иное содержание. Таким образом, писал впоследствии он сам, имелось в виду «сочетать браком истинные, неискаженные консервативно-прусские государственные идеи и тенденции волеизъявления с новым, социалистическим содержанием близящейся революции, порожденной мировой войной»⁸.

Отсюда шокировавшие отдельных его консервативных коллег призывы Штадлера к принятию на вооружение требования создания производственных советов на предприятиях, к работе в профсоюзах, к борьбе против хищнического капитала. В некоторых консервативных кругах у Штадлера сложилась репутация «опасного радикала». Показательно, однако, что на протяжении ряда лет его и близких к нему идеологов активно поддерживали (прежде всего в финансовом отношении) представители ряда крупных монополий.

Общественную систему, которую Штадлер намеревался навязать Германии, он именовал «немецким социализмом» (в отличие от «прусского социализма», за который ратовал Шпенглер). Впоследствии это понятие, как известно, было взято на вооружение гитлеровской партией национал-социалистов.

Среди консервативных теоретиков, предлагавших модель общественного устройства, призванную стать альтернативой буржуазно-либеральному государству, можно назвать австрийского философа Оттомара Шпанна (1878—1950). Его популярность в правых кругах далеко за пределами Австрии основывалась на завоеванной им репутации рьяного приверженца и популяризатора идеи корпоративного государства.

Государство у Шпанна выступало как высшая ценность, иная «ипостась» народа. Чтобы нормально функционировать, оно должно было обладать институтами, способными, с одной стороны, осуществлять его волю, а с другой — мобилизовать на такое осуществление различные общественные группы. В качестве таких институтов Шпанн предлагал использовать корпорации, под которыми он понимал объединения граждан по отраслевому или профессиональному признаку. Охватывая лиц, обладающих разным социальным статусом (в одном случае — предпринимателей и рабочих, в другом — крупных землевладельцев и мелких сельских хозяев), корпорации должны были «ликвидировать» классовые противоречия и обеспечить ту социальную гармонию, в которой так нуждались правящие классы⁹.

Поскольку, основываясь на демократических началах, добиться ликвидации противоречий невозможно, корпорации, по мысли Шпанна, должны были быть организованы строго иерархически и управляться с помощью авторитарных методов. Никаких, даже урезанных, форм народного самоуправления Шпанн не признавал. «Не массы, недумающие и необразованные, должны избирать своих вождей, а вожди соответственным образом структурированных масс и объединений должны избирать своих высших руководителей»¹⁰.

Не оставалось места в модели Шпанна и политическим партиям. Они провозглашались не только лишним, но и «вредным» пережитком эпохи либерализма и в соответствии с этим объявлялись подлежащими уничтожению.

Близкую к шпанновской консервативную модель желательного государственного устройства разрабатывал один из корифеев тогдашней буржуазной юридической науки Карл Шмитт (1888—1958), взгляды которого были связаны с консервативной традицией, восходящей к Доносо Кортесу. Не случайно одно из исследований К. Шмитта было специально посвящено взглядам этого испанского дипломата. Государство, создание которого Шмитт считал необходимым, провозглашалось всемогущим. Его не должны были ограничивать никакие «формальные или моральные табу». «Такое государство,— писал он,— не должно допускать деятельности внутри страны антигосударственных сил, которые мешали бы ему осуществлять свои функции или раскалывали его. Оно не намерено давать в руки своих собственных врагов и разрушителей новые средства власти, помогать им подрывать свои позиции с помощью ссылок на такие понятия, как „либерализм“, „правовое государство“ и тому подобное»¹¹.

Духовный каркас для «барабанщика нации»

При всех нюансах, которыми отличались взгляды различных консервативных теоретиков, пытавшихся приспособиться к изменившимся условиям, все они в большей или меньшей степени тяготели к идеологическому центру, которым служил так называемый «Июньский клуб» младоконсерваторов. Созданный в июне 1919 г. на пожертвования крупных промышленников этот клуб на протяжении многих лет осуществлял активную деятельность по разработке и распространению «модернизированных» консервативных взглядов. В распоряжении клуба имелся собственный печатный орган — еженедельная газета «Гевиссен». Он располагал также своим агентством печати. Позиции клуба отражали многочисленные специализированные издания, во главе которых находились его члены или сторонники: журналы «Ди Хохшуде», «Дойчес фолькстум», газеты «Дойче рундшау», «Гренцботе», публикации «Пройсише ярбюхер» и т. д. Взгляды клуба пропагандировались и в так называемой «большой» буржуазной прессе, газетах «Дойче альгемейне цайтунг» и «Берлинер бёрзенцайтунг».

Клубом было создано специальное высшее учебное заведение — «Высшая школа национальной политики», в которой осуществлялась подготовка кадров для идеологических и политических организаций консервативного

толка. Впоследствии многие из выпускников этой высшей школы стали видными деятелями национал-социалистской партии.

С самого начала «душой» и главным теоретиком «Июньского клуба» стал публицист Артур Мёллер ван ден Брук (1876—1925). Он и поныне почитается в правых кругах как один из основоположников и «апостолов» младоконсерватизма.

Идею модернизации консерватизма Мёллер ван ден Брук активно отстаивал еще до первой мировой войны, когда эта идея не пользовалась в правящих кругах сколько-нибудь заметной поддержкой. В одной из своих статей, опубликованных в то время, он писал: «Консерватизм и модернизм не обязательно исключают друг друга. Консерватизм обеспечивает связь с прошлым; модернизм гарантирует будущее развитие»¹².

Тем более решительно он начал отстаивать модернизацию консерватизма после разгрома Германии и Ноябрьской революции 1918 г., когда необходимость приспособиться к изменившимся условиям стала очевидна многим представителям правящих классов. При этом модернизацию, о которой шла речь, он представлял себе несколько иначе, чем его более именитые коллеги.

Например, в отличие от Шпенглера Мёллер ван ден Брук не был «западником», т. е. сторонником общности судеб Западной Европы. Напротив, Запад выступал в его глазах как источник разложения и упадка. Глубокая ненависть к Франции как державе-победительнице, одной из тех, кто навязал Германии Версальский договор, побуждала его даже к корректировке политико-географических понятий. Границу между Западной и Восточной Европой Мёллер ван ден Брук проводил по Рейну, относя Германию полностью к Востоку. Это позволяло ему сконструировать теорию о немцах, как о «восточном», в его трактовке — «молодом», а значит, и динамичном народе. Эта динамичность, по словам Мёллера ван ден Брука, способна освободить их от груза старческих немощей, характерных для Западной Европы¹³.

Из взгляда на немцев как на «молодой» народ вытекала лелеемая Мёллером ван ден Бруком идея создания «консервативного восточного блока». Составную часть такого блока должна была, согласно его взглядам, образовывать также Россия, которую следовало «освободить» от большевиков, поскольку они навязали ей западные идеи и ценности.

Рассуждения Мёллера ван ден Брука о России как «консервативной силе» были во многом навеяны Ф. М. Достоевским, которого ван ден Брук глубоко почитал и неоднократно переводил на немецкий язык. Это, однако, никак не мешало тому, что в проектируемом «консервативном блоке» «освобожденной» от большевиков России отводилось подчиненное место, так как, ослабленная внутренними смутами, она более не способна развивать саму себя. Только под руководством Германии «консервативному блоку» удастся восторжествовать над идущим к своей гибели Западом¹⁴.

В конечном итоге это была та же идея гегемонии Германии в Восточной Европе, хотя и поданная под иным соусом.

Подобно другим идеологам немецких крайне правых, Мёллер ван ден Брук был расистом. Однако его расизм не имел столь примитивно биологического характера, как у авторов многих предшествовавших и последующих расистских работ. Делая ставку на образованного читателя, Мёллер ван ден Брук не мог полностью игнорировать широко известные научные данные относительно происхождения, развития и смешения рас. Поэтому он полемизировал против примитивизма, который, как он утверждал, способен только скомпрометировать расовую идею. Для самого Мёллера ван ден Брука была важна не «расовая чистота», а расовое единство. Раса, постоянно подчеркивал он, это не столько прошлое, сколько будущее народа: она должны вызревать в борьбе. «Речь должна идти не только о смешении крови, но и о скрещивании духовном и культурном. Раса — это все то, что духовно и физически объединяет определенную группу высших людей»¹⁵.

«Сторонники расовой теории, — писал он, — должны отдавать себе отчет в том, что они запутаются в неразрешимых противоречиях, если будут подходить к расе лишь с биологической меркой и пытаться выводить расу при помощи браков... Решить эти противоречия можно лишь в том случае, если поднять проблему расы на духовную ступень»¹⁶.

Если Шпенглер видел лучшее средство привлечения народа на сторону правящей элиты в использовании его тяги к социализму, то Мёллер ван ден Брук считал, что наиболее эффективным рычагом в этом смысле является национализм. «Националист, — подчеркивал он, — не должен смиряться с тем, что имеются миллионы немцев, ко-

торых марксизм отвратил от идеи нации. Он должен бороться против такого положения»¹⁷.

Во имя привлечения этих миллионов немцев Мёллер ван ден Брук готов был признать классовую борьбу, разумеется, трактуя ее, мягко говоря, весьма своеобразно. Внутри общества такую борьбу он допускал, но только в других капиталистических странах — прежде всего в США и в Западной Европе. В том же, что касалось Германии, классовая борьба выносилась им в область внешней политики. Национализм, утверждал Мёллер ван ден Брук, «принимает в расчет с политической точки зрения и классовую борьбу, однако понимает ее не столько социально, сколько национально как борьбу угнетенных народов — восточных против западных, молодых против старых»¹⁸.

Наиболее полно взгляды Мёллера ван ден Брука были изложены в книге «Дас дрите райх» («Третья империя»), вышедшей в 1923 г. Основные идеи книги могут быть воспроизведены в виде следующих положений:

— Чтобы разрушить Веймарскую республику, необходимо осуществить «консервативную революцию». Такая революция вовсе не означает возвращения к кайзеровским временам. Она призвана ликвидировать урон, нанесенный немецкому народу Ноябрьской революцией 1918 г., которая посадила на место устаревших — неспособных. Причина несостоятельности Ноябрьской революции в том, что она была чужда немецкому духу. Поэтому последующая революция должна быть немецкой.

— Идеи социализма не следует отдавать на откуп марксизму. Истинный социализм должен быть империалистическим, ибо империализм — естественная политика для перенаселенной страны. Покорив поляков, итальянцев и другие необразованные народы, немецкий рабочий класс сможет перепоручить им всю грязную работу. Тем самым он перестанет быть пролетариатом, а в Германии будет осуществлен «социализм»¹⁹.

— Важнейшая задача «консервативной революции» — покончить с либерализмом, представляющим собой проявление упадка, убивающим религию и разрушающим родину. Следует также положить конец демократии — этим «либеральным хамелеонам». Парламентская система должна быть заменена сословной. Необходимо также разогнать все политические партии, заменив их «третьей партией», способной преодолеть различия между левыми и правыми, быть одновременно национальной и социаль-

ной и следовать принципам «консервативной революции»²⁰.

— Действительный пролетарий — это тот, кто считает себя пролетарием. В результате военного поражения и Ноябрьской революции 1918 г. все немцы, в сущности, стали пролетарской нацией. Поэтому классовая борьба внутри страны бессмысленна. Ее место заступает борьба народов. В этой борьбе немецкие рабочие не могут иметь союзников вовне; они найдут их лишь у себя дома²¹.

В том, что касается конкретных посулов социально дискриминируемой части народа, Мёллер ван ден Брук был сравнительно сдержан: социальная демагогия в ее примитивнейшей форме явно претила его высокомерно-пренебрежительному отношению к простонародью. При всем этом изложенная им программа действий образовала тот костяк, на который стали опираться все фашистские мировоззренческие построения.

Среди сравнительно молодого поколения младоконсерваторов наиболее близки Мёллеру ван ден Бруку были Эрнст Юнгер и Эдгар Юлиус Юнг (1900—1934). Юнгер, будучи литератором, предпочитал излагать свои взгляды в художественной форме. Юнг, претендовавший на роль политического мыслителя, выступал главным образом с памфлетами и эссе. В своей основе его рассуждения представляли собой вариации на темы, предложенные Мёллером ван ден Бруком. Однако в них была и своя специфика, отражавшая опасения, которые испытывали в отношении некоторых радикальных пассажей сторонников «немецкого социализма» представители крупного капитала. Наиболее четко это прослеживалось в книге «Господство неполноценных», вызвавшей особое одобрение в кругах крупных промышленников.

Либералы, утверждал Юнг, создали систему, которая способствовала возвышению неполноценных и оттеснению от власти представителей достойной править элиты. Поэтому борьба, которую надлежит вести, должна быть направлена на восстановление элитаризма. Конечная цель этой борьбы — общее благо. Однако за него надо платить. Такой платой является тотальное подчинение индивида государству, включая готовность к героической смерти на войне²².

Смягчая некоторые «чрезмерно острые», с точки зрения крупного капитала, подходы Мёллера ван ден Брука к задачам «консервативной революции», Юнг объявлял главной ее целью — преобразования в «духовной сфере».

«Консервативной революцией,— писал он,— мы называем восстановление в своих правах всех тех элементарных законов и ценностей, без которых человек теряет связь с природой и богом и не может создать истинный порядок. Место равенства должно занять понятие внутренней ценности, место социальных устремлений — готовность к справедливому включению в структурированное общество, место бюрократического принуждения — чувство внутренней ответственности и истинного самоуправления, место массового счастья — право личности как части народа»²³.

В конечном итоге «консервативная революция» должна была ознаменовать собой отвержение духовных законов, установленных либеральной Французской революцией 1789 г. Носителем «консервативной революции» неизбежно станет «новое дворянство», меньшинство, руководствующееся консервативно-революционной идеологией.

Настаивая на том, что «консервативная революция», несмотря на свой «мировой характер», будет исходить из Германии и иметь «немецкий характер», Юнг в то же время, косвенно полемизируя с Мёллером ван ден Бруком, предостерегал от узкого национализма, поскольку он противоречил бы «европейской миссии Германии».

В отличие от этого группа младоконсерваторов, группировавшаяся вокруг журнала «Ди Тат» во главе с его тогдашним редактором Гансом Церером, еще больше заостряла пассажи Мёллера ван ден Брука, предельно сближая их с взглядами национал-социалистов, особенно того течения, во главе которого стоял Г. Штрассер. Их модель «консервативной революции» была до предела нафарширована демагогическими социальными обещаниями. Они то и дело разражались филиппиками против крупного капитала, призывали к созданию «нового народного сообщества», превозносили принцип единовластия вождя, который сможет навести «порядок, имеющий смысл, порядок, дающий ответ на все вопросы, перед которыми бессилен либерализм: почему, для чего, за что»²⁴.

Несколько особняком от «обновительского» направления, в том числе и от младоконсерваторов, стояла группа консервативных теоретиков, занимавшихся главным образом «географическим» обоснованием политики экспансии германского империализма. Сами они относили себя скорее к вильгельминистам. Однако объективно развивавшиеся ими взгляды служили дополнением к концепциям «обновителей» консерватизма, были приняты по-

следними на вооружение, а позднее пополнили идеологический арсенал национал-социализма.

Одно из самых заметных мест среди них занимал географ Фридрих Ратцель (1844—1904), получивший известность задолго до первой мировой войны. Будучи человеком крайне реакционных взглядов, он наряду со множеством действительно ценных с научной точки зрения работ выпустил книгу «Политическая география», положившую начало целой системе оправданий, со ссылкой на географию, политики экспансии и захватов ²⁵.

Одной из самых важных составных частей концепции, развивавшейся Ратцелем в этой книге, была теория «роста пространственных размеров государства», который, согласно его утверждениям, представляет собой неизбежное следствие роста народонаселения. В качестве главного аргумента для доказательства своей теории Ратцель использовал ссылку на постоянное увеличение населения. Это увеличение, утверждал он, оказывает давление на границы государства, которые соответственно проявляют постоянную тенденцию к расширению. Стимулирующее воздействие на эту тенденцию оказывают, по Ратцелю, и другие факторы: географические открытия, совершенствование средств транспорта и связи, создающее возможность эффективного управления все большей территорией, развитие экономики и т. д.

Чтобы приспособить эту теорию к конкретным интересам германской буржуазии, Ратцель пополнил ее тезисом относительно соответствия размеров государств уровню культуры народа. Согласно его утверждениям, народы, стоящие на низкой ступени культуры, образуют, как правило, малые государства, в то время как для высококультурных народов характерно стремление к созданию больших государственных организмов. Отсюда вывод, что поглощение малых государств крупными — неизбежное следствие и показатель роста культуры ²⁶.

Поскольку стремление к пространственному росту государств, по мнению Ратцеля, является всеобщим, а размеры земного шара стабильны, возникает вопрос, за счет чего может осуществляться пространственная экспансия. Отвечая на этот вопрос, Ратцель делал достаточно открытые признания: «Мир не увидит больше державы, которая выросла бы на только что найденной девственной земле. В будущем новые великие державы будут возникать только на основе разгрома старых» ²⁷.

В еще более конкретной форме экспансионистские

идеи Ратцеля были выражены в другой его книге, посвященной проблемам географии Германии²⁸. Эта работа содержала три основных политических тезиса.

Первый исходил из «жизненной необходимости» для Германии передела колоний, в результате которого она получила бы доступ к эксплуатации земель, расположенных в умеренном климатическом поясе. Это требование, утверждал Ратцель, выдвигается как «требование природы народного тела, аналогичное голоду и жажде. Оно все больше и больше будет становиться главной задачей германской политики».

Второй тезис предусматривал осуществление германской экспансии на Европейском континенте. «Одна деревенская округа в Европе важнее султаната в Африке», — писал Ратцель, подчеркивая при этом, что Германия, будучи расположена в самом сердце Европы, является главным образом европейской державой»²⁹.

Третий тезис служил конкретизации притязаний империалистической Германии на Европейском континенте. С этой целью Ратцелем было сконструировано понятие Срединной Европы, которому был придан физико-географический облик. «Между Альпами, Северным и Балтийским морями, между Атлантическим океаном и Черным морем, — писал он, — лежит та часть Европы, в которой Альпы, Карпаты и Балканы, широкие низменности и такие реки, как Рейн и Дунай, придают взаимное сходство основным формам поверхности, страна, климат которой однороден, растительность которой почти от одного края до другого являет нам один и тот же ковер лесов, лугов, болот, лужаек. Это — Срединная Европа в широчайшем смысле слова»³⁰.

Подобное словесное объединение в общий комплекс различных частей Европы, обоснованное скорее публицистически, чем научно, было произведено в весьма конкретных политических целях. Если Срединная Европа представляет собой физико-географическое единство, заключал Ратцель, то совершенно естественно возникает тенденция к политическому объединению этого территориального комплекса. Наибольшие возможности для осуществления такого объединения открываются перед государством, расположенным в центре района, т. е. перед Германской империей. Исходя из этого, Ратцель и рекомендовал немецкому народу уяснить себе, что его задача заключается «прежде всего в сплочении и обеспечении за собой сил Срединной Европы»³¹.

Притязания, которые обосновывал Ратцель, в сущности, ничем не отличались от тех, которые выдвигали консервативные проповедники пангерманизма на протяжении всей истории кайзеровской Германии. Однако в его работах имелась одна важная особенность, которая выделяла их из серии ординарных шовинистических писаний и сближала с «обновителями» консерватизма. По сути дела, Ратцелем была предпринята попытка создать своего рода «всеохватывающую теорию» империалистической экспансии, которая, будучи отражением интересов правящих классов Германии, в то же время выступала бы как воплощение устремлений всего народа.

Эта линия была затем подхвачена виднейшими представителями возникшей в то время в рамках консервативного направления так называемой геополитики, прежде всего близким к пангерманистским кругам шведским профессором Рудольфом Челленом и отставным кайзеровским генералом Карлом Хаусхофером.

Изложенное выше свидетельствует о том, что идеологический арсенал, который был использован германскими фашистами для завоевания влияния на массы, утверждения своего политического господства в стране, установления в ней режима кровавого террора и развязывания захватнической войны, не был их собственным в прямом смысле этого слова. Он был результатом идеологических усилий консервативных теоретиков и публицистов, особенно принадлежавших к «обновленческому», т. е. фактически экстремистскому, направлению в консерватизме. Национал-социалисты просто взяли на вооружение этот идейный арсенал, несколько подогнав его по своей мере, — усилив одни акценты и ослабив другие.

В те годы, когда процесс сближения и взаимного проникновения главных течений в консерватизме и национал-социализме реализовывался наиболее интенсивно, из этого не делалось секрета. Выше уже говорилось о близости кружка активных младоконсерваторов, сгруппировавшихся вокруг журнала «Ди Тат» и его редактора Г. Церера, к тому течению в национал-социалистической партии, которое возглавлял Г. Штрассер. Такая близость была тогда не исключением, а правилом. Например, А. Гитлер не раз встречался с наиболее видными представителями «обновленческого» консерватизма, в том числе с Мёллером ван ден Бруком. Во время одной из таких встреч весной 1922 г. фашистский «фюрер» заявил: «У вас есть все, чего мне недостает. Вы возводите духовный каркас для

обновления Германии. Я же только барабанщик и собиратель. Давайте работать вместе»³².

В свою очередь Мёллер ван ден Брук в передовой статье, напечатанной в газете «Гевиссен», подталкивая Гитлера на штурм парламентских институтов, подбадривающе писал: «Бей в барабан, барабанщик нации»³³.

Для понимания степени близости «обновленческого» консерватизма и фашизма весьма показательна написанная Э. Юнгом речь видного представителя германского консерватизма Ф. Папена, проложившего путь Гитлеру к власти и вошедшего в его первый кабинет министров в качестве вице-канцлера. В этой речи, произнесенной летом 1934 г., различия между консервативной и фашистской позициями характеризовались следующим образом: «Поскольку революция (т. е. подрывная деятельность, направленная против парламентских институтов Веймарской республики.— *Авт.*) боролась против демократизации и ее роковых последствий, новый консерватизм, естественно, отвергал любую дальнейшую демократизацию и верил в возможность ликвидации плюралистических сил, действуя сверху. Национал-социализм, напротив, сначала прошел до конца по пути демократизации, оказавшись затем перед нелегкой проблемой: как же осуществить на практике идеи беспрекословного руководства, неограниченного авторитета, принципа аристократического отбора и органического народного порядка?.. История подтвердила правоту национал-социалистов»³⁴.

Очистив этот пассаж от семантической шелухи, типично фашистского злоупотребления популярными понятиями, мы получим действительно откровенную констатацию ситуации, существовавшей в те годы. Консерваторы-«обновители» добивались того же, что и национал-социалисты. Однако первые опасались «слишком острого» и опасного, с их точки зрения, оружия социальной демагогии и всячески стремились ограничить активность масс. Их больше всего устраивал верхушечный реакционный переворот. Национал-социалисты, в свою очередь, сделали главную ставку на демагогическую апелляцию к массам. Они стремились канализировать растущее социальное недовольство в русло крайне правого активизма и в значительной степени преуспели в этом. В результате консерваторам пришлось довольствоваться лишь вторым местом в реакционно-тоталитаристском дуэте.

Сотрудничество консерватизма и нацизма не ограничивалось идеологическо-теоретической областью. Оно

не менее четко проявилось в сфере практической политики.

Важным этапом на этом пути было создание осенью 1931 г. так называемого Гарцбургского фронта — политического союза всех консервативных и фашистских сил тогдашней Германии — от Немецкой национальной народной партии до гитлеровской национал-социалистской (НСДАП) и близких к ней мелких праворадикальных союзов. Фронт этот оказался непрочным. Борьба за гегемонию в крайне правом движении еще не была преодолена. Немецкая национальная народная партия, возглавляемая А. Гугенбергом, опираясь на свои многолетние тесные связи с правящими кругами страны, рассчитывала сыграть в этом фронте роль патрона, опекающего национал-социалистов. Поскольку эти притязания не отвечали фактическому соотношению сил, сложившемуся в лагере реакции, НСДАП вскоре вышла из фронта. Однако, несмотря на свою недолговечность, Гарцбургский фронт сыграл весьма важную роль в процессе консолидации политического авангарда германской монополистической буржуазии, послужив прообразом будущей коалиции, но уже под руководством национал-социалистов.

Важнейшую роль в создании такой коалиции в конце 1932 — начале 1933 г. сыграли младоконсерваторы и близкие к ним политики. Переговоры с Гитлером о передаче ему власти велись через посредство «Клуба господ» — прямого преемника «Июньского клуба», бывшего на протяжении более 10 лет центром младоконсервативной деятельности. Входившие в «Клуб господ» крупнейшие немецкие промышленники, финансисты и аграрии составили ядро того влиятельного лобби, которое оказало сильный нажим на престарелого президента Веймарской республики Гинденбурга, побуждая его назначить Гитлера рейхсканцлером.

Решающую поддержку Гитлеру и его партии при захвате ими власти оказало и традиционалистское направление в консерватизме — вильгельминисты. Их позиции были очень сильны в вооруженных силах Веймарской республики — рейхсвере. Отношения между рейхсвером и фашистами на протяжении ряда лет были сложными и колебались между тесным сотрудничеством и конкурентной борьбой. Однако в конечном итоге верхушка рейхсвера однозначно высказалась за передачу власти национал-социалистам, согласившись удовольствоваться вспомогательной ролью.

Во имя реализации этого союза вильгельминисты в мундирах отдали «на заклятие» некоторых своих коллег, которые по тем или иным причинам стали препятствием на пути создания коалиции с фашистами (видных рейхсверовских генералов — К. фон Шляйхера, К. фон Бредова, К. фон Хаммерштейн-Экворда и некоторых других).

При решении вопроса о назначении Гитлера рейхсканцлером большую роль сыграло вильгельминистское окружение президента Гинденбурга — его сын Оскар фон Гинденбург, статс-секретарь Майсснер, юнкер Ольденбург-Янушау и др. Поддержка консерваторов как традиционного, так и «обновленческого» толка имела большое значение для стабилизации гитлеровской власти в первые годы пребывания фашистов у власти.

Сказанному не противоречит то обстоятельство, что личная судьба ряда консервативных теоретиков и политиков в созданном фашистами «третьем рейхе» складывалась не всегда удачно. Тоталитарному фашистскому государству были не очень удобны люди, которые могли претендовать на роль предвестников фашистских мудрствований. Их попытки напомнить о своем «приоритете» воспринимались как умаление «исторической роли» фюрера, которому одному должна была принадлежать роль «источника всех истин». Раздражали фашистских выскочек, ставших носителями высшей власти, аристократический снобизм и высокомерие теоретиков консерватизма, привыкших смотреть на «фашистских барабанщиков» как на пешки, которым надлежит слушать и повиноваться.

В результате, по мере упрочения нацистской власти, ведущие фигуры германского консерватизма стали все решительнее отесняться с авансцены. Неприятности с фашистскими властями возникли у О. Шпенглера, недовольного тем, как реализуются на практике его идеи. О Мёллере ван ден Бруке, покончившем в 1925 г. самоубийством во время приступа в нервной больнице, вспоминали все реже и реже. Э. Юнг, позволивший себе критические замечания в адрес фашистской верхушки, стал жертвой массовой резни летом 1934 г. Тогда же были уничтожены патриарх баварского консерватизма Густав фон Кар, генерал Курт фон Шляйхер и некоторые другие. Ирония истории состояла в том, что они пали жертвой того самого идейного оружия, которое выковывали всю свою жизнь.

Впоследствии Г. Раушнинг, консерватор, сначала примкнувший к нацистам, а затем порвавший с ними,

пытаясь оправдать политику своих единомышленников, пошедших на союз с фашизмом, ссылаясь на то, что последний обеспечил консерваторам массовую базу, которой им так не хватало. «Мы ошиблись в нашем выборе,— писал он.— Но я не знаю, кто мог бы избежать нашей ошибки в условиях того кризиса»³⁵. Однако оправдание такого рода звучит скорее как признание естественности союза консерватизма и фашизма в кризисных условиях.

* * *

Разумеется, германская модель взаимоотношений между консерватизмом и фашизмом не была единственной. Эти взаимоотношения обычно модифицировались в зависимости от национальных особенностей той или иной страны, расстановки политических сил в ней, остроты кризисного развития и классовых противоречий. Например, в Италии доминирование чисто фашистских сил не было столь абсолютным, как в гитлеровской Германии. Консерватизм как идеология и политическое течение сохранил в этих условиях некоторую автономию, выступая в качестве самостоятельной опоры фашистского режима. Еще специфичнее складывались отношения между консерватизмом и фашизмом в Испании. Особенности установления фашистского режима в этой стране обусловили большое влияние на него милитаристских сил. В результате политический фашизм, подобный германскому национал-социализму,— фалангизм — стал одним из китов, на которых покоилась «новая» система власти. Другими китами оказались настроенные традиционно армия и верхушка католической церкви. В идеологии это нашло выражение в доминировании ортодоксально консервативных взглядов над «обновленческим» и близким к нему чисто фашистским мировоззрением.

В некоторых странах Центральной и Восточной Европы (например, в Австрии) в эти годы возникли и утвердились своеобразные клерикально-фашистские режимы, в которых доминирующую роль играл традиционный консерватизм, взявший на вооружение некоторые важные элементы фашистской идеологии и политической практики. При таких режимах фашистские политические организации были вынуждены либо пойти на службу главному течению в консерватизме, либо оказаться в роли оппозиции ему.

Во всех случаях, однако, консерватизм и фашизм демонстрировали свое духовное и политическое родство. Оно проявлялось достаточно четко даже там, где фашистским силам не удалось завоевать сколько-нибудь серьезных позиций. В таких странах консервативные теоретики и политики не проявляли большого интереса к фашистским течениям у себя дома и иногда даже третировали их. И в то же время они всячески поддерживали — идейно и практически — фашистские движения и режимы за рубежом. Иными словами, взаимодействие между консерватизмом и фашизмом оказывалось перенесенным во внешнеполитическую сферу.

Известны, например, те симпатии, которые питали к странам с фашистским режимом — особенно Германии и Италии — американские ультраконсерваторы. Правоконсервативные круги Англии горячо приветствовали приход фашистов к власти в Германии. Не стремясь к установлению порядков фашистского типа у себя в стране, они тем не менее были самыми ревностными поборниками сближения Великобритании и гитлеровским «третьим рейхом». Во имя такого сближения они проводили так называемую политику «умиротворения», основной смысл которой состоял в том, чтобы обеспечить это сближение за счет далеко идущих уступок растущим аппетитам фашистских держав. Показательно в этой связи, что за «умиротворение» фашистских держав активно выступали и французские консервативные силы, несмотря на то что подобная политика была чревата смертельной угрозой для национальных интересов Франции. Во время гражданской войны в Испании, сопровождавшейся широкомасштабной германо-итальянской интервенцией, все основные консервативные силы США и капиталистической Европы выступали в роли активного сторонника фашистских мятежников, оказывали им всевозможную поддержку и бурно ликовали, когда республиканские силы потерпели поражение.

Когда фашистские державы развязали вторую мировую войну и оккупировали значительную часть Европы, из консервативного лагеря формировались кадры коллаборационистов, пошедших не только на гражданское, но и на военное сотрудничество с фашистскими оккупантами. Некоторые исключения, зафиксированные в отдельных странах, лишь подчеркивали это правило.

Глава 3. Консерватизм в послевоенном мире: стратегия приспособления

Вторая мировая война, завершившаяся разгромом фашизма, решающий вклад в который внес советский народ, существенно ослабила позиции консерватизма. С одной стороны, резко возрос авторитет социализма, его ценностной основы и практической политики. С другой — в общественном сознании были предельно скомпрометированы основные консервативные ценности, взятые на вооружение фашизмом и служившие оправданием для установления им режима тотального самовластия, для осуществления агрессивного внешнеполитического курса, для оккупации значительной части европейского континента, геноцида в отношении целых народов. С полной очевидностью выявилась несостоятельность экономической и социальной политики фашистских режимов, представлявшей собой реализацию на практике рецептов, предлагавшихся консервативными теоретиками.

Важную роль в компрометации консервативных идей сыграла свежая память о том пособничестве фашизму, которое было характерно для консервативных сил в предвоенные годы. Влияния этого обстоятельства не мог ослабить даже тот факт, что правительство Англии в годы войны возглавлял лидер консерваторов У. Черчилль. Деятельность на посту премьер-министра укрепила его личный престиж, однако не изменила общего негативного представления об английских консерваторах, что убедительно засвидетельствовал их полный провал на парламентских выборах в июле 1945 г.

Все это происходило в условиях, когда изменение сил в мире в пользу социализма вынудило правящие круги буржуазии взять курс на интенсивное приспособление к изменившейся обстановке. Этого же требовало происходившее в послевоенный период укрепление государственно-монополистических структур, во все большей степени определявших облик послевоенного капитализма. Решающим инструментом такого приспособления стала социал-реформистская политика. Но для ее проведения консервативные силы годились в гораздо меньшей степени, чем либерально-реформистские и социал-реформистские партии и движения.

О степени падения интереса к консерватизму, по крайней мере в Западной Европе, свидетельствует хотя бы тот факт, что в первые годы после окончания второй мировой войны в ряде партий, имевших явно консервативный характер, активно обсуждался вопрос об отказе от наименования себя таковыми. Например, лидер британских консерваторов Макмиллан в своих мемуарах вспоминал об обмене мнениями по этому поводу, который состоялся у него с главным партийным организатором Вултоном. Оба собеседника согласились с тем, что «слово „консервативный“ кажется непривлекательным для массы современных избирателей, особенно тех, кто смотрит в новый и волнующий мир сквозь опыт горьких лет войны»¹.

Консерватизму пришлось приложить огромные усилия, чтобы удержать свои позиции на политической арене. И он в очередной раз проявил большую жизнеспособность — в значительной мере благодаря своему многообразию. Традиционалистская и экстремистская разновидности были оттеснены на периферию политической жизни. На авансцену выступили умеренные консервативные силы, которым было легче вписаться в контекст послевоенной эпохи.

Метрополия консерватизма

Усилению позиций международного консерватизма в послевоенный период способствовали мощные импульсы, исходящие от самой могущественной страны капиталистического мира. Усилившиеся за годы войны США набрали небывалую силу, превратились в неоспоримого лидера империалистического лагеря. Американский империализм взял на себя миссию «мирового жандарма», т. е. миссию реакционную и консервативную. Речь шла не только о том, чтобы сохранить капиталистические порядки, но и о том, как «сдержать», «отбросить» социализм.

Реакционно-консервативный характер внешнеполитического курса США оказал мощное воздействие и на внутреннюю жизнь страны. Можно сказать, что после второй мировой войны центр международного консерватизма переместился в США. При этом в совместной борьбе против революционных сил во всем мире в процессе приспособления к меняющемуся миру у консерваторов разных стран и континентов усилились черты общности. Этому способствовали также более общие интеграционные

тенденции, свойственные империалистической системе и нашедшие выражение в теории и практике «атлантической солидарности» под эгидой Соединенных Штатов. Различия национальных консервативных традиций, отмечает умеренно-консервативный британский политолог З. Лейтон-Генри, были сильно выражены в XIX в. и в первой половине XX столетия. После же второй мировой войны в связи с усилением влияния СССР, возрастанием мощи организованного рабочего движения и укрепления роли государства на Западе наблюдалась конвергенция консервативных целей и приоритетов: «современный консерватизм имеет общие корни и основной комплекс общих принципов»². О «растущем взаимном оплодотворении европейского и американского консерватизма» пишет и американский консервативный историк Дж. Нэш.

В полной мере все эти тенденции проявились уже на следующем этапе эволюции консерватизма, начиная с рубежа 70—80-х годов, но старт такому развитию был дан в первые послевоенные годы. И именно американский консерватизм оказался тем «локомотивом», которому предстояло вытащить из тупика весь международный консервативный состав.

Выполнению американским консерватизмом этой роли благоприятствовали также идейно-политические сдвиги внутри господствующего класса. Монополистический капитал США за годы войны вышел из шокового состояния, вызванного кризисом 1929—1933 гг. Его готовность идти на уступки массам во имя сохранения основ своего господства ослабла. Это нашло выражение в заметном сдвиге вправо многих неолибералов из окружения президента Ф. Д. Рузвельта, процесс, который усилился после его смерти. Неолибералы по-прежнему выступали за широкое использование средств государственно-монополистического регулирования. Они готовы были идти на некоторые материальные уступки социальным низам. Однако в их рядах все сильнее проявлялось стремление обуздать народные массы, поставить их в жестко ограниченные рамки. И в этом они находили общий язык с консерваторами. В свою очередь в консервативных кругах росло понимание того, что многие из реформ Ф. Д. Рузвельта необратимы и что дальнейшую борьбу придется вести на почве свершившихся фактов. В результате сближения между «новым консерватизмом» и поправевшим неолиберализмом уже в первые послевоенные годы сложился так называемый консервативно-либеральный, а затем либе-

рально-консервативный консенсус, т. е. компромиссный курс, отражавший устремления господствующего класса. Определяющими в этом курсе были первоначально консервативные, а позднее неолиберальные компоненты.

Не случайно Д. Эйзенхауэр, став в 1952 г. президентом, считал необходимым подчеркнуть, что его правительство будет «консервативным с точки зрения экономической политики» и «либеральным» в плане «достижения благосостояния» народа. А его оппонент от демократической партии Э. Стивенсон, которого считали воплощением американского либерализма, во время избирательной кампании говорил, что «странная алхимия нашего времени превратила демократов в истинно консервативную партию нашей страны»³.

«Новый консерватизм», определявший в послевоенные годы характер консервативно-либерального консенсуса, был, в сущности, американским вариантом реформистского консерватизма. От реформизма рузвельтовского неолиберального типа он отличался и количественно и качественно. Его социальная политика была гораздо скромнее, в ней снижался удельный вес налогов с монополий и ограничивались масштабы государственного вмешательства в социально-экономическую сферу. Последний момент как раз и связан с качественным различием между консервативным и неолиберальным реформизмом. По мнению неолибералов, смысл государственного вмешательства состоит прежде всего в том, чтобы отыскать какой-то компромисс между классовыми противниками путем социального маневрирования, а если потребуется, то и уступок. Государство в таком случае должно представлять в роли надклассового арбитра-примирителя. На взгляд консервативных реформистов, роль государства иная: оно — не арбитр, а прежде всего полицейский, который твердо стоит на страже интересов капитала, навязывает его волю трудящимся, и если понадобится, то самыми жесткими, репрессивными мерами. Наглядным примером такого подхода к отношениям между трудом и капиталом явился известный закон Тафта—Хартли, существенно ограничивший право на забастовку.

То, что консервативно-либеральный консенсус был решительно обращен против прогрессивных сил, создавало весьма благоприятные условия для правых экстремистов. Не случайно его расцвет совпал с подъемом маккартизма. В этом явлении, получившем название по фамилии его инициатора сенатора-республиканца Дж. Маккарти, спле-

лись воедино праворадикальные и экстремистско-консервативные тенденции. Оно пользовалось хотя и не единой, но довольно широкой поддержкой консерваторов разного толка и части правых либералов.

Социально-экономическая политика консервативно-либерального консенсуса, подобно рузвельтовской, опиралась на методы государственно-монополистического регулирования, предложенные английским экономистом Кейнсом. Администрации Эйзенхауэра пришлось примириться и с дефицитом бюджета — этим важнейшим элементом кейнсианства, который обычно оспаривали консерваторы. В силу логики государственно-монополистического регулирования, с одной стороны, влияния рабочего движения — с другой, многое из рузвельтовского «нового курса» оказалось необратимым. Консенсус в принципе не был нарушен и после прихода к власти демократов при Дж. Ф. Кеннеди и Л. Б. Джонсоне. Можно сказать, что произошла лишь перемена мест слагаемых в формуле консенсуса: он стал либерально-консервативным.

Либерально-консервативный консенсус сохранялся и при президенте Р. Никсоне. Если у Эйзенхауэра не было четкого политического лица, то Никсон по праву считался убежденным консерватором, причем начинал он свою политическую карьеру на правом фланге консерватизма, в тесном сотрудничестве с Дж. Маккарти. Однако и Никсон без сколько-нибудь серьезных корректив воспринял от своих предшественников методику государственно-монополистического регулирования, т. е. остался в рамках буржуазного реформизма. Сам Никсон считал себя тогда консерватором дизраэлевского типа. В интервью после избрания в 1972 г. на второй срок он так излагал свою «политическую философию»: «Говоря о философии, я бы не сказал, что мы намереваемся быть более консервативными или более либеральными. Если бы я стал оценивать это с точки зрения великих дебатов в британской системе XIX в., то я сказал бы, что мои взгляды, мой подход ближе всего консерватизму в духе Дизраэли — сильная внешняя политика, сильная приверженность к основным ценностям и... реформа, которая будет работать, а не реформа, которая разрушает»⁴. Фактически согласие между консерваторами и либералами на базе буржуазного реформизма при всех поворотах и колебаниях сохранялось до рубежа 70—80-х годов.

Конечно, его оспаривали правоконсервативные силы, отвергавшие любые варианты буржуазного реформизма.

После упадка маккартизма, пик праворадикальной активности которого совпал с первой половиной 50-х годов, наступил черед Б. Голдуотера, ставшего кандидатом на пост президента от республиканской партии в 1964 г. Голдуотер представлял тогда практически все правое крыло консерватизма, что служило еще одним подтверждением тесной связи между правым консерватизмом традиционалистского и экстремистского типов.

Буржуазному реформизму правые консерваторы противопоставили позицию, которую советские американисты характеризуют как «твердый индивидуализм». Истоки ее связаны с той разновидностью американского консерватизма, которую К. Росситер именовал «консерватизмом *laissez-faire*»⁵. Этот тип консерватизма — плод американского своеобразия. В стране бурного и относительно свободного развития капитализма сложилась традиция превознесения предпринимателя, добивающегося успеха на свой страх и риск, по праву более сильного и более одаренного. Всякое государственное вмешательство с такой точки зрения выглядело как нарушение свободы индивида. Для мелких предпринимателей и фермеров «твердый индивидуализм», базирующийся на неприкосновенности принципа свободной конкуренции, воплощал надежды на спасение от натиска монополий. Но у «твердого индивидуализма» есть и важная промонополистическая грань. «Прекрасный принцип *laissez-faire*, оказавшийся столь полезным в минувшие дни борьбы против аристократического патернализма, превратился, — пишет В. Л. Паррингтон, — в ширму для плутократии, которая развивалась на основе свобод, обеспечиваемых политикой невмешательства государства»⁶. Особенно рьяными приверженцами «твердого индивидуализма» стали монополисты, у которых еще не сложились тесные связи с государственно-бюрократическим аппаратом и профсоюзными боссами, т. е. нувориши главным образом из периферийных районов. Как видно, «твердый индивидуализм» представлял собой сплав противоречивых антимонополистических и авторитарно-монополистических тенденций, с перевесом в пользу последних. «Твердый индивидуализм» не ассоциируется с каким-то одним направлением американского консерватизма, хотя он ближе к его правым и экстремистским разновидностям. Он даже выходит за собственно консервативные рамки, являясь важным элементом идейного багажа правых радикалов. На его стороне оказываются и те, кто считает себя либералами, поскольку свято

придерживаются присущего «классическому либерализму» принципа *laissez-faire* и не приемлют кейнсианской модели государственно-монополистического регулирования.

Характерной чертой эволюции американского консерватизма послевоенного времени являлось то, что его политическое развитие опережало идейное. Конечно, эти две линии были взаимосвязаны, но потребовалось определенное время, чтобы между ними произошла прочная «стыковка».

Долгие годы американский консерватизм уступал европейскому по глубине и многообразию традиций. Поэтому в период его послевоенного оживления американские идеологи консерватизма проявили повышенную активность. Они прилагали энергичные усилия, чтобы не только очистить от пыли свою автохтонную консервативную традицию, но и обогатить ее за счет заимствований из Европы, подкрепив тем самым глобальные консервативные притязания США идейными обоснованиями. Эту миссию взяла на себя группа консерваторов-интеллектуалов преимущественно из академической среды, имевших связи с деловым миром и политическими кругами. С их деятельностью связано возрождение термина «неоконсерватизм»; неоконсерваторами стали именовать сторонников обогащения и обновления американской консервативной идеологии, ее синтеза с европейской консервативной мыслью.

Первым глашатаем такого синтеза выступил упоминавшийся выше литератор, публицист, историк П. Вирек. Он исходил из аналогии между послевоенной эпохой и ситуацией после Великой французской революции и наполеоновских войн. Поэтому в центре его внимания оказался консерватизм Меттерниха. Книга Вирека, опубликованная в 1949 г., звучала как панегирик в честь австрийского канцлера. Американский автор называл его «единственным практическим политиком, поднявшимся до уровня философских обобщений». А самое главное, утверждал Вирек, никогда Европа «не наслаждалась столь длительным миром»⁷, как в эру Меттерниха. В его деятельности американский консерватор видел источник ценного опыта для формировавшегося тогда Североатлантического блока. Меттерниховский Священный союз и союз западных стран «имеют одну важную общую цель: объединенную, мирную, космополитическую Европу»⁸; у них тот же враг — революция. Тем самым подводился историко-идеологический фундамент под здание НАТО,

где ключевая роль отводилась американцам. Именно на них, по словам Вирека, как когда-то на Меттерниха, «сегодня выпала миссия сохранения западного наследия»⁹.

Меттерниховская политика оказалась в центре внимания и докторской диссертации Г. Киссинджера «Европа в первые десятилетия XIX века», опубликованной затем в виде книги под названием «Восстановленный мир». Позднее в качестве руководителя внешнеполитического ведомства США Киссинджер попытался на практике воссоздать в новых условиях некое подобие меттерниховского эквилибриума.

Надо сказать, что, воздавая должное Меттерниху, Киссинджер все же ставил Бисмарка выше. Меттерниху при всем его дипломатическом искусстве, констатировал будущий государственный секретарь США, не доставало силы духа, чтобы преодолеть тупики, создаваемые историческими кризисами, «способности заглянуть в пропасть не с отрешенностью ученого, а со стремлением преодолеть вызов или погибнуть»¹⁰. Как раз такой способностью обладал, по его мнению, «железный канцлер». Превосходство Бисмарка Киссинджер видит в том, что он стремился (и не без успеха) поставить себе на службу самые влиятельные силы своего времени, тогда как Меттерних лишь пытался отвести их в сторону, притормозить их натиск. В то же время в работе, специально посвященной Бисмарку, Киссинджер сожалел, что способ, посредством которого была объединена Германия, «лишал международную систему гибкости»¹¹. В конечном счете, пишет автор книги о Киссинджере американский ученый Б. Мэзлиш, ни Меттерних, ни Бисмарк не служили для него историческим образцом: «Для того, чтобы получить правильную комбинацию, необходимо было слить воедино понимание возможности, присущее одному, с волей другого»¹². Как видим, изучение консервативных идей, «консервативного государственного искусства» находило прямой выход в политике США.

Свидетельством интереса к консервативной традиции Западной Европы может служить и диссертация отнюдь не принадлежавшего к консервативному лагерю будущего президента США Дж. Ф. Кеннеди, посвященная Доносо Кортесу. По ее материалам он опубликовал в 1952 г. обширную статью, лейтмотивом которой было противопоставление политической мысли и конкретной деятельности испанского дипломата. Кеннеди подчеркивал, что

Доносо Кортес, несмотря на бури, бушевавшие в его голове, оставался верным служителем либерально-монархического режима, прагматичным и умеренным в своих действиях. Если же он взывал к диктатуре, то лишь потому, что надеялся с помощью диктатора восстановить естественный эквилибриум, нормальный ход вещей¹³.

Актуальность идей Доносо Кортеса в послевоенном мире открыл для себя и П. Вирек: «Суждения Кортеса о бренности разума и тщетности прогресса могут быть лучше оценены сегодня, в период растущего разочарования в прогрессе, чем в оптимистический викторианский век... В сегодняшней Европе его эссе 1851 г. остается одним из наиболее важных интеллектуальных орудий против левых»¹⁴. Вирек рекомендует американским консерваторам внимательнее отнестись к наследию испанца, который «в литературном отношении превосходит де Местра, а по прозорливости Берка и Меттерниха»¹⁵.

Все же определяющее воздействие на формирование идеологии послевоенного консерватизма в США оказало наследие Э. Берка. Уже 12 апреля 1945 г. (в день смерти Рузвельта) в Фордхэмском университете было основано общество имени Берка, приступившее к пропаганде взглядов английского вига среди консервативно настроенных интеллектуалов. В 1949 г. вышла книга Т. Копленда под названием «Наш замечательный друг Эдмунд Берк». Тогда же под редакцией Р. Хоффмана и П. Левака появился сборник трудов и речей Берка, предназначенный для американских читателей. С конца 50-х годов стал выходить специально посвященный изучению наследия Берка журнал «Берк ньюс леттер».

Подоплека беркианского бума очевидна. «Многие высказывания Берка против Великой французской революции,— подчеркивал Т. Копленд,—...могут быть адресованы большевикам»¹⁶. Как писал П. Вирек, Берк «учит нас отвечать на мировую революцию, не пытаясь превзойти ее слева или с помощью крайне правой реакционной тирании, а сохраняя свободные институты Запада»¹⁷. Вирек решительно противопоставил Берка де Местру; берковская ветвь — это эволюционный консерватизм, а местровская — контрреволюционная. Если местровский консерватизм, по мнению Вирека, мертв, то «берковский более гибкий консерватизм сегодня сильнее, чем когда-либо, пропитывает все партии в Англии и Америке». В наследии Берка Вирек усматривал самую подходящую почву для консервативно-либерального кон-

сенсуса. «Сегодня наиболее чистые либералы и более умеренные консерваторы стали двумя параллельными линиями, пересекающимися не в бесконечности, а в Берке»¹⁸.

На роль главного пророка беркианства в США претендовал и философ Р. Керк, которого Дж. Нэш характеризует как «романтического традиционалиста по инстинкту»¹⁹. Книга Керка «Консервативное мышление» (*The Conservative Mind*), опубликованная в 1953 г., имела громкий резонанс. Ее успеху, как признавал позднее сам автор, способствовала атмосфера первых дней администрации Эйзенхауэра, приход к власти которой консерваторы расценивали как свой успех. Книга Р. Керка, по словам Д. Нэша, представляла собой как бы «генеалогию хороших людей и ценных мыслей»²⁰. Перед читателем разворачивалась эволюция англосаксонской консервативной мысли в образах и идеях за два столетия. Благодаря Керку американские консерваторы обзавелись солидной родословной.

Книга Керка проникнута наступательным духом. «Консерваторы,— писал он,— отступали со времен Французской революции... но они не отчаивались, когда бывали биты... Противникам удавалось обращать их в бегство, выбивать их из укреплений, но они никогда не капитулировали; и сегодня они имеют такую возможность отвоевать почву, какой у них не было с того дня, когда современный радикализм бросил вызов традиционному обществу»²¹. В революционные эпохи, полагал Керк, люди бывают увлечены новизной, но затем они устают от нее, их тянет к старым принципам. История представляется американскому консерватору-традиционалисту циклическим процессом; поэтому на определенном его витке консервативный порядок возвращается вновь, и консерваторы «должны знать традицию, которая с ним связана, чтобы суметь воссоздать общество»²². Послевоенное время Керк как раз и рассматривал как благоприятный для консерваторов цикл, а идеи Берка считал самым подходящим духовным и моральным оружием консерваторов для реализации благоприятной возможности. На консерваторов, утверждал Керк, легло бремя ответственности за «судьбы христианской цивилизации», и они в силах справиться с этой грандиозной задачей.

Если Вирек, Росситер и другие сторонники консервативно-либерального консенсуса опирались на Берка с целью обосновать реформистско-консервативную пози-

цию, то Керк, опираясь на Берка, ведет атаку против всякого рода реформизма. Его подход ближе к «твердому индивидуализму», хотя он против крайностей «индивидуалистов».

Великие консерваторы, по убеждению Керка,— это пророки, критики, но отнюдь не реформаторы. Вообще мир никогда не улучшить посредством политической деятельности, «потому что природа человека непоправимо повреждена»²³.

В суждениях Керка наиболее рельефно проявляется самый существенный признак традиционалистского консерватизма. В отличие от консервативных реформистов, которые усматривают средство достижения социальной стабильности в ограниченных реформах, консерваторы-традиционалисты стремятся обеспечить широкий национальный консенсус, апеллируя к традиционным представлениям и предрассудкам, авторитету и религии. Социально-экономическую проблематику они пытаются перевести в религиозно-этическую плоскость. Это удобно и с точки зрения маскировки реальных классовых антагонизмов.

Почти три десятилетия спустя после выхода своей наиболее известной книги Р. Керк, выделяя важнейшие принципы традиционалистского консерватизма, поставил на первое место веру «в порядок более высокого уровня, чем человеческая способность приспособиться; убеждение, что экономика переходит в политику, политика — в этику, этика — в религиозные понятия»²⁴.

Самым влиятельным рупором правого консерватизма стал основанный в 1955 г. У. Бакли-младшим журнал «Нэшнл ревью». Ключевым элементом позиции Бакли и его единомышленников был традиционализм. Правда, в отличие от Керка, они заходили дальше вправо, более последовательно придерживались «твердого индивидуализма». Сам Бакли называл свой журнал «органически американским, укорененным в глубочайшие национальные традиции и в глубочайшие традиции западной цивилизации»²⁵.

Бакли и его окружение активно выступали за консолидацию консервативных сил, имея в виду прежде всего правое крыло консервативного лагеря. Основой для сплочения должно было стать слияние традиционализма, «твердого индивидуализма» и по возможности либертаризма. Идеальная платформа была найдена в концепции швейцарского экономиста В. Рёпке, изложенной им в книге «Гуманная экономика», где проповедь свободной

рыночной экономики комбинировалась с восхвалением христианского гуманизма, традиционных ценностей и резким осуждением современного «массового общества». И все это цементировалось воинствующим антикоммунизмом. Как утверждал Рёпке, издержки, порождаемые рыночной экономикой, должны быть нейтрализованы посредством укрепления устоев семьи, религии и традиций.

Правых консерваторов не устраивала политика администрации Эйзенхауэра. Вместо того чтобы решительно бороться с «коллективизмом», она, по их убеждению, дрейфовала в русле «нового курса», а в области внешней политики пошла слишком далеко навстречу СССР. Особое их возмущение вызвала советско-американская встреча в верхах 1959 г.; «дух Кэмп-Дэвида» стал для них синонимом капитуляции. В этих кругах не стеснялись открыто декларировать то, о чем умалчивали более умеренные консервативные силы. Консерваторы — защитники западной цивилизации, провозглашал видный право-консервативный идеолог Ф. Мейер, «а в революционный век это означает, что они должны быть контрреволюционерами»²⁶.

К выборам 1960 г. правые консерваторы отнеслись с равнодушием, зато в кампании 1964 г. они были горячими сторонниками Б. Голдуотера. Это неудивительно, если учесть, что десятью годами раньше многие из них поддерживали Д. Маккарти. Особую активность проявили У. Бакли и его шурин Б. Бозел. Еще в 1953 г. Бакли написал для Маккарти речь с критикой администрации Эйзенхауэра, помогал ему в подготовке к телевизионным дебатам; Бозел же регулярно писал Маккарти речи. Хотя Р. Керк не был активным сторонником Маккарти, но выступал против тех, кто имел мужество осуждать висконсинского демагога. Для Голдуотера Керк стал «глашатаем и придворным философом»²⁷.

Экономическим советником Голдуотера был известный консервативный ученый, лидер чикагской школы, убежденный противник Кейнса М. Фридмен. Бозелом была написана книга Голдуотера «Сознание консерватора», изданная 20 тиражами общей сложностью 500 тыс. экз. Без этой книги, отмечает Дж. Нэш, «Голдуотер, возможно, не приобрел бы национального статуса»²⁸.

Хотя Голдуотер потерпел поражение, избирательная кампания 1964 г. способствовала политической активизации право-консервативных сил, усилению их борьбы за духовную гегемонию. Показательно, что тираж «Нэшнл

ревью» с 30 тыс. в 1960 г. вырос к концу 60-х годов до 100 тыс. экз. В апреле 1964 г. был открыт Клуб консервативной книги, в котором уже через год насчитывалось свыше 30 тыс. членов²⁹.

На политическом небосклоне консерватизма появляются новые «звезды», среди них Р. Рейган, привлечший к себе внимание речью в пользу Голдуотера. Не случайно этот момент многие американские публицисты и ученые считают началом его восхождения в Белый дом.

Своего человека консерваторы видели и в президенте Р. Никсоне. Действительно, Никсон был близко знаком с Р. Керком, восхищался его «Программой для консерваторов»; в его администрацию вошли консервативные представители академического мира, в частности А. Бернс, Р. Аллен и Г. Киссинджер, которому предоставлялась возможность применить на практике опыт «консервативного государственного искусства». Нашлось местечко и для У. Бакли: он стал видным сотрудником официального информационного ведомства — ЮСИА. Тем не менее довольно скоро консерваторы разочаровались в Никсоне. Поклонник Дизраэли не вышел за рамки либерально-консервативного консенсуса: сохранились бюджетные дефициты, не были сколько-нибудь серьезно урезаны социальные расходы, произошло лишь некоторое их перераспределение из каналов федерального правительства в каналы властей штатов («новый федерализм» Никсона). Вызывала недовольство правых консерваторов и его внешняя политика, особенно улучшение советско-американских отношений. «Ни Дизраэли, ни Никсон никогда не придерживались твердых принципов», — злобствовал, выражая взгляд правых консерваторов, Ф. Мейер. В 50-х годах он же нападал на Р. Керка за апологию Берка, заявляя, что «Берк — просто ненадежный учитель, когда дело идет о твердых политических позициях»³⁰. Уже в 1968 г. Мейер выступал за выдвижение кандидатом в президенты калифорнийского губернатора Р. Рейгана.

Важным союзником традиционалистского консерватизма стали уже в это время так называемые «новые правые» — течение, родственное консерватизму и в то же время носящее ряд черт, сближающих его с правым радикализмом. Но более подробно речь о них пойдет ниже.

В поисках «среднего пути»

Линия на приспособление консерватизма к послевоенному миру наиболее четко проявилась в политической практике британских консерваторов. В отличие от США им приходилось конкурировать с массовой рабочей партией, хотя и не покушавшейся на устои капиталистической системы, но стремившейся к социально-экономическим переменам под лозунгом «демократического социализма». Если американская экономика за годы войны возросла и количественно и качественно, то британская нуждалась в серьезной модернизации. За годы «нового курса» США значительно продвинулись вперед по пути государственно-монополистического регулирования, а Англии это еще во многом предстояло сделать. Не могли не учитывать консерваторы и общественных настроений, показателем которых явился исход выборов 1945 г. Обещания лейбористов преобразовать страну, обеспечить полную занятость, установить контроль над крупным капиталом посредством национализации, осуществить реформу здравоохранения нашли отклик у большинства англичан. Тем более что в их сознании консерваторы ассоциировались с экономическими бедствиями 30-х годов, позорным мюнхенским курсом во внешней политике. Не оправдались расчеты консерваторов на личную популярность У. Черчилля, «архитектора победы». Впоследствии самокритичные консервативные аналитики признавали, что на выборах им, в сущности, нечего было предложить, кроме портретов своего лидера.

До осени 1951 г. длился период пребывания консерваторов в оппозиции, когда у них было время для анализа, извлечения уроков.

Наиболее дальновидные консерваторы готовились к новым условиям загодя. Уже в 1941 г. возник комитет по послевоенным проблемам во главе с влиятельным консервативным политическим деятелем Р. Батлером. В 1945 г. этот комитет был преобразован в Консультативный комитет по политике и политическому образованию. С 1943 г. стала функционировать торийская группа по реформе; ключевыми фигурами в ней были лорд Хинчингбрук, П. Торникрофт, К. Хогг (позднее лорд Хэйлшем). Здесь собрались преимущественно консерваторы нового поколения, понимавшие необходимость обновления консервативной политики. Как отмечал канадский историк Д. Хоффман, эта группа продолжала традицию Дизраэлевской

«Молодой Англии», Рандольфа Черчилля, Комитета по социальной реформе Ф. Э. Смита³¹.

Самыми энергичными и влиятельными поборниками адаптации к новым условиям были Р. Батлер и Г. Макмиллан. В 30-х годах традиционалистским кругам консервативной партии Макмиллан казался опасным реформатором, предлагаемый им «средний путь» чересчур левым. Теперь макмиллановская концепция «среднего пути» начала завоевывать признание. Вспоминая первые послевоенные годы, Макмиллан писал в своих мемуарах, что тогда уже нельзя было ограничиваться задачами, поставленными когда-то Дизраэли. Главной целью консервативной партии стал теперь «синтез свободного предпринимательства и коллективизма»³².

Однако перевести консервативную партию на «средний путь» оказалось нелегким делом. Сдвиг в ее политике происходил не сам по себе, а в процессе напряженной внутренней борьбы, поэтому он и растянулся почти на десятилетие. Немаловажную роль сыграла в этом и позиция лидера партии У. Черчилля. «Черчиллевское течение консерватизма,— пишет британский консервативный историк Д. Рэмсен,— не внесло сколько-нибудь значительного вклада в переосмысление партийной политики и философии... его влияние было скорее негативным, чем позитивным»³³. Правда, внимание Черчилля поглощали в основном внешнеполитические проблемы, он не любил вникать в детали социально-экономической политики; поэтому сторонники реформ получили значительную свободу действий. Кроме того, Макмиллан и Батлер не упускали случая подчеркнуть, что предлагаемая ими линия является естественным продолжением «торийской демократии», поборником которой считался отец лидера партии — Рандольф Черчилль. Иногда убедить Черчилля помогал консервативным реформаторам А. Иден.

Член Консервативного исследовательского отдела лорд Фрейзер оф Килморак писал о Батлере: «Он был единственной личностью в высших кругах, кто реально вносил энергию и последовательность в осуществление ее политики». Сравнивая Батлера с Макмилланом, он отмечал: «Макмиллан был следующим за Батлером по силе влияния, но вместе с тем это влияние было относительно ограниченным, поскольку у него не было серьезной опоры в партии, а у Батлера она была»³⁴. Дело в том, что Батлеру удалось взять под контроль ряд важных партийных органов, в том числе Комитет по выработке индуст-

риальной политики, Консервативный исследовательский отдел, практически всю сферу партийного просвещения.

Чтобы придать своим устремлениям более приемлемый вид, сторонники реформ делали упор на традицию, т. е. новое подавалось в традиционалистской упаковке. Не случайно они так часто апеллировали к наследию Дизраэли. Центральное партийное бюро и Консервативный политический центр опубликовали новые издания его речей, брошюру со списком социальных реформ, проведенных консерваторами. Макмиллану импонировал Дизраэли, симпатии Батлера склонялись скорее к Пилю.

Важнейшим итогом деятельности консервативных реформаторов по выработке своего «нового курса» партии явилась «Промышленная хартия». Главным ее творцом по праву считается Батлер; в написании этого документа велика была роль и Макмиллана. Однако превратить хартию в официальную линию партии было еще сложнее, чем ее разработать. И в этом ее создатели проявили тактическое мастерство. Для подготовки документа был создан специальный комитет, в его состав привлекли и консерваторов-заднескамеечников, чтобы нейтрализовать их возможную оппозицию. Д. Рэмсен подчеркивает, что сам документ был совершенно сознательно написан в «невызывающих, неясных и успокоительных тонах: отсюда та относительная легкость, с которой он был принят в качестве изложения партийной политики Черчиллем и копфференцией»³⁵. Начало хартии, пишет Д. Хоффман, должно было успокоить самых ревностных защитников свободы предпринимательства: «Наша неизменная цель — освободить промышленность от ненужного контроля и ограничений. Мы желаем заменить теперешний паралич... системой свободного предпринимательства, которая обладает авторитетом и которая примиряет потребность в централизованном управлении с поощрением индивидуальных усилий»³⁶. Но, в сущности, «Промышленная хартия» воспроизводила основные параметры кейнсианской модели ГМК, введенной в Англии лейбористским правительством. Фактически были признаны социальные мероприятия лейбористов в духе «государства всеобщего благоденствия». Даже отвергая в принципе национализацию, хартия не покушалась на национализированные лейбористами угольную промышленность, железные дороги, Английский банк. Высказывалось намерение вернуть в частные руки только металлургию.

На партийной конференции в Брайтоне (1947 г.) подавляющее большинство делегатов одобрило хартию; против было подано только три голоса. Однако это голосование не отражало истинного отношения к ней в партии. Сторонникам реформ невольно помогли наиболее яростные противники хартии, особенно У. Смитерс. Многие английские авторы признают, что экстремизм Смитерса, клеймившего государственное вмешательство как социализм, оттолкнул часть делегатов от оппозиции хартии. Если бы вместо столь резкой отповеди противники документа занялись критикой его частностей, дело могло бы принять иной оборот. Тем более что сам Черчилль отнесся к хартии без энтузиазма. Когда представитель реформистского течения Р. Модлинг по просьбе лидера, работавшего над заключительной речью в Брайтоне, изложил в нескольких строках суть «Промышленной хартии», Черчилль заявил, что не согласен ни с одним ее словом. Модлингу пришлось напомнить главе партии, что документ уже принят конференцией. Тогда Черчилль все же включил написанный Модлингом текст в свою речь, но зачитал его «с рассчитанной холодностью, которую он всегда придавал пассажирам в своих речах... написанных другими»³⁷. Р. Блейк сравнивал «Промышленную хартию» по ее значению в истории консервативной партии с речами Дизраэли 1872 г., оговариваясь при этом, что ей как плоду коллективного труда «не хватало дизраэлевской риторики и окраски»³⁸.

Идейно-политическая перестройка, несомненно, дала результаты. В 1951 г. консерваторы вернулись к власти и удерживали ее в течение 13 лет. Их успеху в 1951 г., конечно, способствовала утрата лейбористами былой популярности. Идейно и организационно обновленные консерваторы продемонстрировали, что они учли опыт прошлого и чувствуют пульс времени. Тот факт, что Батлер возглавил в кабинете Черчилля министерство финансов, должен был подтвердить, что партия стала на стезю реформистского консерватизма.

Собственно говоря, Батлер, Макмиллан и их сторонники осуществили традиционный маневр, с успехом сделанный Дизраэли по отношению к либералам; они похитили снаряжение у замешкавшихся лейбористов. «Мы должны были убедить массовый послевоенный электорат в том, что мы признали необходимость полной занятости и государства всеобщего благоденствия; что мы признали необходимость централизованного планирования»,—

писал Г. Макмиллан в своих мемуарах. «Мы,— продолжал он,— создали популярность позиции между старым либерализмом и новым социализмом. Я был убежден, что многие на правом фланге лейбористской партии работали над подобным синтезом»³⁹.

Не случайно в 50-х годах влиятельный английский еженедельник «Экономист» ввел в обиход новый термин «батскеллизм», производный от фамилии Батлера, олицетворявшего реформистский консерватизм, и правого лейбористского лидера Х. Гейтскелла. С того времени стали говорить о «батскеллистском консенсусе» — английском варианте американского либерально-консервативного консенсуса. Батскеллизм стал возможным в результате продвижения навстречу друг другу умеренных консерваторов и правых лейбористов. Он, однако, не означал полной идентичности позиций, у сторон сохранились различия в подходах. Консерваторы-реформисты стояли на правокейнсианских позициях, а лейбористы — на левокейнсианских. В соответствии с консервативным подходом главное состояло в том, чтобы обеспечить экономический рост, тогда общий «пирог», т. е. общественный продукт, увеличится и всем без исключения достанется по большому куску: поэтому нет смысла ставить вопрос о перераспределении богатства. Правые же лейбористы стояли на том, что кроме экономического роста и высокой занятости необходимо более справедливое распределение. Каждая сторона была убеждена, что кейнсианская модель может эффективно обеспечить ее специфические интересы и позиции.

Было бы упрощением считать, что все консерваторы безоговорочно приняли «батскеллистский консенсус». Многих из них раздражал сам факт, что имя видного консервативного деятеля соединяется с именем лейбористского лидера, пусть даже правого. Это было одной из причин, почему Батлеру не удалось стать преемником А. Идена на посту премьер-министра. Конечно, более важную роль сыграла его недостаточно жесткая позиция во время Суэцкого кризиса 1956 г., но нельзя сбрасывать со счетов и негативного отношения традиционалистов к его курсу в социально-экономической области. Тем не менее преемником Идена в 1957 г. стал Макмиллан, являвшийся, как уже отмечалось, сторонником того же курса, что и Батлер.

Сильная прагматическая тенденция, проложившая себе дорогу при Макмиллане, была поддержана Э. Хитом,

ставшим лидером консервативной партии в 1965 г. Представитель консерватизма послевоенной формации, сторонник чисто делового, менеджерского подхода к социально-экономическим и политическим проблемам, он рассчитывал на успех «технических» решений, явно пренебрегая социально-психологическими и просто эмоциональными сторонами общественной жизни. О программе Хита 1965 г. на страницах «Санди таймс» говорилось, что она соответствует лишь одной стороне торийской души — прагматизму, но ей «недостает романтического идеализма, который давал о себе знать на всем протяжении истории тори»⁴⁰. В отличие от «Промышленной хартии» хитовский документ делал упор на сугубо конкретные цели, а не на общие принципы. Это находило благоприятный отклик у молодого поколения деловых людей, специалистов, которым импонировала технократическая, лишенная цветистой риторики манера Хита. Тем более что лейбористское руководство во главе с Г. Вильсоном стояло на той же технократической платформе и стремилось продемонстрировать свою деловую эффективность. Эти качества, казалось, давали надежду на выход из социально-экономических трудностей. Англии, где кейнсианская модель начала давать сбои раньше, чем в других промышленно развитых странах Запада.

Хит оставался в русле реформистского консерватизма, стремясь придать ему более модернизированный характер. Несмотря на обострение противоречий между консерваторами и лейбористами, несмотря на размывание «батскеллистского консенсуса», в позициях Хита и Вильсона имелось немало общего; особенно бросалась в глаза общность технократической фразеологии. На одном из плакатов либеральной партии во время избирательной кампании 1970 г. были изображены рядышком физиономии Хита и Вильсона с ехидной надписью: «Кто из двоих тори?»⁴¹

Тем временем под воздействием обостряющейся социально-экономической ситуации в консервативной партии стало набирать очки правое крыло. Под его влиянием в начале 1970 г. в отеле «Сэлсдон-парк» была разработана программа, предусматривавшая курс на сокращение государственного вмешательства, стимулирование свободного предпринимательства, усиление рыночного механизма, на борьбу с инфляцией за счет снижения уровня жизни трудящихся. Важнейшей предпосылкой для реализации этих замыслов должно было стать «обуздание»

трэд-юнионов. Хиту оказалось не под силу осуществить эту программу. Она натолкнулась на решительное сопротивление рабочего класса, прежде всего горняков. Их забастовка нанесла такой удар по правительству консерваторов, что оно так и не смогло оправиться от него. Провал Хита в качестве главы правительства привел его к поражению и в собственной партии.

Это было не просто личное поражение Хита, это были похороны «батскеллизма» как такового. Лидерство в консервативной партии перешло от умеренного реформистского крыла к правому, олицетворением которого стала М. Тэтчер, избранная лидером в феврале 1975 г.

Гнездо для консервативной кукушки

Еще труднее, чем английским тори, в первые послевоенные годы пришлось консерваторам в странах континентальной Европы: в одних из них консерваторы помогли фашистам прийти к власти и сами интегрировались в фашистские режимы, в других — они поощряли фашистских агрессоров, а в годы войны опозорили себя коллаборационизмом. Поэтому на авансцену политической жизни Европы вышли клерикальные силы, христианско-демократические партии, сохранившие влияние на широкие массы верующих. Представители христианско-демократических сил в той или иной мере участвовали в Сопроотивлении, и это дало христианской демократии в целом большой политический выигрыш.

Христианская демократия фактически представляла значительную часть политического спектра стран капиталистической части континента: от социал-реформизма до правого консерватизма. Социально-экономические позиции левых католиков, например, по многим пунктам совпадали с социал-реформистскими, а на крайнем правом фланге христианской демократии можно было встретить сторонников авторитарно-корпоративистских порядков. В политическом курсе христианской демократии в самых разнообразных сочетаниях сливались либеральные и консервативные тенденции. В этом находил отражение широкий и многообразный социальный базис конфессиональных партий, организаций, движений. Именно способность мобилизовывать и удерживать обширную массовую базу побуждала господствующий класс делать ставку на политический клерикализм. Сами христианские демократы представляли свои партии как межклассовые, стремясь

увести массы из-под влияния левых сил. В какой-то степени это им удалось.

Внутри христианско-демократического лагеря происходили сложные процессы, сопровождавшиеся драматическими коллизиями; не всегда удавалось «подогнать» друг к другу составлявшие его разнородные элементы. Равнодействующая противоборствующих течений склонялась то влево, то вправо от центра, то к христианско-социальному, то к консервативному полюсу. Атмосфера «холодной войны», антикоммунистическая истерия, естественно, способствовали последнему варианту. Интеграция в рамках христианской демократии стала для консерваторов ряда западноевропейских стран формой приспособления к послевоенной реальности. Но это произошло за счет ослабления, хотя и временного, правого консерватизма, поскольку консерватизм христианско-демократической чеканки несет в себе реформистский заряд той или иной мощности.

В Италии процесс интеграции христианской демократии и консерватизма привел к тому, что консерватизм оказался как бы «размытым», утратив и без того не очень четкие контуры, зато ХДП (христианско-демократическая партия) изрядно пропиталась консервативным духом. Известный итальянский политолог Д. Галли писал о «двух душах» ХДП. С одной стороны, «Ватикан, иерархия и консервативная буржуазия, с другой — народная база». В целом же ХДП, по мнению Галли, «первая в истории Италии массовая консервативная партия, которая оказалась способной осуществить конвергенцию двух компонентов: народно-католического и умеренно-буржуазного»⁴². Демохристианская правая во главе с С. Ячини и С. Реджио Д'Ачи делала упор на консервативные позиции, заботясь прежде всего о стабильности социальных отношений; левые во главе с Д. Гропки и П. Мальвестити на первый план ставили реформы. Осторожная, компромиссная линия лидера ХДП и премьер-министра послевоенной Италии Де Гаспери, как пишет Галли, была нацелена на то, чтобы «сблизить позицию итальянской христианской демократии с позициями европейских консерваторов»⁴³.

Фактически курс Де Гаспери находился в русле реформистского консерватизма. Излагая свою политическую философию, он не мог обойти молчанием имена де Местра и де Бональда, чьи представления являются частью христианской концепции политической жизни, но близки

ему были не они, а мыслители, на которых в равной мере претендуют и консерваторы и либералы: Монталамбер и особенно Токвиль⁴⁴.

Реформистский импульс ХДП выдохся довольно скоро, инициатива искренних сторонников серьезного социально-экономического и политического обновления была парализована. Этому способствовало соглашение между Де Гаспери и главой могущественного объединения итальянских промышленников Конфиндустрии А. Костой.

В Западной Германии приспособление консерватизма к послевоенному миру также проходило через посредство христианской демократии. Под ее знаменами консерваторы не просто укрылись, но и осуществили определенную переоценку ценностей. Влиятельные прежде консервативные экстремисты утратили былые позиции. Перестал существовать такой оплот традиционалистского и экстремистского консерватизма, как восточнопрусское юнкерство. Западногерманская буржуазия стала осваивать англосаксонские политические нормы и идеологические постулаты. Как пишет леволиберальный западногерманский историк Г.-Ю. Пуле, в ФРГ сложился новый консенсус, консервативный по сути, частично импортного происхождения. В его основу были положены экономическая доктрина «социального рыночного хозяйства» и парламентаризм. С большим запозданием распространился и «либеральный консерватизм»⁴⁵. Возник живой интерес к Берку; кружок имени Берка проводит в Зальцбурге специальные семинары. В ФРГ активно откликнулись и на книги Р. Керка.

В ФРГ в еще большей степени, чем в Италии, центром притяжения всех консерваторов стала христианская демократия. Этому способствовало и пятипроцентное конституционное сито, перекрывшее путь в бундестаг мелким партиям. Поэтому многочисленные партии и группы, чаще всего правоэкстремистского толка, в конечном счете были переварены в котле Христианско-демократического и Христианско-социального союзов (ХДС/ХСС). Тем более что в недрах этого партийного блока было покончено с делением по религиозному признаку. Послевоенная христианская демократия объединила в своих рядах католиков и евангелистов.

По своему составу это широкое объединение просто не могло быть чисто консервативным. На левом крыле ХДС группировались сторонники социальных реформ либерального типа, но они лишь придавали партии более при-

влекательный в глазах трудящихся глянец, не оказывая глубокого воздействия на партийную политику, которая оставалась в принципе консервативной.

Важным фактором, укрепившим консервативный характер политического курса христианских демократов во главе с их лидером и первым федеральным канцлером К. Аденауэром, была «холодная война». Участвуя в ней, ФРГ не без успеха претендовала на роль европейского бастиона Запада против большевизма. Недаром Аденауэр, наряду с Черчиллем и Де Гаспери, неоднократно удостоивался похвал за «консервативный интернационализм». «Антикоммунистический консервативный интернационализм Черчилля, Аденауэра и Де Гаспери после второй мировой войны,— писал П. Вирек,— параллелен консервативному интернационализму Меттерниха, Кэстльри и Талейрана после 1815 г.»⁴⁶

Не прошло и года после образования ФРГ, как применительно к правлению Аденауэра (1949—1963) появился термин «реставрация». Несмотря на новое начало политической жизни, у кормила правления стали политические деятели в возрасте за шестьдесят лет, над которыми довлел опыт прошлого. В администрации и судебных органах оставалось множество старых чиновников, бундесвер был укомплектован офицерами вермахта; самое же главное — сохранился костяк финансовой олигархии. Сам Аденауэр выглядел таким «отцом-спасителем» вроде Гинденбурга. Линия преемственности с консерватизмом прошлого не была прервана ни в политике, ни в идеологии. Поэтому реформистский консерватизм в ФРГ был отягощен грузом правоконсервативных традиций и пережитков.

В целом, пишет советский исследователь С. Л. Сокольский, «на базе общего стремления к реставрации капиталистических порядков в ХДС после войны оформилось широкое согласие консерваторов и либералов по ключевым социально-экономическим вопросам. В основе этого консервативно-либерального консенсуса... лежала взятая ХДС на вооружение экономическая доктрина неолиберализма»⁴⁷.

Доктрине неолиберализма, на которую опирался правящий блок, придало престиж так называемое экономическое чудо; благодаря ему ФРГ стала ведущей индустриальной западноевропейской державой. Экономические успехи ФРГ позволили выделять средства на социально-политические мероприятия; их эффект усугублялся тем,

что, протягивая трудящимся пряник, западногерманская буржуазия использовала и кнут. Прежде всего правительство запретило компартию и многие другие прогрессивные и демократические организации. Социально-политический курс проводился искусно: порой буржуазия шла на превентивные уступки, упреждая некоторые требования трудящихся, и тем самым создавала себе репутацию ответственного социального партнера.

Сами реформы преследовали сугубо консервативную цель — создание сбалансированной общественной структуры, которая уже не будет нуждаться ни в каких реформах и надолго обеспечит классовое господство буржуазии. Эта консервативная цель боннского реформизма ясно обнаруживается в теории и практике так называемого «сформированного общества». О том, что ФРГ уже вышла на этот рубеж, провозгласил на XIII съезде ХДС (март 1965 г.) тогдашний федеральный канцлер, «отец экономического чуда». Л. Эрхард. Такое общество, по его словам, должно состоять «не из классов и групп», стремящихся к взаимоисключающим целям; оно «по своей сущности кооперативно», базируется на «взаимодействии всех групп и интересов», предприниматели и рабочие «в обоюдном понимании и признании своих особых функций несут совместную ответственность за эффективность хозяйства и общества»⁴⁸.

В начале 60-х годов видный консервативный философ А. Гелен выдвинул понятие «кристаллизация» применительно к культурной и общественной жизни, подразумевая под этим состояние, «которое наступит, когда полностью разовьются заложенные в ней возможности»⁴⁹. Другой крупный представитель консервативной философской мысли Г. Шельски считал, что «индустриальное общество» вступило в процесс «стабилизации», вкладывая в него примерно тот же смысл, что Гелен в понятие «кристаллизация». Так что Р. Альтману, известному публицисту и влиятельному менеджеру, тесно связанному с монополистическими кругами, оставалось только придать рассуждениям философов более четкую политико-социологическую форму, ориентированную на массовое восприятие. Он и запустил на орбиту массовой информации лозунг «сформированное общество», ставший благодаря канцлеру Л. Эрхарду официальным.

Важно отметить, что «сформированное общество» ассоциируется у его апологетов с состоянием покоя, стабильности, весьма напоминающим эквilibриум консер-

вативных теорий прошлого века. Нетрудно уловить в нем и признаки «органической концепции», так как все звенья «сформированного общества» рассматриваются в качестве системы взаимосвязанных и взаимодействующих элементов; неисправность одного из них угрожает функционированию системы в целом. Но в данном случае органическое переходит в техническое, само функционирование системы выглядит техническим процессом. Здесь неуместна демократия, индивиду отводится «роль винтика или шестеренки» с «научно-технической цивилизацией» идея демократии теряет свою, так сказать, классическую субстанцию». Вместо политического волеизъявления парода выступает потребность самого научно-технического развития. Ключевым критерием легитимности власти оказывается техническая эффективность, «оптимальное функционирование»⁵⁰.

При таком технократическом подходе оптимальное функционирование фактически заменяет провиденциальное, волю бога. Необходимость общественного функционирования не оставляет места для классовой борьбы. «Сформированное общество» трактуется как социальная общность, преодолевшая классовые антагонизмы. Поэтому все попытки трудящихся отстаивать свои интересы предстают как функциональное нарушение, а те, кто ведут классовую борьбу, — как враги, нарушители социального мира, которых нужно просто-напросто устранить. Из рассуждений консервативного государствоведа Э. Форстхоффа, стяжавшего известность еще в «третьем рейхе», вытекает, что нарушение присущего «сформированному обществу» покоя создает чрезвычайное положение, преодолеть которое можно чрезвычайными же мерами, не исключая диктатуры.

В целом технократический консерватизм в ФРГ был ближе к правому консерватизму, чем реформистскому. На нем порой даже лежал экстремистско-консервативный налет. Неудивительно, что такой консерватизм привлек симпатии лидера правого крыла западногерманской христианской демократии Ф.-Й. Штрауса. На съезде ХДС в 1968 г. он настоял на том, чтобы партия обзавелась прилагательным «консервативная»⁵¹.

За технократический консерватизм ратовал и ведущий идеолог экстремистского консерватизма, поклонник «консервативной революции» А. Молер. После майских событий 1968 г. во Франции он призвал консерваторов отказаться от критического отношения к «бездушной» техни-

ке, стать на защиту «индустриального общества» от левых сил. По сути дела, Молер и его единомышленники, как признает либеральный политолог М. Грейффенхаген, превратились в «партию порядка», стоящую на страже устоев «индустриального общества»⁵². Современное «индустриальное общество» привлекает Молера тем, что в нем иерархия на основе достижений НТР еще более безжалостна, чем сословная, а «эгалитарная идеология сталкивается с эффективностью»⁵³.

Если в сфере политики западногерманский консерватизм оказался достаточно прагматичным, то в области идеологии он продемонстрировал более тесную связь с прошлым и большую жесткость. В ФРГ уже в первые послевоенные годы оформилась своеобразная «консервативная культура», не утратившая преемственности с экстремистскими традициями былых времен. В первые послевоенные десятилетия она в той или иной мере впитала некоторые элементы англосаксонской консервативной традиции, но органического синтеза так и не произошло. Правоконсервативные и экстремистские тенденции особенно усилились после студенческих волнений конца 60-х годов, ухода ХДС/ХСС в оппозицию в 1969 г., парламентских выборов 1972 г., продемонстрировавших рост миролюбивых и демократических тенденций в ФРГ.

В результате поляризации идейно-политических сил в консервативный лагерь потянулись поправевшие либералы, а внутри этого лагеря громче зазвучали голоса правых консерваторов. Как отмечал известный философ социал-реформистской ориентации Ю. Хабермас, «обновление» западногерманского консерватизма заключалось в том, что он повернул от воспринятой после второй мировой войны политической культуры англосаксонского образца к иным источникам традиции, среди которых видное место занимает «младоконсерватизм» веймарского времени⁵⁴. Правда, следует заметить, что от этого источника западногерманские консерваторы никогда полностью не отворачивались.

Упомянутый выше А. Молер, который одно время был секретарем Э. Юнгера, а затем входил в «мозговой трест» Ф.-Й. Штрауса, решительно обрушился в начале 70-х годов на либеральный консерватизм и его символ — Э. Берка. Это было одним из симптомов окончания периода приспособления в эволюции западногерманского консерватизма. «Ничего не имею против Берка, — оговаривался на всякий случай А. Молер, — этот консерватив-

ный классик был великим человеком. Но сегодня им злоупотребляют люди, которые пытаются абсолютизировать представленную им историческую форму консерватизма». Это, по мнению Молера, чрезвычайно опасно, так как «грозит удушением всякой соответствующей нашей ситуации иной формы консерватизма»⁵⁵. Более того, если считать либеральный консерватизм единственно возможной формой консерватизма, то иные его формы могут показаться «реакцией, диктатурой, фашизмом»⁵⁶. Нельзя допустить того, чтобы консерваторов затолкали в «загон» либерального консерватизма. Э. Берк олицетворял специфическую английскую форму консерватизма, придерживаясь ее в условиях ФРГ, когда у власти находилось правительство Брандта—Шееля (1969—1974), означало бы, на взгляд Молера, капитуляцию. В конечном счете он подводит к мысли, что эффективным может быть лишь обновленный вариант «консервативной революции» в традиции А. Мёллера ван ден Брука и Э. Юнгера.

Весьма затяжным оказался процесс адаптации к послевоенному миру и у французских консервативных сил. Они не смогли выдвинуть какую-либо соответствующую духу времени собственную альтернативу и на всем протяжении IV Республики (1946—1958) продолжали держаться за старые социально-экономические и политические принципы, противясь даже буржуазно-реформистским тенденциям. Первоначально оплотом традиционного консерватизма являлась Республиканская партия свободы, которую поддерживали группировки так называемых независимых. Затем после их объединения возник Центр независимых и крестьян (ЦНК). Силу этой партии придавала поддержка значительной части буржуазии, не желавшей перестраиваться на новый государственно-монополистический лад. Ее сопротивление «дирижизму», т. е. государственному вмешательству, объяснялось не только психологическими мотивами, но и не лишними оснований опасениями, что рычаги государственной власти могут оказаться в руках левых сил. Тем более что во Франции имелся недавний опыт пребывания коммунистов в правительстве, национализации, имевшей более демократический характер, чем в Англии. Поэтому «независимые» блокировали реформистские инициативы, от кого бы они ни исходили, в том числе и либерально-реформистский эксперимент П. Мендес-Франса. Их лидеры были поглощены чисто тактическими, сиюминутными проблемами, главным образом всякого рода комбинация-

ми и сделками, обеспечивавшими их министерские портфели. «Независимые» не желали сковывать себя какими-то жесткими установками, которые могли бы стать препятствием для беспринципных сделок. С режимом IV Республики, на их взгляд, слишком демократичным, они так и не примирились полностью и способствовали его падению.

Только в рамках голлизма стал формироваться реформистский консерватизм, в той или иной мере учитывающий реальности эпохи. Голлизм как конгломерат различных течений правых сил не поддается однозначной оценке. Подобно бонапартизму он охватывал широкий политический спектр, не укладывавшийся в границах консерватизма. Отмечая многообразие, многоликость голлизма, видный французский историк Р. Ремон считал, что это явление колебалось в диапазоне между орлеанской и бонапартистской традициями⁵⁷. Практически это означает, что голлизм вобрал в себя тенденции от праволиберальной до правоконсервативной включительно. Как раз буржуазный реформизм был одним из главных связующих элементов довольно пестрого голлистского лагеря⁵⁸. Не только собственно голлистская партия, но и примкнувшие к ней «независимые», лидером которых стал В. Жискара д'Эстен, вступили на этот путь.

После ухода де Голля с политической арены в 1969 г. в голлистском лагере усилилась внутренняя борьба, усугубилась дифференциация между различными консервативными течениями. В результате сложной идейно-политической эволюции более четко вырисовались контуры консерватизма либерально-реформистского и традиционалистского (в современном смысле) типа.

Сборным пунктом умеренных консерваторов и правых либералов явился Союз за французскую демократию, основанный в 1978 г. сторонниками тогдашнего президента В. Жискара д'Эстена. Как и многие американские неоконсерваторы, представители этих кругов нередко предпочитают именовать себя либералами. В данном случае, признает французский политолог Ж.-К. Колльяр, слово «либерализм» используется как заменитель понятия «консерватизм», чтобы подчеркнуть стремление свести к строго ограниченному минимуму роль государства⁵⁹. Показательно совпадение характеристик, данных Жискара д'Эстену его другом, социал-демократом, бывшим канцлером ФРГ Г. Шмидтом, и соперником, оппонентом справа, Ж. Шираком. Отмечая свою духовную близость к Жискара

д'Эстену, Г. Шмидт говорил: «Он — либеральный консерватор, а я — консервативный социал-демократ»⁶⁰.

Жискар д'Эстен не ограничился практической модернизацией политической линии, но и подвел под нее идейную базу, которая совершенно отсутствовала у его предшественников — «независимых». Такой идейной основой стала его книга «Французская демократия», выдержанная в духе реформистского консерватизма с учетом голлистского опыта. Отвергая «дирижизм» голлистского периода, Жискар д'Эстен не высказывается в ней за резкое свертывание государственного вмешательства. «Совершенно очевидно, — подчеркивает он, — что нельзя помышлять об ограничении государства лишь теми функциями, которые когда-то входили в королевские prerogatives: оборона, правосудие и выпуск денег. Все крупные социальные задачи — просвещение, здравоохранение, деловая жизнь, а также промышленное и сельскохозяйственное развитие требуют определенного вмешательства или участия государства в той или иной форме»⁶¹. Если де Голль делал упор на форсированное индустриальное развитие за счет социальной политики, то Жискар д'Эстен, паученный опытом майских событий 1968 г., видит необходимость участия государства в социальных процессах, с тем чтобы избежать классовых конфликтов.

Современный вариант консерватизма традиционалистского типа во Франции многие ученые и публицисты видят в ОНР (Объединение в поддержку республики) и его лидере Ж. Шираке. С одной стороны, ОНР выступает за максимальное использование достижений НТР, а с другой — за «традиционные ценности». Иными словами, экономическая программа, обращенная в будущее, сочетается с воззрениями, обращенными в прошлое. По отношению к левым силам Ширак и его партия занимают позицию бескомпромиссной конфронтации. Не случайно известный американский консервативный публицист К. Филлипс помещает «французских голлистов Жака Ширака» в одном ряду с рейгановским консерватизмом, политической командой Маргарет Тэтчер и сторонниками Франца-Йозефа Штрауса⁶².

* * *

Как мы видели, уже к началу 70-х годов в лагере консерваторов наметился переход от политики приспособления к наступательной стратегии. В процессе этого перехода началась новая смена декораций: реформистский

консерватизм стал отходить на второй план; соответственно начала все очевиднее возрастать роль правого консерватизма традиционалистского типа. Все это сопровождалось усилением активности консерваторов-экстремистов и правых радикалов.

Глава 4. Консерватизм в преддверии XXI в.

Новые импульсы консерватизму, как теории и практике, были даны очередным зигзагом в развитии капитализма. В середине 70-х годов буржуазное общество вступило в полосу нового обострения общего кризиса капитализма. Резко ухудшилась ситуация в экономической сфере: замедлились темпы роста производства, циклические кризисы стали протекать значительно острее, чем в предыдущие десятилетия, резко обострилась конкурентная борьба на мировых рынках, значительно выросли бюджетные дефициты и размеры международной задолженности, нарушилась устойчивость финансовой системы как на национальном, так и на международном уровне. Ускорившаяся в этих условиях технологическая перестройка производственных механизмов повлекла за собой быстрое увеличение массовой безработицы¹.

Под влиянием подобного развития усилились сдвиги в социальной структуре общества. Их крайне болезненные формы были усугублены политикой господствующего класса, который попытался использовать сложившуюся обстановку для того, чтобы забрать обратно многие из уступок, сделанных под давлением рабочего класса в предшествующие десятилетия.

Результатом всего этого было, с одной стороны, обострение социальной напряженности, углубление общественно-политической дифференциации в странах развитого капитализма, а с другой — растерянность и дезориентация значительной части населения, потерявшей веру в «старых богов». Тем самым возникли благоприятные условия для оживления консерватизма.

От «консервативной волны» к сдвигам в идеологических структурах

Первые признаки оживления консерватизма появились еще до того, как обострение экономических и социальных противоречий в зоне развитого капитализма стало

непреложным фактом. Подобное опережение вполне объяснимо. Абстрактное осмысление действительности нередко обгоняет ее реальное движение, ибо может опереться на только что наметившиеся тенденции, которые станут господствующими лишь впоследствии. В данном же случае существовал дополнительный стимулятор, способствовавший активизации консервативной мысли. Им был быстрый подъем, а затем не менее стремительный крах левого радикализма, наиболее четко выразившегося в молодежных, прежде всего студенческих, волнениях конца 60-х — начала 70-х годов. Разочарование в леворадикальных идеях, страх перед эксцессами ультралевых удобрили почву для охранительских взглядов. В рядах властителей дум буржуазного общества наметилась тенденция к смене вех. Интеллектуалы, провозглашавшие себя одни ярко-красными, другие — бледно-розовыми, стали облачаться в черные одежды. Переход с левых позиций на правые перестал быть исключением. Проявившиеся при этом различия состояли лишь в том, что в одних случаях этот переход совершался быстро и до конца, а в других — замедленно и частично.

Особенно четко эта тенденция проявилась в Соединенных Штатах Америки с возникновением нового неоконсервативного течения, группировавшегося вокруг журналов «Комментари» и «Паблик интерес»². Большинство его представителей (Д. Белл, Д. М. Мойнихен, Н. Глейзер, И. Кристол, Дж. Коулмен и др.) ассоциировалось до того времени с либеральными и даже леволиберальными взглядами и было более или менее тесно связано с левым крылом демократической партии.

Наиболее заметное выступление представителей этого течения пришлось на 1975 г. и было связано с выходом двух специальных номеров «Комментари» и «Паблик интерес», содержавших один — материалы симпозиума о современном состоянии американской политики, а другой — статьи, посвященные 200-летию США. Эти публикации и содержали главное кредо обновленного американского неоконсерватизма³.

Еще раньше оживление консерватизма началось в Федеративной Республике Германии. При этом, в отличие от США, главными барабанщиками новой моды выступили не бывшие левые, а лица, сформировавшиеся в традиционно консервативном окружении⁴.

Одним из первых симптомов такого оживления явилась более интенсивная, чем прежде, публикация послед-

них работ доживавших свой век «корифеев» западногерманского консерватизма, и прежде всего А. Гелена и Э. Юнгера.

В 60-е годы Гелен своей критикой институтов, сложившихся и действующих в капиталистическом обществе, в известной степени способствовал формированию взглядов «новых левых» как в ФРГ, так и за ее пределами. Однако по мере изменения общественной ситуации его аргументация стала во все большей степени играть на руку консервативным силам, поставившим себе на службу и авторитет, приобретенный в свое время автором на совсем другой общественно-политической почве.

Особенно импонировало консерваторам активно враждебное отношение Гелена к принципам и идеалам Просвещения. Распад общественных институтов, свойственный современному капитализму, он объяснял господством идей Просвещения, с одной стороны, и иудейско-христианского монотеизма — с другой. Оба эти фактора, утверждал он, в значительной степени развязали тот негативный исторический процесс, который «все определил заново: переделал, устранил или разрушил жизненные формы, идеалы и представления о нормах»⁵. Соответственно в качестве средства, способного предотвратить распад общественных отношений, Гелен предлагал внести в них элемент «контрпросвещения», учитывающий «негативизм разума» и «деструктивизм интеллекта».

Современную стадию общества А. Гелен определял как «постисторию», т. е. некий заключительный этап развития, когда, по существу, нет уже места социальным переменам как таковым⁶.

Последние рассуждения Гелена опираются на по-прежнему свойственный ему антропологический подход, специально приспособленный к потребностям общественного развития конца 60-х — начала 70-х годов. Он, в частности, исходил из того, что современный человек особенно подвержен тяжкому давлению необходимости самостоятельно принимать решения. Поэтому ему нужна разгрузка, функцию которой призваны выполнять традиционные «священные» институты, сдерживающие и контролирующие природу человека и освобождающие его от тяжелой необходимости решать все самому. Разрушение этих институтов, эмансипация индивида от традиционных авторитетов государства, церкви и семьи, происшедшие, по мнению А. Гелена, в послевоенные десятилетия, привели к тому, что индивид, ощущая страх

перед стремительным развитием общества, тоскует по порядку, который гарантировал бы ему стабильность и безопасность. Из этого, согласно Гелену, следует, что охранительные тенденции, проявляющиеся в обществе, вызваны не конъюнктурой, а отражают сущностные характеристики человека.

Кризис институтов буржуазного общества Гелен объяснял тем, что они приобрели деструктивный характер, повинны в отчуждении людей от государства, не «спасают» их друг от друга и не гарантируют им порядка и стабильности. Поэтому необходимо вернуть институтам первоначальный охранительный смысл; тогда общество стабилизируется, достигнув состояния, где не будет места социальным переменам, опасным для человека ⁷.

Последние писания Э. Юнгера были, в свою очередь, посвящены критике прогресса как такового. Путь, по которому движется человечество, утверждал престарелый бард германского шовинизма, завел в трясины. Все, что происходит вокруг современного человека, пикуда не годится. На земном шаре не осталось белых пятен. И это очень плохо, ибо лишило человека возможности проявить свои лучшие качества искателя и авантюриста. Изобретения заменили собой откровения, а это, в свою очередь, способствовало исчезновению божественного начала. Дух живого творчества испарился, поскольку интуицию заменила вычислительная машина. Даже война потеряла «свое героическое начало». В войнах XX в. солдата с его «этическим ореолом» вытеснил техник.

Первопричина такого хода событий, согласно Юнгеру, — высокомерный и самодовольный человеческий разум, который автор символически окрестил Прометеем. Именно он повел людей по кривой дороге ложного мудрствования и несчастий. Ведь повсюду, где ступает пога Прометей, земля начинает полыхать и дымиться ⁸.

Однако главную струю в оживлении западногерманского консерватизма внесли не стенания «корифеев», а публицистическая активность относительно молодых теоретиков, в первые ряды которых выдвинулся Г.-К. Кальтенбруннер. Уже в 1972 г. под его редакцией был выпущен сборник неоконсервативных «эссе» «Реконструкция консерватизма» ⁹. Вслед за ним вышли одна за другой книги «Консерватизм в международном плане», «Консервативный вызов», а затем «Трудный консерватизм» ¹⁰. В них наиболее полно отразились основные черты той идеологической модели, с которой консервативные

деятели рассчитывали выйти на завоевание современного им мира.

Было бы напрасным искать в книгах Кальтенбруннера, а также его единомышленников, согласных или несогласных с ним по частным вопросам, сколько-нибудь стройной и непротиворечивой теории консерватизма. Ее нет и быть не может, ибо логическая непротиворечивость органически чужда консерватизму. Консерваторы обычно даже бравировать этим, подчеркивая, что для них важны откровение и интуиция, а не разум. Тем не менее консервативная модель не может существовать без некоторых постулатов, образующих базу для дальнейших умозаключений.

Какова же эта база, если судить о ней на основании высказываний Кальтенбруннера?

Формулируя общий подход к проблеме, он считает необходимым обратить особое внимание на то, что новый консерватизм не может и не должен быть простой реставрацией прежнего.

«Консерватизм не представляет собой некую неизменную вневременную идею, чуждую развитию, не зависящую от исторических перемен. Именно консерватор нашего времени знает, что не только многое изменилось, но и что многое нужно изменить. Упорная приверженность статус-кво — явление реакционное... Ряд норм, надежд и моделей надлежит похоронить, а некоторые забытые — вновь открыть. Под развалинами и нагромождением обломков после крушения веры в прогресс мы обнаруживаем взгляды и мерила, которые могут стать для нас обновленными старыми («старо-новыми») источниками силы.

Выражаясь парадоксально, нужна философия революционной заботы о сохранности...»¹¹

Уже из этого пассажа становится очевидной та органическая двойственность, которая свойственна консерватизму, в том числе самому современному, и является его уязвимым местом. Он не может открыто провозгласить себя врагом любых перемен или тем более сторонником простого возвращения к прошлому. В этом случае он отрезал бы себе пути завоевания сколько-нибудь массовой поддержки: ведь неудовлетворенность сегодняшней реальностью и тем более состоянием прошлого капиталистического общественного устройства — реальный факт, характеризующий состояние общественного сознания. Чтобы оградить себя от обвинений в окостенелости, теоретики

консерватизма подчеркивают различие между своей позицией и реакционностью (в свое время этим делом занимался еще Мёллер ван ден Брук). В то же время консерваторы не в состоянии преодолеть ту основу, на которой зиждется вся их система ценностей: убеждение в том, что прошлое в принципе лучше настоящего. Отсюда — постоянное стремление говорить о переменах, но переменах ретроградного свойства.

Это еще более отчетливо видно при обращении к формулируемым Кальтенбруннером основным чертам, присущим консерватизму. Первую из них он определяет как преимущество, понимая ее как верность традициям и ценностям, а следовательно, и заботу о создании материальных и духовных условий, при которых традиции и преимущество были бы восприняты и реализованы обществом.

Второй чертой консервативного мировосприятия Кальтенбруннер считает стабильность, которая, по его мнению, является главным условием, делающим возможным создание истинной ценностной ориентации человека. Значение стабильности тем больше, чем интенсивнее процесс изменений, которому подвержено общество.

Чтобы обеспечить преимущество традиций, необходим порядок, который Кальтенбруннер и провозглашает третьей основной чертой современной консервативной модели. Ссылаясь на А. Гелена, он подчеркивает, что порядок обеспечивается общественными институтами. Отсюда он выводит необходимость противостоять губительному процессу освобождения человека от институционально обоснованного порядка.

С этим связана четвертая черта консервативной модели, которую предлагает Кальтенбруннер: государственный авторитет. Порядок, по его мнению, строится на лояльности членов общества, но тем не менее нуждается в защите государственного авторитета. Поэтому государство не может и не должно удовлетворяться ролью простого исполнительного органа соперничающих общественных сил, как представляют дело либералы. Оно должно стать не просто сильным, но быть проводником единой четко выраженной политической воли.

Важной (пятой) чертой консервативной модели Кальтенбруннер объявляет принцип свободы. Его не смущает, что этот принцип находится в явном противоречии с предыдущей чертой, предполагающей существование сильного государства, не связанного в своих действиях системой

обратной связи. Свободу он трактует в консервативном духе — как возможность осуществления индивидуальной и общественной инициативы в рамках, допускаемых иерархическим порядком. «Материальная, конкретная и социальная» свобода при этом полностью отвергается.

В качестве заключительной, шестой, черты мировосприятия консерваторов фигурирует у Кальтенбруннера пессимизм. Консерватор должен чувствовать недоверие ко всем планам перестройки мира; он не верит в возможность достижения совершенства, гармонии, абсолютной справедливости, ибо все это противоречит природе человека. Определенная доля пессимизма, утверждает он, предохраняет от иллюзии о счастье для всех, о достижении такого счастья путем реформ¹².

К середине 70-х годов признаки оживления консервативной идеологии в отдельных капиталистических странах как бы слились, выявив общую четко проявляющуюся тенденцию, которая получила в то время наименование «консервативной волны». Активизация идеологов-консерваторов, выражавшая эту тенденцию, непрерывно нарастала. Их воздействие на общественное сознание усилилось и в романских странах — Франции, Италии и Испании.

Чрезвычайно активизировались консервативные теоретики в Англии. Растущую роль среди них стала играть Консервативная философская группа, питающая своими идеями правое крыло консервативной партии, возглавляемое М. Тэтчер. Заметное место в группе занял Р. Скрутон, все настойчивее претендовавший на положение главного теоретика воинствующего британского консерватизма.

В книге «Смысл консерватизма» Скрутон предпринял попытку доказать, что «консервативная позиция и догматика, на которой она зиждется, систематичны и разумны»¹³. Центральное место в рамках этих доказательств было отведено проблемам авторитета власти.

Власть, по мнению Скрутона, не может быть подчинена каким-то функциональным целям, будь то «социальная справедливость», «равенство» или «свобода». Смысл ее существования лишь в том, чтобы командовать и принуждать тех, кто в ином случае занимался бы реформами и разрушением, а ее оправдание следует искать в ней самой. «Государство,— писал Скрутон,— не машина, а организм, даже более того — личность. Законы его существования те же самые: жизнь и смерть, болезни и выздоровление»¹⁴.

Прочность и эффективность государственной власти зависят от того, в какой мере ей удастся увязать в своей политике авторитет и традицию, обеспечив тем самым поддержку граждан.

Разделение между государством и гражданским обществом, превозносимое либералами и даже некоторыми консерваторами, Скрутон считал губительным. «Государство и гражданское общество поглощают друг друга; в разъединении смерть их обоих»¹⁵.

Отсюда и пренебрежительное отношение Скрутона к либерально-реформистскому «государству всеобщего благоденствия», которое он именует «разновидностью машины», «распределительным центром». Оно «вредно» тем, что воспитывает у людей представление об их естественном праве на жилище, здравоохранение, благосостояние, комфорт, «разлагая тем самым как волю индивидов, так и свой собственный авторитет»¹⁶.

Весьма характерно отношение Скрутона к идее равенства. Консерватор, по его мнению, должен исходить из того, что недовольство умиротворяется не равенством, а приданием законной силы неравенству. При этом он отвергает даже принцип «равенства возможностей», который признают многие американские неоконсерваторы (например, Д. Белл). Скрутон объявляет этот принцип абсурдом — идет ли речь об образовании, экономике или других сферах социальной жизни. Попытки реализации этого принципа чреватые, по его мнению, «опасностью тоталитаризма» или «возврата к примитивным формам общественной организации»¹⁷.

Собственность рассматривается Скрутоном как неотъемлемый элемент основной позиции консерватизма. Через собственность, подчеркивает он, человек раскрывает себя как социальное существо; собственность способствует пробуждению его самосознания, ибо он видит мир через призму права, ответственности и свободы¹⁸.

Допуская в своей книге большую степень откровенности, чем другие консервативные теоретики, Скрутон признает, что в интересах достижения своих целей консерватор должен стать большим макиавеллистом, чем его оппоненты. Подобно Платону, пишет он, консерватор может быть адвокатом «благородной лжи». Он вправе сознательно пропагандировать идеологию, поддерживающую социальный порядок, независимо от того, соответствует ли ей имеющаяся реальность. Его участие в разра-

ботке мифов вполне допустимо, как допустимо и молчание в борьбе за ясность¹⁹.

Выражением «консервативной волны» в 70-х — первой половине 80-х годов была не только идеологическая активность теоретиков консерватизма. Эта волна проявлялась и в политической сфере в виде возросшей склонности буржуазных партий, находящихся правее центра, прибегать к аргументам, заимствованным из традиционного или модифицированного консервативного арсенала.

В то время термин «консервативная волна» более или менее верно описывал возникшую тенденцию. Но с позиции второй половины 80-х годов его вряд ли можно считать точным. Характеристика возникшей тенденции как «волны» содержала в себе предположение, что речь идет о краткосрочном феномене, который, накатившись как волна на идеологические ландшафты, сложившиеся в буржуазном обществе в послевоенные десятилетия, так же быстро отхлынет, оставив наносы, но в то же время не изменив в принципе общей обстановки. Оказалось, однако, что мы имеем дело с процессом более устойчивым и глубоким, чем это представлялось в свое время. К 80-м годам в идеологических структурах, сложившихся в зоне развитого капитализма, произошли весьма серьезные сдвиги. Их основной смысл состоял в принципиальных переменах, происшедших в иерархии идеологических предпочтений господствующего класса. Если в прежние годы, для которых было типично поступательное экономическое развитие, наиболее почетная роль в этой иерархии выпадала на долю буржуазного либерализма и тесно примыкавшего к нему социал-реформизма, то с момента резкого обострения экономических, а следовательно, социальных и политических проблем капитализма первое место прочно и, видимо, надолго занял консерватизм как в традиционной, так и модернизированной (неоконсервативной) формах.

Разумеется, в разных странах, в зависимости от обстоятельств, перестройка господствующей идеологической модели шла различными путями. Да и темпы этого процесса далеко не всегда совпадали. Поэтому можно всегда найти и привести примеры, которые вроде бы свидетельствуют не в пользу сказанного выше. И тем не менее если взять зону развитого капитализма в целом, то основное направление сдвигов в господствующей идеологии не вызывает сомнений. Консерватизм завоевал господст-

вующие позиции в официальной общественной науке. Мода на консерватизм распространилась в массовых интеллектуальных кругах. Консервативные идеи заняли доминирующее место в политических документах буржуазных партий не только правого, но и центристского толка. Более того, некоторые традиционно консервативные взгляды стали проникать в систему ценностей той части общественности, которая издавна тяготела к левому флангу и отвергала консервативные постулаты.

Рассмотрение сдвигов в идеологических структурах может иметь объектом различные стороны процесса. Ниже пойдет речь об одной из наиболее важных его сторон: о роли консерватизма как инструмента политики «социального реванша», осуществляемой господствующим классом на нынешней фазе кризиса капитализма.

Консерватизм как теория и практика «социального реванша»

В работах консервативных теоретиков, как уже частично указывалось выше, постоянно присутствует несколько положений, которые в совокупности представляют нечто такое, что можно было бы охарактеризовать как систему ценностей современного консерватизма. Уже одно их перечисление дает представление о социальных силах, интересы которых отражают эти взгляды.

В основе этой системы ценностей лежит убеждение:

— в безнадежном несовершенстве природы человека, под маской цивилизованного поведения которого всегда скрываются неразумие и греховность;

— в ограниченности сферы человеческого разума и, следовательно, важности универсального морального порядка, санкционируемого и поддерживаемого религией, в особой роли, которая принадлежит в этой связи традициям, институтам, символам, ритуалам и даже предрассудкам;

— в ненадежности прогресса ввиду ограниченности поступательного движения, на которое способно общество;

— в естественном — физическом и умственном — неравенстве людей;

— в необходимости общественных классов и групп, а значит, и в безрассудности попыток социального уравниательства с помощью силы закона;

— в несовершенстве правления большинства, подверженного ошибкам и склонного к потенциальной тирании,

и в связи с этим — в желательности рассредоточения и сбалансирования политической власти;

— в необходимости активного участия аристократии в государственном управлении;

— в важнейшей роли частной собственности как гаранта личной свободы и социального порядка ²⁰.

Иными словами, в основе консервативного подхода к общественным проблемам лежит ориентация на экономическое, социальное и политическое неравенство и в связи с этим — на создание общественных структур, призванных обеспечить это неравенство путем предоставления господствующих позиций некоему «избранному меньшинству».

Классовый смысл такого подхода еще очевиднее при анализе конкретных экономических, социальных и политических программ, с которыми выступают консервативные силы.

Теоретики консерватизма критически оценивают состояние экономики современного капитализма. В их работах сурово осуждаются ее пороки, выявившиеся в последние годы. Более того, экономическим трудностям, с которыми столкнулся сейчас капиталистический мир, нередко придается столь абсолютный характер, что создается впечатление более мрачное, чем это вытекает из объективного хода дел.

На что же прежде всего направлены консервативные критические стрелы? Главная беда, по мнению консерваторов, состоит в том, что страны развитого капитализма на протяжении нескольких десятилетий жили не по средствам. В результате этого повсеместно накопилась огромная задолженность, поставившая под угрозу финансовую и вообще хозяйственную стабильность. Высокое налогообложение существенно ослабило стимулы для капиталовложений, а система социального обеспечения вызвала падение трудовой морали. В свою очередь, возрастание экономической роли государственных институтов, подвергшихся стремительной бюрократизации, подорвало способность хозяйственных организмов приспосабливаться к быстро меняющейся мирохозяйственной обстановке.

Вина за подобное развитие, естественно, возлагается на политических конкурентов: в зависимости от страны — на левоцентристские, буржуазно-реформистские или социал-реформистские партии. Проводимая ими политика социального маневрирования, рассчитанная на ослабле-

ние классовой конфронтации путем уступок трудящимся массам, объявляется либо недопустимой мягкотелостью, либо неосознанным (а иногда и сознательным) пособничеством социализму.

Нетрудно убедиться, что многие характеристики экономики капитализма, исходящие из консервативного лагеря, вполне справедливы. Экономические трудности, которые она испытывает, серьезнее, чем когда-либо ранее — в послевоенные годы. И признают это сейчас не только последовательные противники капитализма, но и все, кому приходится иметь с ним дело. Так что консервативную критику экономического положения капиталистических стран вряд ли можно считать сколько-нибудь оригинальной. Неоригинальны консерваторы и в своих попытках объявить пороки, свойственные капитализму как общественной системе, результатом некомпетентности, просчетов и т. д. Специфика их позиции становится очевидной тогда, когда речь заходит о мерах, которые надлежит принять, чтобы вывести экономику из тупика, в котором она оказалась.

Теоретическую основу большинства рецептов, которые прописывают сторонники консерватизма, составляет так называемая «экономика предложения», являющаяся детищем группы консервативных американских экономистов А. Лаффера, Дж. Гильдера, Ю. Ванниски и ряда близких к ним крайне правых членов американского конгресса (Дж. Кемп, У. Рот и др.). В 80-е годы сторонники «экономики предложения» завоевали прочные позиции и среди буржуазных экономистов в странах Западной Европы.

Стержень концепции «экономики предложения», противопоставляемой кейнсианской «экономике спроса», составляет тезис, в соответствии с которым активное начало общества образуют капиталисты, выполняющие важнейшие экономические функции, и прежде всего инвестирующие в производство большую часть своих доходов. Поэтому основная задача разумной экономической политики должна состоять в ограждении богатства от всевозможных посягательств, в том числе принимающих форму налогов. Поскольку налоги неизбежны, то единственно приемлемой следует считать регрессивную налоговую систему, при которой ставка налогообложения тем меньше, чем выше уровень доходов. Способствуя образованию свободных капиталов, такая система стимулирует «предложение капитала», а значит, содействует экономическому росту ²¹.

С этой же целью «экономика предложения» требует покончить с правительственным контролем над ценами, отменить гарантированный законами минимальный уровень заработной платы, ликвидировать государственный контроль за состоянием окружающей среды и т. д.

«Самые богатые из американских граждан, как правило, убеждены в том, что налоги на самые высокие доходы слишком велики,— иронизировал по поводу рассуждений такого рода известный американский либеральный экономист Дж. Гэлбрайт.— Так было всегда. В наши дни, к сожалению, невозможно требовать снижения налогов на высокие доходы лишь по той причине, что их обладатели хотели бы иметь больше денег на расходы; поэтому богачи вынуждены изыскивать серьезные мотивы. Сокращение налогов на их расходы должно выглядеть как благо для всего общества»²².

Ориентация «экономики предложения» на снижение налогов с высоких доходов сделала особенно трудным для нее ответ на вопрос, как быть в этих условиях с огромным государственным долгом, который сами же консерваторы характеризуют как величайшую угрозу экономической и политической стабильности. Пока существуют два варианта такого ответа. Первый направлен на решительное сокращение общественных расходов. Поскольку затраты на военные цели, по мнению консерваторов, следует не только не трогать, но, напротив, расширить, объектом сокращения провозглашаются затраты на социальные нужды (на пенсионное обеспечение, страхование по безработице, образование, медицинскую и иную гуманитарную помощь). При этом сокращение расходов в данной сфере объявляется не только средством восстановления равновесия бюджета, но и самодовлеющим общественным благом: формой стимулирования трудовой активности и трудовой морали (т. е. «предложения труда» и т. д.).

Второй вариант исходит из того, что сокращение налогов на крупные состояния, стимулируя капиталовложения и, следовательно, рост производства, в конечном итоге приведет не к сокращению, а к увеличению совокупных поступлений в государственный бюджет, ибо меньший уровень налогов будет взиматься с большей массы капиталов.

Для подкрепления этого тезиса используется так называемая кривая А. Лаффера, демонстрирующая меняющуюся зависимость между ставками налогообложе-

ния и размерами налоговых поступлений. Согласно этой кривой, при повышении таких ставок объем отчислений первоначально растет, потом стабилизируется, а затем начинает падать. В серьезной экономической литературе, в том числе буржуазной, кривая А. Лаффера, даже при самом благожелательном отношении, рассматривается как частный случай, не отражающий совокупности зависимостей между двумя факторами и не подтверждаемый всей массой эмпирических данных²³. Тем не менее сторонники «экономики предложения» возводят на ней пирамиду доказательств. При интерпретации этой кривой они исходят из того, что в промышленно развитых капиталистических странах, в том числе в Соединенных Штатах Америки, уже давно превзойден уровень ставок налогообложения, при котором абсолютный объем налоговых поступлений начинает стремительно падать. На этом и основан вывод, согласно которому снижение налогов на большие доходы увеличит налоговые поступления в государственные кассы.

Положение массы населения «экономика предложения» рассматривает лишь как функцию от развития капитала. Если последний придет в движение, возрастут капиталовложения, увеличится объем продукции, то растущая часть населения окажется вовлеченной в производственный процесс, получив непосредственный материальный выигрыш. Выигрыш этот должен в конечном счете перекрыть те потери, которые вызваны политикой жесткой экономии, сокращения общественных расходов, социальных субсидий и т. д. Те же, кто по тем или иным причинам окажутся за бортом производственного механизма, должны быть «списаны» как балласт, мешающий эффективности и предпринимательской инициативе. Забота об этом балласте должна быть перепоручена частной благотворительности.

До того как была сформулирована концепция «экономики предложения», роль главной экономической теории консерватизма играл монетаризм. Его сторонники подразделялись на различные школы, позиции которых несколько отличались друг от друга: «чикагскую» (М. Фридман), «австрийскую» (Л. Мизес и Ф. фон Хайек), «фискальную» (К. Бруннер и А. Мельцер), «глобальную» и т. д.²⁴ При всем этом имелись общие главные характеристики, позволявшие рассматривать названные школы в рамках единого направления. Все они отстаивали тезис классической буржуазной политэкономии о «внутренней

устойчивости» капиталистической системы, основанной на «совершенной конкуренции». В соответствии с этим кризисное развитие капиталистической экономики объяснялось отходом от «совершенной конкуренции» в результате государственного вмешательства в экономическое развитие, чрезмерных налогов, «убивающих интерес к инвестициям и к трудовой деятельности», снижения «естественной нормы» безработицы, поддерживающей трудовую мораль, и — последнее по месту, но не по значению — отсутствия должного контроля за массой денег, находящихся в обращении. Магистральным путем к экономическому оздоровлению объявлялось в связи с этим ограничение денежной массы, ликвидация любых форм вмешательства государственных институтов в экономические процессы, включая определение цены рабочей силы, и резкое снижение налогов.

В последние годы «экономика предложения» и монетаризм настолько сблизились, что в специальной литературе последний стал все чаще рассматриваться как специфическое течение в рамках первого. Особенно характерно это для Соединенных Штатов Америки, где различия между рекомендациями сторонников «экономики предложения» и монетаристов свелись к минимуму.

Детальное рассмотрение степени применимости «экономики предложения» и ее монетаристской разновидности, как и непосредственных последствий этого для народного хозяйства, выходит за рамки нашей темы. В данной связи достаточно отметить, что многие из рецептов, предложенных теоретиками консерватизма, оказались просто неосуществимыми — либо потому, что противоречили объективной экономической реальности, либо потому, что натолкнулись на решительное сопротивление затронутых социальных групп. В той мере, в какой эти рецепты удалось реализовать, они привели к противоречивым результатам. С одной стороны, экономика оказалась как бы подстегнутой и это, естественно, отразилось на ее развитии. С другой — дополнительный импульс получили и все уже имевшиеся кризисные процессы.

Особенно разрушительными оказались последствия консервативной экономической политики в социальной области. Если до середины 70-х годов социальная дифференциация в промышленно развитых капиталистических странах реализовалась по преимуществу в скрытой форме, то консервативная экономическая политика придала ей откровенный характер. Границы между привилегиро-

ванными и дискриминируемыми социальными группами стали четче, пропасть между богатыми и бедными углубилась. Положение части населения, находящегося ниже официальной границы бедности, ухудшилось. Соответственно стали расти показатели заболеваемости, смертности, преступности.

Стимулированное консервативной экономической политикой превышение предложения труда над спросом на него усилило тенденцию к падению цены рабочей силы как в прямой, так и в косвенной форме. Многие социальные завоевания прошлых лет, которыми с полным основанием гордился рабочий класс, оказались в большей или меньшей степени выхолощенными. Иными словами, реализация консервативной экономической политики, даже в той ограниченной степени, в какой удалось ее осуществить, обернулась на практике «социальным реваншем» имущих классов за уступки первых послевоенных десятилетий.

Промежуточные итоги консервативной экономической политики в тех странах, где она осуществлялась наиболее настойчиво (США, Великобритания), выдаются ее сторонниками за свидетельство если не полного, то, во всяком случае, частичного успеха. В действительности же для такой оценки нет никаких оснований. Несмотря на все усилия господствующего класса, на электоральные победы сторонников консерватизма, на осуществление ряда крупных консервативных экономических проектов, ликвидировать основные экономические и социальные завоевания рабочего класса, как и трудящихся в целом, не удалось. У консервативных правительств оказалось недостаточно политической поддержки, чтобы серьезно посягнуть на пенсионную систему, существенно сократить пособия по безработице, полностью свернуть медицинское обеспечение и т. д. В тех же случаях, когда это частично удавалось, негативные последствия были для имущих классов гораздо большими, чем предполагаемый выигрыш.

Ведь перераспределение общественного продукта через систему социального обеспечения, которое осуществлялось в промышленно развитых капиталистических странах в сравнительно больших масштабах на протяжении послевоенных десятилетий, было вовсе не добровольным подарком власть имущих своим народам. Добытое трудящимися массами в упорной борьбе, оно в то же время служило важным социальным амортизатором, смягчавшим внешние проявления классовой конфронтации,

инструментом того самого социального и политического консенсуса, которого так добивался господствующий класс. Посягнуть на такое перераспределение означает посягнуть на сам консенсус.

И действительно, по мере социального демонтажа, осуществляемого в процессе реализации консервативной экономической политики, консенсус, и так весьма непрочный, стал давать все более заметные сбои. Спад забастовочного движения и других форм классовой борьбы, наметившийся в начале 80-х годов, начиная с середины этого десятилетия сменился нарастанием открытых форм сопротивления консервативной экономической политике. При этом чем значительнее усилия, направленные на «социальный демонтаж», тем сильнее оказываемый им отпор.

Теоретики консерватизма в какой-то мере учитывали возможность такого развития. Отсюда их повышенное внимание к политическим средствам противодействия сопротивлению масс «социальному реваншу». Стержень этих средств составляет идея «сужения обратной связи», т. е. способности граждан влиять на политические процессы. В различных формах она присутствует во всех консервативных моделях и в основанных на них политических документах.

Именно с этой точки зрения следует рассматривать энергичную апелляцию консерваторов к «сильному государству», о чем уже говорилось выше. На первый взгляд, подобная апелляция может показаться странной; ведь консерваторы обычно мечут гром и молнии по адресу государственных институтов, обвиняя их в неправомерном присвоении власти, в бюрократизме, в неспособности и т. п.

Однако при ближайшем рассмотрении становится ясным, что в действительности речь идет о «разных» государствах. Поносится государство, которое вмешивается в экономическую сферу, перегружая свои трюмы «мелкими проблемами» и составляя неправомерную, с точки зрения консерваторов, конкуренцию частному капиталу²⁵. Но даже в этом случае неприязнь к государству не является абсолютной. На всякий случай ему оставляют возможность прийти на помощь частному капиталу, если тот окажется в бедственном положении. В политической же области активность государства не вызывает отрицательных эмоций. Напротив. От него ожидают создания условий, способных обеспечить бесперебойное

функционирование капитала. И поскольку для этого государству требуется сила, консерваторы безоговорочно за то, чтобы она у него была.

Один из главных пороков существующей государственной системы консерваторы видят в порожденном ею так называемом «кризисе управляемости», иными словами — в неспособности в полной мере реализовать те экономические и социальные цели, которые навязывают обществу консервативные поборники «социального реванша». Современное государство, утверждает, например, западногерманский консервативный публицист Б. Гугенбергер, чрезмерно идет навстречу требованиям своих граждан. Но это делает его слабым и зависимым, «колоссом на глиняных ногах»²⁶. Такое государство перестает быть «центром кристаллизации политической лояльности граждан»²⁷. В то же время оно утрачивает функцию их защиты. Результат всего этого однозначен. «Левиафан все более и более приобретает черты молочной коровы»²⁸.

Из этой оценки вытекают и конкретные рекомендации, которые дают власть предержащим консервативные идеологи различных оттенков. В конечном итоге все эти рекомендации сводятся к необходимости особого упора на функцию прямого насилия как главную форму реализации власти. «Если общество не хочет стать жертвой собственных меняющихся настроений и потребностей, — писал западногерманский консервативный политолог Г. Шесни, — то ему необходим постоянный контроль, постоянное вмешательство государственных инстанций, обладающих авторитетом, который позволяет, руководствуясь возможностями и потребностями общества, выступать против того, чего добивается та или иная группа интересов, сумевшая привести в движение большинство населения»²⁹.

Путь к усилению принудительной функции государства консерваторы видят прежде всего в постепенном демонтаже демократических институтов. «Государство должно иметь государственную цель», — писал в этой связи западногерманский консервативный политолог П. Ноак. И эта цель состоит не в расширении демократии, а в том, чтобы повысить способность государства к управлению и одновременно управляемость каждого индивида. В определенной степени управляемость и демократия находятся в состоянии войны. Поэтому «избыток демократии равнозначен дефициту управляемости»³⁰.

Западная демократия, утверждал, рассуждая в этом же духе, Кальтенбруннер, сама себе враг. Она развивает все грозящие ей опасности в себе самой³¹.

С этих же позиций атаковали демократию и американские неоконсерваторы. Так, для С. Хантингтона демократия «хороша» лишь до определенных пределов, после чего превращается в свою противоположность. Поэтому стабильность государственного строя требует определенной степени неучастия граждан в демократическом процессе³². Разумность народа «как основа законного конституционного правления»³³ оценивается скептически. Соответственно, общественное мнение предлагается дифференцировать на «истинное» (т. е. то, которое устраивает консерваторов) и ложное, пронизанное эмоциями и аффектами (то, которое их не устраивает)³⁴.

В наиболее концентрированной форме ориентация на свертывание демократии воплощена в теории «демократического господства элит», представляющей собой в действительности апологетику антидемократического элитарного всевластия. Согласно этой теории, высшие группы господствующего класса образуют не только наиболее действенную и творческую силу общества, но, более того, основу его существования.

История государств и народов, заявлял Кальтенбруннер, — это история элит. Они существовали и существуют во всех социальных системах, во все времена. Элита откликается на требования и запросы времени, масс, принимает решения, способные увлечь массы. Дифференциация, являющаяся постоянной чертой социальной эволюции, это естественный путь образования элиты. Поэтому стремление определенных общественных сил приостановить образование элит, препятствуя дифференциации, по сути своей реакционно³⁵.

«Массы, а не элиты становятся потенциальной угрозой для системы, и элиты, а не массы являются ее защитником»³⁶, — писал один из активных проповедников этой теории в Федеративной Республике П. Барах.

Суть теории «демократического господства элит» может быть сведена к нескольким основным положениям.

Первое из них основано на утверждении, будто в современных условиях, для которых характерно значительное усложнение проблем, встающих перед обществом, роль элитарных групп, компетентных в деле управления, по сравнению с прошлым не только не уменьшается, но существенно возрастает.

Французский консервативный политик и идеолог М. Понятовски, доказывая этот тезис, обосновывает его потребностями научно-технической революции. «В приближающуюся научную эру,— пишет он,— эгалитарный антиэлитизм — не просто наивное заблуждение, а смертельная опасность»³⁷. Примерно к тем же аргументам прибегает близкий к ХДС западногерманский идеолог Х. Шельски. Ответственность и контроль за развитием индустрии и техники, утверждает он, должны находиться в руках технологической элиты, принимающей решения исключительно на основе «деловых императивов»³⁸, которые она сама определяет. Демократия больше не нужна, ибо современная техника не нуждается в узаконении.

Второе положение исходит из того, что «обычный люд» по своей сути не приспособлен к тому, чтобы воздействовать на процесс управления обществом. «Высокий уровень цивилизации индивидов, повышение профессиональной квалификации и интеллектуализации масс не препятствуют прорыву атавистических комплексов»,— утверждает западногерманский консервативный политолог К. Кене, осуждая всеобщее избирательное право, «при котором голос университетского профессора, экономического руководителя и профессионального политика оценивается не выше, чем голос человека, окончившего вспомогательную школу, или уголовника, пока ещё не лишённого „гражданских прав“». И далее: «...масса никогда не осуществляет власть. В крайнем случае она применяет насилие. Масса — это не мотор, а в лучшем случае — колесо»³⁹.

Накопленный нами опыт, вторит ему известный американский политолог консервативного направления Дж. Сартори, свидетельствует о том, что «представления о самоуправляющемся демосе основаны либо на несостоятельном мифе, либо на демагогических лозунгах» и что в обоих случаях «это может привести к банкротству системы»⁴⁰.

Негативное отношение к народу как носителю власти неизбежно влечет за собой пересмотр такого считавшегося «органическим» постулата классической буржуазной теории демократии, как равенство (третье основное положение теории «демократического господства элит»).

Непримиримым противником равенства был ныне покойный патриарх итальянских консерваторов Д. Преццоллини. Неравенство и иерархия составляли в его глазах фундаментальную основу консерватизма. Он не жалел

усилий, чтобы, ссылаясь на «данные биологической науки», «опровергнуть миф», будто люди рождаются «равными и добрыми» и лишь общество превращает их в «неравных и злых»⁴¹. Об аналогичных заявлениях Р. Скрутона уже говорилось выше⁴².

«Политическое равноправие и народный суверенитет не являются абсолютными целями,— писал по этому поводу один из «классиков» консервативно-неопозитивистского подхода к исследованию политических проблем американец Р. А. Даль.— Необходимо задаться вопросом, в какой мере мы готовы жертвовать свободным временем, неприкосновенностью интимной сферы, согласием, стабильностью, уровнем доходов, степенью безопасности, прогрессом, статусом и, вероятно, многими другими целями во имя дальнейшей реализации политического равенства... Легко убедиться, что никто не намерен полностью поступаться этими целями во имя политического равенства и народного суверенитета»⁴³.

Враждебное отношение к идее равенства образует стержень системы взглядов американского неоконсерватизма. Ключевой для понимания таких взглядов, по мнению ряда исследователей этого феномена, является статья И. Кристола «О равенстве», опубликованная в ноябрьском номере «Комментари» за 1972 г. В ней выражалось недовольство тем, что идея равенства приобрела первостепенное значение и превратилась благодаря разочарованию интеллигентного «нового класса» в буржуазном обществе и его ценностях в основной критерий оценки законности того или иного социального строя. Такой подход, заявлял Кристол, «опасен и исторически необоснован; он предъявляет обвинение в незаконности всему человеческому роду... т. е. фактически ставит под сомнение достоинства Иерусалима, Афин, Рима, наконец, Англии в елизаветинскую эпоху, где неравенство рассматривалось в качестве необходимого условия для достижения идеала совершенства — как в индивидуальном, так и в коллективном смысле»⁴⁴.

Разумеется, не все идеологи консерватизма согласны с подходом к проблемам демократии, характерным для сторонников теории «демократического господства элит». Однако имеющиеся различия не мешают им быть едиными, когда речь заходит о сути дела. Все они согласны в том, что нынешний объем демократических прав народа в развитых капиталистических странах «слишком велик». Все они стремятся к тому, чтобы участие населения в

политическом процессе было сведено к единовременному электоральному акту. Любые предложения, направленные на расширение такого участия путем использования элементов прямой демократии, решительно отвергаются и провозглашаются губительными. Основные усилия предлагается направить на то, чтобы разрыв между «электоральной массой» и представительными институтами был максимально большим.

В качестве одного из наиболее эффективных средств достижения этой цели рекомендуется стратегия «деполитизации политических отношений». Суть ее состоит в том, что проблема политического решения низводится до уровня выбора между двумя продавцами политического товара, различия между которыми имеют второстепенное значение. Соответственно политическая система уподобляется свободному рынку, на котором продавцы политического товара, прибегая к коммерческой рекламе, навязывают его потребителю, и победителем оказывается тот, кто в состоянии сделать это более ловко. Ставка в этом случае делается на то, что использование такого механизма в конечном итоге приведет к отчуждению масс от политического процесса, воспринимаемого в таком варианте как чуждое интересам простого человека, бесперспективное и грязное дело. И действительно, в США, где подобная модель применяется долгое время и в наиболее обнаженном виде, уровень политической включенности и политической активности граждан (даже в самой первичной, электоральной форме) наиболее низкий в капиталистическом мире.

По мере распространения подобной стратегии на другие промышленно развитые капиталистические страны в них также падает интерес к электоральному процессу, что находит одобрительную оценку у идеологов консерватизма. Определенный процент людей, не принимающих участия в выборах в цивилизованной демократической стране, писал по этому поводу Х. Шельски, является показателем политической стабильности, ибо означает, что люди не ожидают от будущего правительства никаких радикальных перемен⁴⁵.

В последнее время внимание сторонников демонтажа демократических структур привлекают определенные тенденции нынешнего государственно-монополистического развития, открывающие, с их точки зрения, дополнительные перспективы ограничения политического влияния социальных низов.

Известно, что резкое возрастание объема государственного вмешательства в социально-экономическую и другие неполитические сферы общественной жизни породило объективную необходимость существенно расширить — за пределы традиционной политической системы — узаконенные каналы взаимодействия между гражданским обществом и государством. В результате еще на стадии «раннего» государственно-монополистического капитализма параллельно с представительными институтами и наряду с ними стала возникать принципиально отличная от них система взаимосвязи управляемых и управляющих, основанная не на территориальном, а на функциональном представительстве. Выразителями «общественных интересов» в ней выступали не партии, объединяющие своих членов по принципу общности политических взглядов и целей, а непартийные организации и группировки, сводящие людей либо на основе единообразия выполняемой ими общественной функции, либо приверженности к тому или иному специфическому интересу.

По мере развития этих институтов возникла целая система функционального представительства, состоящая из учреждений, различных по калибру, статусу и кругу возлагаемых на них обязанностей.

Именно эта система и стала местом «схождения» представителей заинтересованных групп и государственной власти.

Важнейшее отличие функционального представительства от традиционной партийно-политической системы состоит в том, что если в последней комплектование выборных учреждений происходит целиком или главным образом из представителей политических партий, а партии-победительницы формируют правительство и другие органы исполнительной власти, то институты функционального представительства, напротив, создаются и формируются сверху — по сути дела, в приказном порядке. Государство не только устанавливает их состав, полномочия, формирует задачи и финансирует данные учреждения, но и, как правило, посылает в них своих представителей. Оно же определяет «правила игры», в соответствии с которыми разворачивается деятельность данных учреждений, может в любой момент пресечь работу каждого из них, создать новое и т. д.⁴⁶

Очевидно, что особенности функциональной системы создают благоприятные возможности для ее превращения во влиятельный фактор, противостоящий представитель-

ной системе и воздействующий на нее в антидемократическом духе.

Возникновение, развитие и укрепление функциональной системы управления породили целый поток апологетической литературы, выступающей под знаменем неокорпоративизма. Не все сторонники неокорпоративизма могут быть охарактеризованы как консерваторы. Среди неокорпоративистов существует влиятельное либеральное крыло, рассматривающее функциональную систему не как противовес, а как дополнение к парламентско-представительным институтам. И тем не менее преимущественно консервативный характер неокорпоративистских теорий не вызывает сомнений. Консервативные теоретики с самого начала увидели в неокорпоративистских тенденциях дополнительную реальную возможность ослабить демократическое воздействие на государственные структуры, осуществляемое через парламентские институты. Мы уже писали о корпоративистских моделях довоенного консерватизма⁴⁷. Они не только существовали, но и были испробованы на практике фашистскими и близкими им по духу правоконсервативными режимами.

Трагический для народов опыт фашизма способствовал дискредитации корпоративистской модели. Очевидно, однако, что тесные духовные связи между консерватизмом и корпоративизмом сохранились. И это сказалось на отношении консерваторов к неокорпоративизму.

Для правильной оценки социального содержания идеологической системы крайне важно знать, против кого прежде всего направлены наносимые ею удары. Анализ консервативной литературы не вызывает в этом смысле никаких сомнений. Главный противник неоконсерваторов — коммунизм, под которым подразумеваются и страны реального социализма, и коммунистические партии в промышленно развитых капиталистических государствах, и другие социальные и политические силы, оказывающие сопротивление политике «социального реванша». Атаки против социал-реформизма и либерализма обусловлены либо тем, что они, по глубокому убеждению консерваторов, проявляют неоправданную уступчивость по отношению к коммунизму, либо тем, что в конкурентной борьбе за благосклонность господствующего класса эти силы выступают в роли конкурентов консерватизма.

Весьма показательно с точки зрения социального содержания консерватизма его отношение к профессио-

нальным союзам. В годы капитализма «свободной конкуренции» главными гонителями профсоюзов считались правые либералы манчестерского толка. Сейчас консерваторы намного обошли в этом отношении своих либеральных соперников. Профсоюзы объявлены смертельным врагом современного капиталистического государства. Именно на них возлагается главная ответственность за все экономические и социальные трудности, переживаемые капиталистическим обществом. Усмирение, ослабление и, если возможно, ликвидация профсоюзов провозглашается одной из главных целей практической консервативной политики.

В последнее время объектом ожесточенных нападок консерваторов стали новые демократические, и в их числе — альтернативные движения. Этому не препятствует то, что по некоторым вопросам (защита окружающей среды, стремление ограничить технический прогресс) взгляды консерваторов и некоторых сторонников альтернативных движений вроде бы пересекаются. Напротив, такое пересечение придает консервативным атакам на альтернативные движения особую ожесточенность. Для консерваторов «зелено-альтернативные движения» — это движения левых, которые «узурпировали открытую неоконсерваторами экологию»⁴⁸. Поэтому такие движения рассматриваются как враги в квадрате: и как левые, и как конкуренты, позволившие себе охотиться в консервативном заповеднике.

В деле демонтажа демократических структур консерваторам, прорвавшимся к власти, удалось пока преуспеть меньше, чем при осуществлении экономической политики. Неприятие населением их установок в этой области оказалось большим, чем они первоначально предполагали. Тем не менее политикам, руководствующимся неоконсервативными установками, удалось и здесь частично реализовать свои планы. В ряде стран ужесточено законодательство, предусматривающее санкции за «нарушение общественного порядка». Расширены права полиции. Ослаблены ограничения на применение ею крайних форм насилия. Серьезные удары нанесены профсоюзному движению. Все шире практикуется дискриминационная практика в отношении лиц, участвующих в борьбе против политики «социального реванша» и демонтажа демократических институтов.

Опасность тенденций такого рода определяется не только их прямым значением, но и тем, что они созда-

ют условия для дальнейшего наступления на демократические права населения, для авторитарной перестройки общественных институтов, о которой частично говорят, а нередко и умалчивают апологеты консерватизма.

В обстановке глубокой дезориентации общественного сознания, вызванной прогрессирующим распадом либерально-реформистских мифов, возникших в обстановке экономического подъема конца 50-х — начала 70-х годов, под влиянием растущего страха перед новыми экономическими и социальными потрясениями многие аргументы консерваторов, несмотря на явные неудачи их практической политики, полностью или частично принимаются значительными группами населения соответствующих стран. И это обеспечивает консервативным политическим силам поддержку, устойчивость которой весьма относительна, но все еще представляет собой объективную реальность.

Консервативное «ретро» во внешней политике

Выдвижение консерватизма на авансцену в идеологической сфере сказалось и во внешнеполитической области. Особенно заметно это в США, где внешняя политика послужила рычагом, с помощью которого власть имущим удалось осуществить общий поворот вправо.

Чтобы яснее представить место консервативных взглядов во внешнеполитической мысли США, мысленно обратимся к сравнительно недалекому прошлому. До второй мировой войны в американской науке о международных отношениях господствовало направление, получившее наименование школы «политического идеализма». Гораздо правильнее было бы, однако, назвать его школой политического морализма. В системе ценностей, характерных для представителей этой школы (Д. Перкинс, Ф. Танненбаум, Ф. Джессап, Дж. Бэрнхем и др.), лежало убеждение, органически свойственное американским крайне правым, будто США представляют собой эталон общественного развития, а поэтому все события в мире следует рассматривать в зависимости от их соответствия или несоответствия интересам США как их понимает американская правящая верхушка. В первом случае событие или явление оценивалось «моралистами» как «добро», а во втором — как «зло».

Неподчинение или тем более сопротивление американской внешней политике, отстаивание другими своих на-

циональных интересов, своей безопасности клеймилось как «аморальное», противоречащее «всеобщему благу», «человеческим и божеским законам». Соответственно, все происходившее на международной арене трактовалось в сугубо морализаторском духе.

Практический опыт предвоенного кризиса, а также военных лет, продемонстрировавший несостоятельность подобных «теоретических установок», и прежде всего необходимость считаться с тем, что кроме американских интересов существуют интересы других держав, что с ними можно и нужно сотрудничать при решении глобальных вопросов, перед которыми оказалось человечество, способствовал компрометации школы «политического идеализма» и стимулировал поиски внешнеполитических концепций, в большей степени соответствующих ситуации, возникшей после разгрома государств фашистской оси, когда с предельной очевидностью выявилось, что идея гегемонии США в остальном мире является нереальной и что мировой порядок может быть основан лишь на принципах мирного сосуществования и сотрудничества государств с различным общественным строем, прежде всего США и Советского Союза.

Однако внешнеполитические поиски американской верхушки пошли — как в практической политике, так и в теории — в противоположном направлении. Морализаторская школа была задвинута на второй план, но не потому, что она опиралась на ложный тезис о всеобщности американской модели, а потому, что в предлагаемых ею рецептах в «недостаточной степени» фигурировала сила. И на смену этой школе пришли не объективные размышления о формировании внешней политики в меняющемся, сложном мире, а набор представлений о международных отношениях как сфере, где господствует «закон джунглей». Эти представления стали именовать в США школой «политического реализма», подчеркивая тем самым ее отличие от моралистов. К действительному реализму они, однако, имели малое отношение, ибо в их основе, явно или негласно, лежало представление, будто США обладают неоспоримым превосходством силы над любой другой державой в мире и будто это превосходство останется вечным.

«Историко-философскую» основу школы составили рассуждения консервативного философа и теолога Р. Нибура, отстаивавшего положение об изначальной греховности человека и его склонности к злу вследствие стрем-

ления достичь большего, чем он может на самом деле. Из этого «политическими реалистами» делался вывод о вечности и неизбежности борьбы людей за власть и силу⁴⁹.

Оценивая с этих позиций положение, сложившееся после второй мировой войны, приверженцы школы рассматривали изменения, происшедшие в мире, не как возникновение обстановки, требующей нового осмысления, а как воспроизведение ситуаций, существовавших прежде.

Позиции сторон международного процесса трактовались при этом в соответствии с концепцией «максимизации власти».

При таком подходе рост международного авторитета СССР, обусловленный его решающим вкладом в разгром фашизма и освобождение поработенных народов, успехами в строительстве социализма, появление новых социалистических государств, кризис, а затем и распад колониальной системы империализма и общее ослабление мирового капитализма рассматривались лишь через призму представлений о «росте и экспансии советской силы», вызванных, главным образом, курсом на «умиротворение» СССР, который якобы проводил в годы второй мировой войны президент Ф. Рузвельт. Расстановку сил в мире «политические реалисты» сводили к так называемому «биполярному» противостоянию Советского Союза и Соединенных Штатов Америки, а единственно возможной формой такого противостояния объявляли наращивание военной мощи. Иными словами, картина международных отношений, которую они рисовали, сводилась к изображению поединка двух гигантов. При этом любое событие, происходящее в мире, трактовалось либо как составная часть поединка, либо как его непосредственный результат.

Правда, в рамках самой школы «политического реализма» не было полного единства. Один из ее основателей Г. Моргентав, возглавлявший так называемое чикагское направление, воздерживался от некоторых крайних выводов из защищаемой им системы взглядов и слыл поэтому «умеренным», или «центристом». Крайнее течение, представляемое Р. Страусом-Хюпе, У. Китнером, Р. Осгудом и др., считало излишними «либеральные экивоки» и без оглядки резало консервативную «правду-матку». Однако по главным вопросам позиции течений, как правило, совпадали.

«Международная политика, как и всякая другая,— писал Г. Моргантау,— это борьба за власть... Государственные деятели и народы могут в конечном счете искать свободы, безопасности, процветания или собственно силы. Они могут определять свои цели в виде религиозных, философских, экономических или социальных идеалов... Но всякий раз, когда они стремятся к достижению своих целей методами международной политики, они делают это, борясь за власть... Борьба за власть универсальна во времени и пространстве, и это неопровержимый факт исторического опыта». Ведь вся мировая история состояла из того, что страны «готовились к войнам, активно участвовали в них или возрождались из состояния организованного насилия в виде войны». Поэтому любая политика сводится к стремлению «сохранить, увеличить или продемонстрировать силу»⁵⁰.

Можно привести и другие высказывания Г. Моргантау, в которых смысл его рассуждений был доведен до естественного логического предела. «Все государства, активно вовлеченные в борьбу за силу,— читаем мы в той же работе,— должны в действительности стремиться не к балансу, т. е. к равенству сил, а к превосходству силы в свою пользу. И поскольку ни одно государство не может предвидеть, как велики окажутся его просчеты, все они должны в конечном счете добиваться максимума силы, доступного для них... Так как в системе баланса сил все государства живут в постоянном страхе быть лишенными своими соперниками позиции силы, то все они жизненно заинтересованы в предупреждении такого развития событий и в обращении с другими так, как они не хотят, чтобы другие поступали с ними. Превентивная война, какое бы отвращение она ни вызывала у дипломатии на словах и как бы она ни была ненавистна демократическому мнению, является на деле естественным порождением баланса сил». Поскольку относительная сила страны зависит прежде всего «от количества и качества ее жителей», постольку «международная политика, исследуемая с точки зрения технических задач, в которые не входят этические соображения, должна была бы рассматривать в качестве одной из своих законных целей резкое уменьшение или даже полную ликвидацию населения соперничающей державы»⁵¹.

Оговорки относительно демократических и этических соображений, к которым прибегал Г. Моргантау, должны были создать впечатление, что ему лично претит такое

развитие событий, но, как «реалист», он не может игнорировать его объективную обусловленность и, следовательно, неизбежность. Принадлежавший к правому крылу школы Р. Осгуд считал возможным обойтись без таких оговорок.

«Использование независимой национальной силы, понимаемой как способность одной нации вынуждать другие исполнять ее волю,— писал он,— наиболее важное средство достижения национальных целей. Это означает, что международные отношения обязательно должны характеризоваться более или менее жесткой борьбой за власть между государствами, ставящими свои собственные интересы превыше всех других целей»⁵².

И там же: «Из-за относительной слабости наднациональных норм морали, законов и идеалов главной мерой национальной силы в итоге служит способность оспаривать интересы других наций, включая само их выживание как последнее средство. Следовательно, насилие или угроза насилия являются незаменимым инструментом национальной политики... Задача дипломатии — этого „мозга силы“ — состоит в том, чтобы использовать насилие или угрозу с максимальной эффективностью»⁵³.

Еще в те годы, когда «политические реалисты» доминировали в буржуазной науке о международных отношениях и были фаворитами власть имущих не только в Соединенных Штатах Америки, но и в других крупных капиталистических странах, их концепции вызвали крайне негативную реакцию, причем не только у левых.

«Доктрины „силовой политики“, проповедуемые такими красноречивыми учеными, как профессор Моргентхау,— писал в начале 50-х годов известный американский политолог Ф. Танненбаум,—...всегда вели к войне и часто к национальному самоубийству... „Национальный интерес“ — это вводящая в обман фраза...»⁵⁴.

Школа «политического реализма», отмечал, обобщая ее оценку специалистами-международниками, известный специалист по проблемам войны и мира Ю. Лидер, подвергается на Западе критике по следующим причинам. Во-первых, весьма двусмысленны применяемые этой школой понятия «национальные интересы», «сила» и т. д. Во-вторых, недостаточно убедителен тезис о том, что стремление к обладанию мощью, присущее якобы всем государствам, уходит своими корнями в человеческие инстинкты. В-третьих, предлагаемый школой способ предотвращения войны эфемерен, ибо война в ее построениях

выступает как неизбежный результат системы, основанной на постоянном соперничестве в поисках превосходящей мощи. В-четвертых, вопреки утверждениям «политических реалистов», вооруженные силы непригодны для достижения большинства целей, выдвигаемых современными государствами; они могут быть скорее достигнуты с помощью умелой дипломатии⁵⁵.

Самый серьезный удар по школе «политического реализма» нанесла, однако, сама жизнь. Практическая политика, основанная на постулатах школы, вела от одного провала к другому. Ни одна из целевых установок, намеченных при ее разработке, не была реализована даже частично. Венцом неудач «политики силы», поднятой на щит «политическим реализмом», явилась «грязная война» Соединенных Штатов Америки во Вьетнаме, закончившаяся для них катастрофой.

По мере выявления несостоятельности рецептов, предлагаемых школой «политического реализма», ее позиции слабели. Особенно заметным это было в Западной Европе, где влияние этой школы с самого начала не было абсолютным. Но и в Соединенных Штатах Америки «политические реалисты» перестали играть роль бесспорного фаворита. Некоторые из них, усвоив уроки, которые преподала жизнь, стали отходить от прежних позиций. Это относится, в частности, к Г. Моргентау, отказавшемуся от многих прежних оценок. Дж. Кеннан, У. Липман и некоторые другие «отцы-основатели» школы «политического реализма» выступили против политики США в Азии, в том числе против агрессии во Вьетнаме. Некоторые из сторонников этой школы пришли к более трезвой оценке возможностей США на мировой арене.

«Наши проблемы,— писал в конце 60-х годов известный американский дипломат и политолог Дж. Болл,— очень часто возникали из-за отсутствия согласованности между осознанием ограничений силы, которые определяли наши действия, и высокопарной университетской догмой... Ныне для нас пришло время перестать затуманивать свое сознание нашими политическими гиперболами и открыто взглянуть в лицо жестким реальностям послевоенного мира... Чему нас научили — или что мы узнали инстинктивно,— так это то, что мировая политика одновременно и больше и меньше, чем искусство возможного: она — искусство практического»⁵⁶.

В годы наибольшей разрядки в отношениях между странами с различным социальным строем, в том числе

между Советским Союзом и Соединенными Штатами Америки, влияние непреклонных сторонников «политического реализма» ослабло еще больше. Могло создаться впечатление, что под давлением внешних обстоятельств они навсегда ушли с авансцены. Однако такое впечатление было неверным. Неразоружившиеся «политические реалисты» сохранили силы и, осуществив их перегруппировку в консервативном стане, готовились к тому часу, когда практическая политика американского империализма вновь призовет их под свои знамена.

Такой час пробил к исходу 70-х годов, когда атмосфера мирного сосуществования и разрядки в отношениях между государствами с различным социально-экономическим строем стала все сильнее омрачаться акциями, направленными на ухудшение обстановки в мире. В основе этого развития лежала перегруппировка сил в правящих кругах ряда промышленно развитых капиталистических стран, и прежде всего США, в ходе которой верх одержали сторонники жесткого курса во внешней политике.

Подобный поворот был вызван рядом причин. Наиболее значимыми среди них были следующие.

1. Влиятельные группы господствующего класса в главных капиталистических странах пошли в свое время на разрядку международной напряженности скрепя сердце. Их решению в пользу разрядки в значительной степени способствовало, наряду с давлением общественности, иллюзорное представление о прочности своих позиций, которое, в свою очередь, питалось тогдашней относительно стабильной ситуацией в экономике и отсутствием особо сильных потрясений в социально-политической сфере. На этом представлении зиждились расчеты на то, что в условиях разрядки главным капиталистическим странам удастся навязать свою волю Советскому Союзу и дружественным ему государствам, раскатать устои реального социализма, подорвать систему союзнических отношений, связывающих страны социалистического содружества, и, таким образом, без особых усилий достигнуть тех целей, к которым не удалось даже приблизиться в первые послевоенные годы во время «холодной войны», в ходе осуществления империалистической стратегии «сдерживания» и «отбрасывания» коммунизма.

Однако последующий ход событий опрокинул эти расчеты. По мере того как вера в способность капитализма одержать верх в мирном соревновании с социализмом

угасала, у той части правящих кругов капиталистических стран, которая видела в разрядке напряженности не реалистическую политику, отвечающую потребностям международных отношений, а способ навязать другим свою волю, крепко стремление отказаться от курса на мирное решение спорных проблем в духе взаимопонимания и сотрудничества и вернуться к прежним привычным и казавшимся более надежными методам внешнеполитического давления, бряцания оружием и даже применения военной силы. Это стремление проявлялось тем сильнее, чем крупнее были имперские амбиции правящих кругов соответствующих стран, слабее их заинтересованность в международном товарообмене, менее эффективными инструменты давления общественности на политику правящих верхов. Поэтому в Соединенных Штатах Америки поворот от разрядки международных отношений в сторону политики острой конфронтации проявился гораздо отчетливей и в более грубой форме, чем, например, в главных промышленно развитых странах Западной Европы.

2. В годы поворота от «холодной войны» к разрядке в правящих кругах капиталистического Запада было распространено представление, что отход от наиболее вызывающих форм политической и военной конфронтации с социалистическими странами поможет главным капиталистическим государствам сохранить, опираясь на свои экономические и политические позиции, выгодное для себя статус-кво в развивающемся мире. Предполагалось, в частности, что в экономическом плане эти страны по-прежнему будут сырьевым придатком к развитым капиталистическим государствам, социально-экономически останутся в сфере капиталистических производственных отношений, внешнеполитически будут послушно следовать в фарватере бывших метрополий.

На протяжении 70-х годов стало, однако, очевидно, что и эти представления имеют мало общего с действительностью. Социально-экономическая и политическая эмансипация развивающихся стран продолжалась, и этот объективный процесс не мог быть остановлен ни улепечиваниями, ни угрозами. Обострение социальной дифференциации, а значит, и классовой борьбы во многих развивающихся странах имело следствием свержение ряда прогнивших, реакционных режимов. В некоторых из этих стран произошли более глубокие революционные изменения, затронувшие основы социального строя. Во внешне-

политической области все меньшее число развивающихся стран сохраняло готовность послушно следовать за политикой главных капиталистических государств, что нашло выражение в ослаблении позиций последних в международных организациях, в том числе в Организации Объединенных Наций и в ее специализированных учреждениях.

В правящих кругах капиталистических держав это породило все усиливающуюся тревогу за свои привычные позиции в развивающемся мире. Давние противники разрядки использовали эту тревогу для того, чтобы усилить недовольство разрядкой, которая-де пошла на пользу одним лишь социалистическим странам. К этим противникам разрядки примкнули те группы правящего класса, которые с самого начала видели в разрядке лишь оружие борьбы с социализмом. Тех и других объединила надежда, что переход к политике, жесткой по отношению к социалистическим странам, поможет стабилизировать позиции капитализма в зоне национального освобождения, помешает странам реального социализма оказывать поддержку молодым, независимым государствам и сделает эти государства менее защищенными перед лицом военных угроз или прямых военных акций вооруженных сил империализма.

3. Правящие круги Соединенных Штатов Америки долгие годы пребывали в убеждении, что их доминирующие позиции в группе развитых капиталистических стран непоколебимы. Однако в годы разрядки многие крупные капиталистические государства, воспользовавшись некоторым ослаблением жесткой американской хватки, смогли приобрести свободу маневра, немыслимую в годы «холодной войны». В результате их возросший экономический потенциал нашел более полное политическое выражение в виде усилившегося веса в системе западных военных и политических союзов.

Это, в свою очередь, вызвало глубокое раздражение в правящих кругах США, не желавших мириться с изменившейся обстановкой. Поскольку усиление политического веса союзников США не только совпало с разрядкой, но и было прямо обусловлено ею, родилась идея восстановления прежнего влияния США в зоне развитого капитализма путем целенаправленного ухудшения международной обстановки.

Подтверждение всему этому можно найти даже у самих консерваторов.

«Разрядка 1972 года,— писал, например, ведущий представитель консервативного крыла школы «политического реализма» Р. Такер,— была принята в период, когда считалось, что США еще располагают суммарным превосходством в военной сфере по отношению к СССР. Сегодня этой ситуации не существует. В тот период казалось, что роль „третьего мира“ падает, тогда как сейчас его значение заметно выросло... Наконец, значительно выросли требования СССР рассматривать его в качестве равноправного партнера Америки со всеми вытекающими отсюда последствиями...»⁵⁷

Поскольку Соединенные Штаты Америки это устроить не может, разрядка, делает вывод Такер, должна была уступить место острому противостоянию.

Примерно в том же духе оценивал ситуацию консервативный политик П. Нитце. «Определяющими в начале 80-х годов,— читаем мы в его статье,— должны стать шаги, ставящие целью остановить, притормозить, а если можно, сорвать... комплексную стратегию СССР» и тем самым «добиться изменения нынешних тенденций в соотношении сил»⁵⁸.

Сказанное делает понятным, почему правящим кругам в капиталистических странах, и в первую очередь в Соединенных Штатах Америки, вновь понадобились консервативные теоретики «холодной войны».

Со второй половины 70-х годов на идеологической авансцене стали задавать тон ученые — специалисты по внешней политике, представлявшие крайне консервативное крыло обеих школ: и «политического идеализма», и «политического реализма». Различия в аргументации, к которой они прибегают, почти незаметны перед лицом их единства в главном: стремлении опорочить политику разрядки, проводившуюся прежде, как плод заблуждений и дезориентации. В принадлежащих им бесчисленных статьях и книгах мир вновь предстает черно-белым, как плацдарм борьбы между «добром» (США и их союзники) и «злом» (социалистические страны). Одновременно всемерно превозносится политика силы, провозглашаемая единственным способом решения международных вопросов.

В писаниях этого рода все чаще присутствует апология войны: в косвенной, а иногда и в прямой форме.

Очень характерны в этой связи позиции американских неоконсерваторов, для которых вопросы внешней политики образуют центр теоретической схемы. На страницах

«Комментари» Соединенные Штаты Америки выглядят страной, сделавшейся слишком уязвимой и боящейся продемонстрировать свою военную мощь, чтобы предотвратить распространение советского влияния. Советско-американские соглашения, заключенные в 70-е годы, расцениваются как капитуляция перед мощью СССР. Напротив, «стратегическая оборонная инициатива» Рейгана (программа «звездных войн») провозглашается «выдающимся проектом», способным обеспечить безопасность США. «Экспессы государственного вмешательства», столь осуждаемые, когда речь идет о внутренних делах (помощь бедным, медицинская помощь, городское строительство), всячески приветствуются, если они осуществляются за границей во имя антикоммунизма⁵⁹. Идея новых соглашений с СССР, в том числе в области ограничения гонки вооружений, оценивается крайне скептически. Предполагается, что любое соглашение такого рода, «которое одобряет СССР, весьма вероятно, находится в противоречии со стратегическими интересами США» и т. д.⁶⁰

Проблемы развивающихся государств неоконсерваторы сознательно игнорируют. Этим государствам отказывают в праве на суверенное определение своей политики, ссылаясь на то, что такое право противоречит принципу силы. Соединенным Штатам Америки предлагается постоянно «ставить на место незначительные страны», оказывая на них дипломатическое давление либо прибегая к угрозам.

Весьма показательной с этой точки зрения специалисты считают книгу Р. Такера «О неравенстве наций»⁶¹. Сам Такер получил скандальную известность в 1975 г., когда выдвинул на страницах журнала «Комментари» идею захвата нефтяных месторождений арабских стран в качестве средства борьбы с их «нефтяным шантажом». Содержание его книги свидетельствует о том, что эта идея была не случайной, а отражала выношенную систему взглядов. Распространение идеи равенства между государствами Такер объявляет «абсолютной чужью». В связи с этим господство крупной державы над малым государством представляется ему «нормальным делом». В целом же, согласно его взглядам, не следует слишком «драматизировать» проблему отношений Севера и Юга. Реальный конфликт, что бы ни говорилось в резолюциях ООН по этому поводу, «существует по-прежнему между двумя сверхдержавами с их арсеналами»⁶².

Позиции в области внешней политики, которые отстаивают консерваторы в странах Западной Европы, отличаются от позиций их американских единомышленников лишь в деталях. Большой упор делается на европейские проблемы. При оценке политики Соединенных Штатов Америки иногда проскакивают нотки недовольства их нежеланием считаться с интересами союзников на «старом континенте». В остальном взгляды западноевропейских консерваторов представляют собой кальку с американской модели. То же «двухцветное» видение мира, патологический антикоммунизм и антисоветизм. То же неприятие сосуществования стран с различной общественной системой, разрядки международной напряженности, договоров об ограничении гонки вооружений. То же высокомерно-пренебрежительное отношение к развивающимся странам.

Наиболее последовательное выражение консервативного подхода к внешнеполитическим вопросам можно найти у Кальтенбруннера — в вышедших под его редакцией сборниках по международным проблемам⁶³.

Западноевропейские страны выглядят в изображении Кальтенбруннера слепыми и беспомощными щенками, игнорирующими нависшую над ними опасность. Эта опасность вовсе не сводится к обычной военной. «Война приняла новые формы, она ведется новыми средствами, у нее новые носители. Угроза, шантаж, идеологически-моральное разложение, терроризм и переворот составляют арсенал ее средств и определяют театр военных действий»⁶⁴.

В этих условиях, заявляет Кальтенбруннер, странам Запада следует отказаться от «христианского пацифизма», от упований на общество «всеобщего миролюбия» и готовиться к ожесточенной и длительной борьбе. Они должны отвергнуть политику мирного сосуществования как форму продолжения «мировой гражданской войны иными средствами», как «паузу, вызванную необходимостью достижения тактического превосходства»⁶⁵, противопоставив ей политику жесткого противостояния.

«Или четвертая мировая держава, или колония»⁶⁶ — такова, по мнению Кальтенбруннера, альтернатива, перед которой оказалась Западная Европа. И только консерваторы, взяв в руки рычаги власти, в состоянии решить эту дилемму в пользу «старого континента».

Внутренняя структура современного консерватизма. Консервативный экстремизм

При всей идейно-политической общности, которая отличает современный консерватизм, для него по-прежнему типична внутренняя неоднородность⁶⁷. Более того, течения, которые по ряду позиций значительно разнятся друг от друга, существуют даже в рамках правого, традиционалистского консерватизма.

Налицо, например, различия между старым консерватизмом и модернизированным неоконсерватизмом. Первый ориентируется главным образом на старое и привычное. Второй пытается реализовать свои цели, учитывая изменившиеся обстоятельства и, по возможности, приспособляясь к ним.

Существуют заметные различия между американским и западноевропейским неоконсерватизмом. В Соединенных Штатах Америки в качестве неоконсерваторов выступает группа интеллектуалов, перешедших к правым из либерального, а иногда и леволиберального лагеря и сохранивших при этом переходе часть старого багажа. По своим позициям американские неоконсерваторы в ряде случаев ближе к западноевропейским правым либералам, чем к американским консерваторам-традиционалистам. Западноевропейские неоконсерваторы — это главным образом выходцы из консервативной среды, занимающие, как правило, более правые позиции, чем старые консерваторы.

Консервативные течения различаются и в зависимости от занимаемых ими общественно-политических позиций. Все они, естественно, находятся на правом фланге партийно-политической структуры в зоне развитого капитализма. В то же время и поныне существует умеренный («либеральный») консерватизм, дистанцирующийся от «крайностей» своих единомышленников и проявляющий в случае необходимости готовность пойти под давлением масс на некоторые назревшие социально-либеральные реформы общественных институтов.

Идейные и стратегические принципы современного «либерального», или реформистского консерватизма наиболее выразительно раскрываются у его американского образца, представленного главным образом группой интеллектуалов, центральное место среди которых принадлежит И. Кристолю. Именно их, как уже отмечалось, ста-

ли называть неоконсерваторами. Поскольку этот термин закрепился за ними, он и будет использован далее, однако с учетом того, что в данном случае речь идет о реформистском консерватизме.

Многочисленные авторы самых различных идейно-политических ориентаций видят ключ к пониманию этого течения американского консерватизма в его либеральном происхождении. В качестве важнейшей причины обращения в консервативную веру бывших видных либералов обычно считают их практический опыт работы в администрации Кеннеди и Джонсона, особенно провал джонсоновской программы «великого общества». В сторону консерватизма подтолкнули часть либералов и студенческие выступления 60-х годов. «Защита традиционного университета против радикального натиска,— пишет британский политолог Н. Эшфорд,— привела к тактическим союзам либералов с консерваторами и к возникновению неоконсервативных установок»⁶⁸. По определению самого Кристола, «неоконсерватор — это обманутый реальностью либерал»⁶⁹.

Вместе с тем Кристол особо подчеркивал непосредственную роль бизнеса в эволюции консерватизма: «Деловой мир в Соединенных Штатах за последние 12 лет становился все просвещеннее и чувствительнее по отношению к неоконсервативному течению и содействовал все более и более масштабным исследованиям о консерватизме и неоконсерватизме, так что резервуары этого идейного богатства — Гуверовский институт. Американский предпринимательский институт, Фонд наследия, Гудзоновский институт — превратились в подлинные центры интеллектуальной мощи и авторитета в Соединенных Штатах»⁷⁰.

Что является ключевым моментом, ядром, сущностью неоконсерватизма как движения? — ставит вопрос Кристол. И дает такой ответ: «Это — не развитие в стиле *«laissez-faire»*. Цель — консервативное государство благоденствия, устанавливающее минимальный жизненный стандарт для всех без исключения граждан»⁷¹. Это один из двух основных принципов неоконсервативного подхода к социально-политической проблематике — принцип «социального минимума». На первом же месте все-таки оказывается «принцип достижений»: статус и доход должны распределяться на основе образования и способностей⁷².

В отличие от правоконсервативных кругов неоконсер-

ваторы не отвергают традиции рузвельтовского «нового курса». Однако позитивные результаты «государства благосостояния», на их взгляд, превратились в свою противоположность вследствие чрезмерного эгалитаризма в социально-политическую эпоху «великого общества» при президенте Джонсоне. «Современной развитой нации,— признает неоконсервативный идеолог Н. Глезер,— избежать крупных социальных программ, которые были разработаны при Ф. Д. Рузвельте и расширены в последние годы»⁷³.

Так как неоконсерваторы отдают себе отчет в объективной необходимости социальных реформ и высокой степени их необратимости, они выступают не за демонтаж «государства всеобщего благоденствия», а лишь за ограничение его социально-политических функций. Как отмечает представитель этого же течения Нюхтерлейн, «возможно, именно по вопросу о государстве благосостояния неоконсерваторы с наибольшей очевидностью отличаются от традиционных консерваторов»⁷⁴. Неоконсерваторам чужда «страстная приверженность к неограниченному свободному рынку, что обычно характерно для американских правых... Это делает их ассоциацию с традиционным американским консерватизмом осторожной и нелегкой»⁷⁵. Неоконсерваторы за такую экономическую политику, которая защищала бы капитализм от него самого; «рыночные механизмы используются, где это возможно, но остаются в обусловленных рамках социальной цели»⁷⁶.

Специфика этого течения четко вписывается в выдвинутую И. Кристолом схему консервативного консенсуса, которая, на его взгляд, имеет универсальное значение для «западных демократий». Три столпа этого консенсуса соответствуют системе приоритетов современного реформистского консерватизма.

На первое место Кристол ставит «экономический рост», измеряемый способностью обеспечить занятость и заработок среднему гражданину. Во-вторых, консервативный консенсус должен быть националистическим. Третьим его звеном является «акцент на моральные ценности, связанные с традиционными религиозными учениями»⁷⁷.

У современного реформистского консерватизма в ФРГ есть своя сравнительно свежая традиция «неолиберальной» социально-экономической политики, восходящая к отцу «экономического чуда» Л. Эрхарду. Нынешнее руководство ХДС пытается придать «новый блеск» выдвиг-

нутой им формуле «социального рыночного хозяйства». По своему содержанию эта формула во многом напоминает «консервативное государство благоденствия» Кристола. Консерватизм этого типа втянул в свою орбиту и правых либералов. В результате сложился, по оценке деятеля партии «зеленых» Г. Клейнерта, умеренный вариант неоконсерватизма⁷⁸.

Во Франции сборным пунктом умеренных консерваторов и правых либералов стал Союз за французскую демократию (СФД), основанный в 1978 г. сторонниками тогдашнего президента В. Жискара д'Эстена. Его подход к вопросу о роли государства тоже вызывает ассоциации с концепциями американских консерваторов-реформистов. Отвергая вездесущий дирижизм голлистского периода, Жискара д'Эстен в своей программной книге «Французская демократия» не требовал резкого свертывания государственного вмешательства: «Совершенно очевидно, что нельзя помышлять об ограничении государства лишь теми функциями, которые когда-либо входили в королевские прерогативы: оборона, правосудие и выпуск денег. Все крупные социальные задачи — просвещение, здравоохранение, деловая жизнь, а также промышленное и сельскохозяйственное развитие требуют определенного вмешательства или участия государства в той или иной форме»⁷⁹. Такое государство, подчеркивал Жискара д'Эстен, «требует образа мыслей, противоположного технико-бюрократическому мышлению»⁸⁰.

Свою более позднюю книгу «Два француза из трех» В. Жискара д'Эстен подавал как откровение, плод глубоких раздумий и поисков решения для Франции, хотя в ней его прежние позиции не столь уж значительно модифицируются. «Для определения моей позиции, — писал бывший президент, — скажу, что я — традиционалист-реформатор. Традиционалист, поскольку верю, что существуют ценности, которые наша история и наша цивилизация аккумулируют и формируют и которые образуют культурные и социальные «фонды» Франции; реформатор, поскольку я знаю, что жизнь есть непрерывное биологическое движение, что мы обязаны ему аккомпанировать, а в случае, если оно столкнется с препятствием, облегчать и направлять его»⁸¹.

Отмечая высокую теоретическую активность реформистского консерватизма, нельзя в то же время не видеть, что главный стержень консервативного сдвига составляет до сих пор правый консерватизм традициона-

листского типа. Наиболее рельефное выражение он обрел в тэтчеризме и рейганизме. «Новый консерватизм, возможно, неверное истолкование термина,— писал о тэтчеризме английский консервативный историк М. Коулинг.— Вероятно, было бы лучше рассматривать его как модифицированный традиционный консерватизм»⁸². «По обе стороны Атлантики новый консерватизм представляет собой радикализированный, отдающий ностальгией вариант консерватизма, сочетающий в себе твердый индивидуализм и преданность свободному рынку, граничащие с экономическим дарвинизмом, с периодически популистским отношением к элитам и преданностью идее восстановления традиционных ценностей и национального величия»,— так раскрывает суть рейганизма и тэтчеризма американский консервативный публицист К. Филлипс⁸³. К этому же типу консерватизма он относит «французских голлистов Жака Ширака и западногерманских христианских демократов, близких Францу-Йозефу Штраусу»⁸⁴.

Хотя лидер испанского правоконсервативного Народного альянса М. Фрага Ирибарне стремится предстать в качестве консерватора-реформиста, реальная позиция его партии также ближе к традиционалистскому типу. По мнению британского политолога К. Мидхерста, Народный альянс, несмотря на стремление вписаться в «новый либерально-демократический» контекст Испании, все же «в немалой мере сохраняет позиции, которые трудно отличить от авторитарного прошлого»⁸⁵. «Лидером правых консерваторов» именует Фрагу Ирибарне обозреватель журнала «Камбио-16» А. Сараскета⁸⁶.

Критика буржуазного и социал-демократического реформизма нередко принимает у правых консерваторов характер полного отрицания реформы как таковой. Правда, в политической практике дело обстоит сложнее; приходится считаться с сопротивлением рабочего движения, необратимостью тех результатов реформистской политики, которые стали обязательным элементом функционирования ГМК. Поэтому прагматизм нередко берет верх над антиреформистской и антилиберальной риторикой. Тем не менее именно она раскрывает сущностные позиции правых консерваторов.

Так, Р. Скратон в антиреформистском порыве провозглашает главным оппонентом консерватизма не радикала, прямо противостоящего консерватору, а реформиста, который «действует всегда в духе улучшения, находит

причины для изменений, поскольку не может найти лучших оснований, чтобы воздержаться от них»⁸⁷. Западно-германским правоконсервативным кругам реформистская практика перманентных реформ представляется не чем иным, как «умеренной перманентной революцией»⁸⁸.

Очень зыбкими считает редактор правоконсервативного «Нэшнл ревю» Д. Собран границы, разделяющие реформизм и социализм. Различие между ними он видит главным образом в том, что «либерализм избегает прямой атаки. Он предпочитает разрушать собственность, семью и религию постепенно, скорее подрывая их определенность, чем пытаясь ликвидировать их насильственно»⁸⁹. Для «либеральной стратегии» в отличие от «более грубых форм социализма» присущи «непрямые методы». Цель ее — «концентрировать богатство в руках государства». Средства достижения этой цели: прогрессивное налогообложение, программы постепенного перераспределения, контроль над использованием частной собственности, налоги на наследство. Что же касается общей оценки реформистской политики, то ее Собран определяет как «социализм в розницу»⁹⁰. Антиреформизм, антилиберализм в идейно-политическом арсенале правых консерваторов взаимосвязаны с воинствующим антикоммунизмом. Решительное осуждение правыми консерваторами реформизма в значительной мере проистекает из твердого убеждения, что либералы и социал-демократы занимают примиренческую позицию по отношению к коммунизму.

Принципиальные слабости реформистской политики, как полагают правые консерваторы, особенно негативно сказываются во внешнеполитической сфере. Вообще реформизму, подчеркивает Р. Скратон, свойственно одностороннее тяготение к внутренним, домашним делам в ущерб делам международным. При реформистском правлении внешняя политика становится уклончивой, неопределенной; оказываются в забвении идеи войны, обороны и общественного порядка. Вместо этого предлагают деньги врагам и сделки друзьям. Между тем два-три «повелительных жеста» в области внешней политики, подняв чувство национального достоинства, гораздо больше будут способствовать «сплочению» нации, «стабильному правлению», чем кухонная возня с реформами. «Консервативный государственный деятель, — поучает Скратон, — должен понимать необходимость таких жестов и делать их в нужный момент»⁹¹.

Радикальные тенденции в теории и практике правых консерваторов дают повод их умеренно консервативным и либеральным оппонентам усомниться в том, действительно ли являются те консерваторами. Так, английский либеральный публицист Д. Уотсон вообще отказывается признать Тэтчер, Рейгана, Ширака консерваторами. «Консерватор,— настаивает он,— это традиционалист, который любит старые ценности, а политику рассматривает как борьбу за сохранение вещей такими, как они есть. Но никто не может вообразить, что тэтчеризм или рейганизм стремятся сохранить вещи такими, как они есть. Начиная с 1979 г. М. Тэтчер дала Британии самое радикальное правительство со времени Эттли. Даже Черчилль по сравнению с Тэтчер мог бы показаться «мокрейшим из мокрых»⁹².

От консервативной традиции пытаются отлучить М. Тэтчер и ее сторонников так называемые «мокрые» тори (Э. Хит, Л. Гилмур, К. Паттен и др.). Их поддерживал своим авторитетом Г. Макмиллан, много десятилетий воплощавший реформистский консерватизм. Подчеркивая «радикализм» тэтчеровского направления, «мокрые» тори хотели бы представить его радикально-либеральным или неолиберальным искажением истинного торизма, а себя — хранителями торийской традиции. Когда же о «радикализме» Тэтчер и ее единомышленников говорят представители либеральных и левых кругов, то они имеют в виду его праворадикальный оттенок. Но и в том и в другом случае под сомнение ставится консервативная сущность современного правого консерватизма.

Малая достоверность подобной позиции определяется прежде всего тем, что и те и другие исходят из усеченного представления о консерватизме лишь как о стремлении сохранить статус-кво. Однако если на психологическом уровне консерватизм действительно в значительной мере сводится к этому, то на уровне политическом дело обстоит иначе. Необходимо учитывать, что для консерватизма как типа политики главное — противодействие общественному прогрессу даже ценой изменения статус-кво, если он, на взгляд консерваторов, становится чересчур либеральным или социал-реформистским. Ради этого часть консерваторов готова пустить в ход решительные радикальные методы, занять жесткую бескомпромиссную позицию.

О роли и месте традиционалистского компонента в правоконсервативном идейно-политическом багаже наи-

более четко и последовательно говорит Р. Скратон. Прочность и эффективность государственной власти, утверждает он, зависят от того, в какой мере ей удастся связать своей политикой воедино авторитет и традицию, обеспечив тем самым «приверженность» граждан. Благодаря «приверженности» общество конституируется как нечто большее, чем «агрегат индивидов», каким оно представляется либеральному сознанию. Особенно возрастает роль традиции в условиях отчуждения, замешательства и путаницы, завладевших сознанием современного человека. Традиция должна определять общественное бытие индивида.

Отличительной чертой тэтчеровского консерватизма Н. Лоусон считает отказ от ложной веры в эффективность государственного вмешательства, в равенство и возвращение в основное традиционное русло. «Это политически важно,— подчеркивает Лоусон,— не в смысле культа предков или легитимизации библейского авторитета; это важно потому, что традиция укоренена в сердцах и умах простых людей гораздо глубже, чем банальная мудрость недавнего прошлого»⁹³. Через традиционные моральные и религиозные ценности пролегает, по мысли правых консерваторов-традиционалистов, наиболее перспективный путь к широкому национальному консенсусу.

Традиционалистскому компоненту принадлежит существенная роль в наборе идей и принципов рейгановского консерватизма. Это обстоятельство подчеркивал в предисловии к сборнику выступлений Р. Рейгана один из американских консервативных идеологов Р. Скайф: «Свыше двадцати лет назад в Соединенных Штатах возникла новая политическая и интеллектуальная инфраструктура, стремившаяся к восстановлению традиционных американских ценностей, разделявшая фундаменталистские представления о природе человека. И в 1980 г. она набрала достаточную силу, чтобы провести одного из своей среды в президенты»⁹⁴.

Традиционализму придает серьезное значение в сколачивании массового базиса и Ж. Ширак. «Его козырь,— отмечают французские публицисты П.-А. Жув и А. Магоди,— создание иллюзии, что правые и левые, петэновцы... и участники Соппротивления, пролетарии и богачи могут сойтись в движении Жака Ширака, образ которого полон энергии и воплощает в себе вечные ценности старой Франции, атакуемые буквально со всех сторон»⁹⁵.

В кризисных условиях современности, пишет Р. Зааге, поборники обновления консерватизма в ФРГ обращаются

к связанной с традицией морали, возлагая надежды на «долиберальные и додемократические модели стабилизации»⁹⁶. Складывается ситуация, продолжает он, когда «позднебуржуазное» общество для своей интеграции во все возрастающей степени нуждается в докапиталистических традициях. При этом те, кто надеется на стабилизацию с помощью оживления традиционных ценностей, оказываются перед такой неизбежной перспективой: поскольку они более не могут рассчитывать на «естественный консенсус», им придется утверждать свой кодекс добродетелей в давно переставшем быть традиционным обществе репрессивным путем⁹⁷.

Обращение к традиционным консервативным ценностям создает, таким образом, благоприятную почву для авторитарных тенденций. «Общество,— утверждает Р. Скратон,— существует благодаря авторитету, а признание авторитета требует приверженности к связям,носящим не контрактный, а трансцендентный характер, в духе семейных уз. Но такая приверженность зиждется на традициях и обычаях, посредством которых она обретает силу закона»⁹⁸.

В идеологии западногерманских правых консерваторов активно заявляют о себе авторитарные представления в духе К. Шмитта. В соответствии с ними о «государственности» можно говорить в той мере, в какой она обладает суверенитетом. Пробным же камнем суверенитета даже при парламентском правлении является право на введение чрезвычайного положения. Из этого следует, что от соскальзывания к эгалитаризму и анархии способна уберечь только такая государственность, которая в случае опасности сможет опереться на строго иерархически разделенное и лояльное чиновничество, сильную армию и использовать полномочия или в форме авторитарной канцелярской демократии или в форме полномочного президентского правления⁹⁹.

Естественно, что в традиционалистском консерватизме сильны ностальгические мотивы. Его поборники любят взывать к «славному прошлому», «добрым старым временам», «великим теням», легендарно-мифологические представления о которых отложились в национальном сознании. Так, тэтчеристы эксплуатируют «викторианский синдром» как важный элемент британских традиций¹⁰⁰. О «ностальгическом консерватизме» Рейгана, взывающего к эпохе «просперити», пишет К. Филлипс¹⁰¹.

Но для современного правого консерватизма харак-

терна не просто ностальгия сама по себе. Его типологической чертой можно считать сплав из ностальгических и модернистских тенденций при явном преобладании последних. Модернизм правых консерваторов проявляется главным образом в их стремлении предстать в качестве силы, способной дать наиболее адекватный ответ на требования современного духовного и социально-экономического развития, и в первую очередь современного этапа научно-технической революции. «Британские консерваторы,— по словам Эклешела,— сочетают ностальгию по былой национальной славе с рвением крестоносцев ради спасения страны от ее экономической слабости»¹⁰². Сама Тэтчер, как пишут британские публицисты Н. Уопшотт и Д. Брок, «энергично выступает за введение новой технологии в индустрии и коммуникационной технологии в особенности»¹⁰³. Правоконсервативные силы приветствуют «революцию роботов», надеясь эксплуатировать ее последствия в своих интересах. При этом новейшие тенденции социально-экономического развития трактуются ими как реализация в модифицированных формах консервативных идеалов прошлого столетия.

Многие западные ученые и публицисты отмечают в консерватизме традиционалистского типа популистские черты. Под этим обычно подразумевается его стремление создать национальный консенсус на основе традиционных ценностей, используя современные методы мобилизации масс. Главным козырем является при этом разочарование населения в реформистской политике, проводившейся в прошлом. Многие авторы обращают внимание на популистские черты, свойственные политическому стилю правоконсервативных лидеров. В данном случае имеется в виду практика обращения к избирателям через голову партийных организаций, парламентов, средств массовых коммуникаций, эффективное воздействие на психику «простых людей», умение найти нужный тон и нужные слова. «Ни один президент до него,— пишет о Рейгане английский журналист Р. Чеспир,— не использовал более эффективно высокую трибуну Белого дома, чтобы обращаться к американскому народу через головы журналистов и конгресса. Он сводит сложные проблемы к элементарным инстинктам. Он создает образ Америки, какой она уже никогда не будет, а может быть, никогда и не была...»¹⁰⁴. О «популистском имидже» лидера ОНР Ширака пишет французский политолог Леконт¹⁰⁵. Фрагу Ирибарне называют «самым популистским из испанских

политиков»¹⁰⁶. Сравнивая Тэтчер с Дизраэли, правоконсервативный публицист А. Хартли особенно подчеркивает свойственное им обоим «популистское видение», которое помогло расширить электорат консервативной партии за счет рабочих¹⁰⁷.

Среди части английских левых распространена трактовка тэтчеризма как «авторитарного популизма». «Популизм тори,— читаем мы в одном из их изданий,— все более принимает форму сплочения привилегированной нации «добропорядочных граждан» и «усердных тружеников» против нации приниженных и подавляемых, которая вбирает в себя не только обитателей городских гетто с их этническими меньшинствами, но и большую часть неквалифицированного рабочего класса за пределами юго-востока»¹⁰⁸. Такого рода популизм содержит в себе и расистские черты.

Конечно, термин «авторитарный популизм» нельзя считать исчерпывающей сущностной характеристикой тэтчеризма и других форм консерватизма аналогичного типа. Однако в нем верно схвачены во взаимосвязи важные типологические признаки этого явления.

Наряду с правым консерватизмом все больше набирает силу и его экстремистская форма.

Оживленная деятельность «новых правых» зарегистрирована во многих странах зоны развитого капитализма. Однако в теоретическом плане особенно активны они во Франции. Ядро французских «новых правых» составляют консервативные интеллектуалы, объединенные вокруг таких теоретических обществ, как Группа по исследованию европейской цивилизации (ГРЭС) и «Клуб часов». В числе этих интеллектуалов — масштабные для французских условий публицисты: А. де Бенуа, П. Вьяля, М. Понятовски, Л. Повель и некоторые другие.

В распоряжении французских «новых правых» — эффективные средства распространения взглядов. ГРЭС наряду с изданиями для внутреннего пользования выпускает рассчитанные на широкую публику журналы «Нувель эколь» и «Труазьен милленэр». «Клуб часов» издает журнал «Контрпуэн». В руках «новых правых» — издательство «Коперник» и, что очень важно, культурная рубрика выходящей большим тиражом правой газеты «Фигаро», а также ее субботнее приложение «Фигаро-магазин».

Многие позиции французских «новых правых» представляют собой воспроизведение на «более интеллектуаль-

ном уровне» взглядов, отстаиваемых консерваторами в целом. Имеются, однако, области, в которых экстремизм «новых правых» проявляется с особой силой.

Прежде всего это относится к их позиции по вопросу о равенстве. «Новые правые» не просто отвергают равенство, подобно всем другим консерваторам. Неравенство людей они рассматривают как стержень всей своей мировоззренческой системы. С ссылкой на научные авторитеты оно провозглашается законом, обеспечивающим выживание человеческому роду¹⁰⁹. С этой же точки зрения рассматривается вся история человечества. Неравенство объявляется ее созидательным, а равенство — разрушительным началом. Типичны в этом смысле рассуждения А. де Бенуа, для которого падение Римской империи обусловлено распространением христианской религии, принесшей — с утверждением о равенстве всех людей перед богом — идею социальной революции и погубившей тем самым государство.

Важная отличительная черта теоретических построений французских «новых правых» — настойчивая «биологизация» общественных отношений. Вслед за О. Шпенглером и А. Геленом они подробно описывают «трагедию человека», пытающегося поставить себя выше своей природы, преодолеть собственные инстинкты. Кажущаяся безграничной свобода человека в сфере творимой им культуры, утверждают они, в действительности жестко ограничена биологическими законами природы, т. е. теми пределами, которые ставят человеку «прирожденные способы поведения»¹¹⁰, в свою очередь обусловленные его инстинктами и расовой принадлежностью.

В то же время и Бенуа, и большинство его единомышленников воздерживаются от сведения неравенства к биологическим причинам. Это было бы равнозначно принятию основных постулатов расизма, что, в свою очередь, чревато неприятными политическими последствиями, особенно во Франции. Однако, будучи расистами по своей сути, они не отвергают его; просто наряду с биологической под расизм подводится культурологическая основа. Различия между народами, социальными группами и индивидами объявляются результатом природно-климатических воздействий, а также различий в историко-культурной социализации, обладающей, по утверждению французских «новых правых», предельно высокой устойчивостью. На этом строится целая пирамида рассуждений о культурной и всякой иной несовместимости народов и

об интеллектуально-культурном неравенстве как основании для иерархического построения общества.

Главную опасность, угрожающую Западу, «новые правые» видят в «постепенном исчезновении разнообразия в мире, в нивелировании личности, нивелировании культур и сведении их в одну мировую цивилизацию»¹¹¹. Поэтому борьба, в которой участвует сейчас вся планета, в конечном счете сводится ими к борьбе между «дифференцирующим и унифицирующим подходами к жизни»¹¹².

«Я называю правой,— писал Бенуа,— такую позицию, исходя из которой учитывается все разнообразие мира, и вследствие этого связанное с ним неравенство рассматривается как благо, а прогрессирующая однородность мира... провозглашаемая и осуществляемая представителями эгалитарных идеологий, как зло»¹¹³.

Будучи примененной к решению практических проблем, эта доктрина реализуется в виде призывов к ослаблению роли масс, «неправомерно подчинивших» себе высшие классы, к созданию новой «строгой этики», способной придать существованию людей «новый смысл», содействовать восстановлению «общественной иерархии» и созданию условий для возникновения «духовного типа» личности, «воплощающей в себе современные аристократические принципы»¹¹⁴.

У «новых правых» в ФРГ традиционно расистский «биологический» элемент концепции неравенства выступает в более откровенной форме. Отбрасывая оговорки своих французских коллег, они открыто делают упор на «генетически обусловленные» различия между народами. В соответствии с этим они провозглашают себя горячими сторонниками идеи сравнительного измерения интеллектуальных показателей отдельных социальных и этнических групп (проверки «коэффициента умственных способностей») и т. д.

Результаты этих исследований широко используются для подтверждения оправданности приниженного социально-экономического положения народов развивающихся стран¹¹⁵.

Непосредственное следствие такого подхода — позитивное отношение к так называемой «биополитике» — использованию достижений генной инженерии для политически планируемого производства «аристократии».

Важнейшим залогом сохранения неравенства «новые правые» считают привязанность к определенной терри-

тории, которая, в свою очередь, неизбежно влечет за собой и «бескомпромиссный отпор» всем попыткам «чужаков» внедриться в иноэтническую среду. Эти попытки, утверждают «новые правые», опасны не только тем, что лишают автохтонное население части социального продукта, но и тем, что они чреваты смешением рас («бастардизацией» коренных народов). Отсюда настойчивые рекомендации ввести жесткий контроль за миграционными потоками и регулирование рождаемости среди представителей «чуждых рас»¹¹⁶.

Констатация существования неравенства используется «новыми правыми» и для оправдания принципа агрессии, поскольку именно стремление к агрессии позволяет человеку «стать тем, кто он есть», занять определенное, отграниченное от других пространство, добиться подобного ранга внутри своей малой группы и даже создать новое в области культуры. Правда, как признают «новые правые», вооруженная агрессия в современных условиях угрожает самому существованию человечества. Однако достаточно отказаться от оружия массового уничтожения, чтобы война могла и в будущем исполнять функцию механизма естественного отбора в процессе эволюции видов, а также регулировать численность населения¹¹⁷.

Отличительной чертой идеологии «новых правых», как и всех сторонников консервативного экстремистского активизма, является крайняя нетерпимость не только по отношению к левым, но и еще большая, чем у правых консерваторов, враждебность к буржуазно-центристским и умеренно-правым политическим силам.

Так, одной из своих главных мишеней «новые правые», в полном согласии со своими предшественниками в довоенные годы, провозглашают «либерализм». Обычно в писаниях «новых правых» либерализм фигурирует во взаимосвязи с марксизмом. Либеральному и марксистскому «экономизму» «новые правые» противопоставляют «арийско-кельтское подсознание» с его «героическими ценностными масштабами»¹¹⁸.

Один из идеологов «новых правых» Г. Фане, всячески поносящий «реакционный гуманизм», расшифровывая это понятие, объединяет в его рамках либералов, христиан и марксистов¹¹⁹. Москва, коммунизм и его союзники «*либ-лаб*», (т. е. либералы и социал-реформисты.— *Авт.*) — таковы мишени, по которым ведет огонь глава правоэкстремистского «Национального фронта» во Франции Ж.-М. Ле Пен. «Священная миссия правых,—

провозглашает он, — поднять народ против коммунизма и либерализма»¹²⁰.

Столь решительный антилиберализм «новых правых» продиктован прежде всего тем, что либералы представляются консервативным экстремистам главным препятствием на пути к осуществлению их целей. Им, в частности, «мешает» отстаиваемая либералами парламентская система, не подходящая для осуществления «великого национального проекта»¹²¹. Из-за свойственных либерализму «механицизма» и «чистой функциональности» он представляется «новым правым» несовместимым со столь дорогой им «органической концепцией общества»¹²².

Крайний антилиберализм, свойственный консерваторам экстремистского типа, проявляется и в их отношении к умеренному, либеральному консерватизму. Для западногерманского теоретика консервативного экстремизма А. Молера либеральные консерваторы — прежде всего «приспособленцы», норовящие идти «удобным путем», а такой путь «всегда ведет к политическому прозябанию»¹²³.

Многие идеи, отстаиваемые «новыми правыми», совпадают со взглядами «обновителей» консерватизма, и прежде всего младоконсерваторов, действовавших в довоенные годы. Сами «новые правые» не отрицают этого сходства. Они охотно признают источник своей «мудрости». Большой популярностью в их рядах пользуются работы Мёллера ван ден Брука, О. Шпенглера и им подобных¹²⁴.

Главным звеном, объединяющим «новых правых» и их предшественников, является их общая приверженность к идее «консервативной революции», т. е. к насильственному изменению существующей буржуазной политической системы во имя осуществления консервативного плана спасения капиталистического общества.

Очевидно, что подобная позиция свидетельствует о значительном сближении взглядов «новых правых» с идеологией фашизма. Сами «новые правые» отвергают сравнение с фашистами, хотя и делают это не столь категорически, как представители других консервативных течений.

Тем не менее именно они, как это было и в прошлом, создают резервуар крайне реакционных идей, из которого беспрепятственно черпают фашистские силы.

Заключение

Консерватизм в его исторических и современных формах представляет собой сложный сплав, в котором причудливым образом сочетаются общие, национально-специфические и свойственные его отдельным идейно-политическим разновидностям черты и признаки. Многообразие обеспечивает консервативным силам значительную широту маневра в спектре от правого радикализма до буржуазного реформизма. Отсюда политическая жизнеспособность этого явления.

Однако многообразие консерватизма является не только источником его политической мощи. Оно отражает и внутренние противоречия между различными фракциями буржуазии, между ее различными идейно-политическими течениями. Поэтому анализ консерватизма, выявляя соотношение в нем общего и особенного, создает возможности для дифференцированного подхода к пестрому и многообразному консервативному лагерю, где общие интересы приходят в столкновение с внутренними противоречиями.

Поворот господствующего класса в промышленно развитых капиталистических странах к идеологии и практике консерватизма стал возможным в значительной мере благодаря тому, что этот класс сумел использовать в своих интересах усиление влияния консервативных взглядов на определенные секторы массового сознания. В свою очередь, такое усиление было вызвано закономерностями кризисного развития капитализма: болезненной структурной перестройкой, ставшей неизбежной в условиях научно-технической революции, экономическими и социальными издержками этой перестройки, обострением классовых противоречий, межимпериалистической конкуренции и т. д.

В наибольшей степени усиление консервативных ориентаций характерно для мелкобуржуазных и близких им по структуре сознания категорий, а также для теряющих свой прежний социальный статус и маргинализирующихся социальных групп. Тем не менее в определенной степени этой тенденцией оказались затронуты и некоторые

части рабочего класса. Это прежде всего относится к тем его отрядам, которые и в прошлом были мало связаны с организованным рабочим движением, а также к тем, которые не прошли еще всего пути, ведущего к интеграции с основной частью рабочего класса. Тем не менее в отдельных странах налицо ослабление иммунитета по отношению к консервативным идеям и у некоторых элементов пролетарского ядра.

Разумеется, было бы неправомерным преувеличивать возможности консерватизма как типа обыденного сознания, идеологии и политической практики влиятельной фракции правящих кругов буржуазии. Однако пока, во второй половине 80-х годов, его оживление уже повлекло за собой вполне определенные негативные последствия.

В ряде главных промышленно развитых капиталистических стран консервативным силам удалось расширить свою электоральную базу за счет как новых средних слоев, так и отдельных групп рабочего класса. В Соединенных Штатах Америки на президентских выборах в 1980 и в 1984 гг. многие рабочие, в том числе состоящие в профсоюзах, отдали свои голоса правоконсервативному деятелю Р. Рейгану. В Федеративной Республике Германии на парламентских выборах 1987 г. консервативным силам удалось удержаться у власти в значительной степени благодаря тому, что часть рабочих поддержала кандидатов консервативного Христианско-демократического союза.

В Великобритании избирательная победа консерваторов в 1983 г. была вызвана не только усилением разногласий в левом лагере, но и тем, что, как показывает анализ избирательной статистики, консервативной партии удалось заручиться голосами части рабочих, которые прежде голосовали за лейбористов. Во Франции на выборах 1986 г. консервативным партиям удалось нанести серьезное поражение левым силам. Особенно тревожно то, что одновременно с этим существенно усилились позиции крайне правых.

Наряду с расширением электоральных позиций консервативные силы сумели наложить дополнительный отпечаток на формирование общественного сознания. В результате среди части населения нашло распространение настороженное, а то и откровенно враждебное отношение к профсоюзам. Консерваторам в ряде случаев удавалось настраивать общественность против бастующих рабочих, препятствуя тем самым солидарности с ними. Под воз-

действием подстрекательской деятельности консерваторов подъем национализма, наметившийся в 80-е годы в ряде стран Западной Европы, стал переходить в активную травлю, а в отдельных случаях даже в погромы иностранных рабочих и представителей национальных меньшинств.

Подъем антивоенного движения в странах развитого капитализма существенно ослабил воздействие консервативных взглядов на позиции общественных сил в области внешней политики. Тем не менее степень неприятия ими откровенно агрессивных акций, осуществляемых империализмом (например, вторжения войск ЮАР на территорию Анголы и Мозамбика, необъявленной войны США в Никарагуа и т. д.), сейчас гораздо слабее аналогичных действий, например, в 60-х — начале 70-х годов.

Весьма тревожно то, что некоторые консервативные идеологические постулаты (например, доведенная до иррациональности враждебность к реальному социализму, негативное отношение к прогрессу как таковому, неприятие принципа централизованного перераспределения общественного продукта и т. д.) стали проникать в сознание части левой общественности, внося смятение в ее ряды.

Приход консервативных сил к власти в некоторых главных промышленно развитых капиталистических странах дал в руки реакционных фракций крупного капитала дополнительные средства для давления на трудящихся. Использование в этих целях как законодательных, так и административных форм воздействия затруднило им защиту основополагающих завоеваний предшествующих десятилетий. Это сыграло немалую роль в том, что вот уже ряд лет в зоне развитого капитализма падает реальная заработная плата, ухудшаются условия социального обеспечения, обостряется проблема занятости и т. д. Психологический нажим на профессиональные профсоюзы дополняется ныне законодательным, административным и судебным. Возрастает давление сверху, имеющее целью выхолащивание демократических институтов. Ужесточаются те элементы уголовного законодательства, которые могут быть использованы для ограничения свободы политического волеизъявления.

Сложившаяся ситуация потребовала от политических движений, отстаивающих интересы рабочего класса, особой концентрации усилий для отражения консервативного напора, и в первую очередь выработки эффективной комплексной программы борьбы против угрозы справа.

В этой области уже немало сделано. Тем более важно оценить накопленный опыт.

Самое уязвимое место консерватизма — полная неадекватность предлагаемых им рецептов реальным потребностям современного развития. Его основные постулаты заимствованы у корифеев консерватизма конца XVIII — начала XIX в. и неоднократно, на протяжении почти двух столетий, демонстрировали свою полную непригодность. Это открывает большие возможности для демонстрации несостоятельности консервативных теорий.

Сила консерватизма в том, что он спекулирует на дезориентации значительной части трудящихся, предлагая им мнимый выход из сложившегося тяжелого положения. Но в этом же его слабость. Практическая проверка предлагаемых консерваторами решений отталкивает идущие за ними массы. В этих условиях очень важно, чтобы разочарование в консервативных рецептах не сублимировалось в крайний негативизм праворадикалистского или ультралевацкого толка, а способствовало вызреванию правильной, классовой общественной ориентации.

Современный консерватизм на словах дистанцируется от крайне правых радикалистских течений. И действительно, в своей основной части он по ряду признаков пока что значительно отличается от последних. Тем не менее генетически консерватизм родственен правому радикализму, включая его фашистскую разновидность. Правый радикализм есть доведение до логического конца основополагающих постулатов консерватизма, крайняя форма реализации его целей. Об этом свидетельствует исторический опыт: и генезис классического фашизма, возникшего на базе крайних консервативных группировок, и последующее длительное сотрудничество фашистских и традиционно консервативных сил. Свидетельствует об этом и нынешняя практика.

Данное обстоятельство также повышает уязвимость консерватизма перед лицом большого демократического и антифашистского потенциала общественности в странах развитого капитализма. Важно при этом, чтобы генетическая связь между консерватизмом и правым радикализмом не оказалась скрытой за пропагандистской дымовой завесой.

Претендуя на массовую поддержку и добываясь ее, консерватизм в то же время крайне асоциален. Реализация консервативной экономической и политической стратегии, вне зависимости от ее конечных результатов, не-

избежно обращивается накоплением богатства на одном полюсе и нищеты и отчаяния — на другом. Пока реализация консервативных рецептов осуществляется лишь частично, это обстоятельство не очень заметно. Более того, результаты консервативной политики не в состоянии сказаться на массовой поддержке консерватизма до того, как ее опустошающие последствия отразятся на положении не только маргинальных или близких к ним групп населения, но и основного трудящегося населения. Тем не менее асоциальный характер консервативной политики — это дамоклов меч, который постоянно висит над консервативными силами. В прошлом именно он наносил консерватизму такие раны, от которых последний не мог оправиться на протяжении многих десятилетий.

Однако потеря консерватизмом массовой базы, являясь симптомом общественного оздоровления, чревата и определенными опасностями. Овладев рычагами власти, консерватизм не расстается с ними без боя. Обычно, ощутив ослабление своих позиций, он начинает все активнее обращаться к средствам прямого насилия, эволюционируя по мере этого все дальше вправо. Это делает особенно важным преодоление иллюзий относительно степени готовности консервативных сил при любых условиях приживаться «правил игры», принятых в буржуазно-парламентском обществе.

Очевидно также, что важной формой противостояния консервативному натиску является разработка, выдвижение и реализация левыми силами альтернативных программ решения текущих и перспективных проблем, вставших перед западным обществом ввиду нынешнего обострения кризиса капитализма.

Такая работа уже развернулась во всех главных странах развитого капитализма.

Надвигающаяся угроза справа всегда способствовала сплочению противостоящих ей сил, ориентированных на социальный прогресс. В прошлом, однако, это сплочение нередко запаздывало, что вело к неоправданным поражениям и излишним жертвам. Очень важно, чтобы в нынешних условиях такое запоздание было бы исключено.

Примечания

К главе 1

- ¹ *Auerbach M.* The Conservative Illusion. N. Y., 1959. P. 17.
- ² *Huntington S.* Conservatism as an Ideology // American Political Science Review. 1957. Vol. 51. P. 470.
- ³ *Weiss J.* Conservatism in Europe, 1770—1945. Norwich, 1977. P. 9.
- ⁴ Journal of Contemporary History. 1978. Vol. 13, N 4. P. 629.
- ⁵ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 21. С. 273.
- ⁶ Там же. Т. 20. С. 16.
- ⁷ Там же. Т. 21. С. 259.
- ⁸ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 38. С. 367.
- ⁹ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 18. С. 238.
- ¹⁰ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 33. С. 39.
- ¹¹ *Godechot J.* Contre-révolution: Doctrine et action, 1789—1804. P., 1961. P. 70.
- ¹² *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 3. С. 46.
- ¹³ См.: *Burke E.* The Works. L., 1872. Vol. II. P. 409.
- ¹⁴ Ibid. P. 307.
- ¹⁵ Ibid. P. 553.
- ¹⁶ Ibid. P. 427—428.
- ¹⁷ Ibid. P. 304, 305.
- ¹⁸ *Чичерин Б. Н.* История политических учений. М., 1874. Ч. 3. С. 237.
- ¹⁹ См.: *Freeman M.* Edmund Burke and the Critique of Political Radicalism. Chicago, 1980. P. 162.
- ²⁰ *Macpherson C. B.* Burke. Oxford, 1980. P. 3.
- ²¹ *Ganzin M.* La pensée politique d'Edmund Burke. P., 1972. P. 343.
- ²² Ibid. P. 347.
- ²³ Ibid. P. 346—347.
- ²⁴ *Мишель А.* Идея государства. М., 1909. С. 176.
- ²⁵ *Godechot J.* Op. cit. P. 111.
- ²⁶ *Maistre J. de.* Textes choisis et présentés par E. M. Cioran. P., 1957. P. 30.
- ²⁷ *Maistre J. de.* Du Pape. P., 1817. P. 382.
- ²⁸ Ibid. P. 57, 158.
- ²⁹ Ibid. P. 222.
- ³⁰ *Maistre J. de.* Textes choisis... P. 56.
- ³¹ Ibid. P. 165.
- ³² *Bonald L. A. de.* Théorie du pouvoir politique et religieux. P., 1966. P. 227.
- ³³ Ibid. P. 190, 51.
- ³⁴ Ibid. P. 218.
- ³⁵ Ibid. P. 37.
- ³⁶ Ibid. P. 107, 257.
- ³⁷ См.: *Brunello B.* Joseph de Maistre politico e filosofo. Bologna, 1967. P. 122—124.
- ³⁸ См.: *Maistre J. de.* Textes choisis... P. 39—40.
- ³⁹ См.: *Bonald L. A. de.* Op. cit. P. 200, 201.
- ⁴⁰ См.: Ibid. P. 205.
- ⁴¹ Цит. по: *Kissinger H. A.* A World restored. L., 1964. P. 196.
- ⁴² *Paléologue M.* Drei Diplomaten. Talleyrand, Metternich, Chateaubriand. B., 1925. S. 125.
- ⁴³ Ibid.
- ⁴⁴ *Srbik H. R. von.* Metternich — der Staatsmann und der Mensch. München, 1925. Bd. 1. S. 144.
- ⁴⁵ *Kissinger H. A.* Op. cit. P. 12.
- ⁴⁶ См.: *Paléologue M.* Op. cit. S. 108.
- ⁴⁷ См.: *Woodward E. L.* Three

- Studies in European conservatism. L., 1920. P. 36.
- ⁴⁸ Aus Metternich's nachgelassenen Papieren. Bd. 7. S. 635—637.
- ⁴⁹ *Paléologue M.* Op. cit. S. 106.
- ⁵⁰ *Gentz F.* Von dem politischen Zustande von Europa vor und nach der Französischen Revolution. B., 1801. S. 189, 191—192.
- ⁵¹ *Baxa J.* Friedrich Gentz. Wien, 1965. S. 225.
- ⁵² Aus Metternich's nachgelassenen Papieren. Bd. 3. S. 415.
- ⁵³ Ibid. Bd. 8. S. 562.
- ⁵⁴ *Baxa J.* Op. cit. S. 172.
- ⁵⁵ Ibid. S. 267.
- ⁵⁶ Ibid. S. 268.
- ⁵⁷ Ibid. S. 280.
- ⁵⁸ Ibid. S. 282.
- ⁵⁹ The Conservatives: A History from their Origins to 1965. L., 1977. P. 21.
- ⁶⁰ *Norton Ph., Aughey A.* Conservatives and Conservatism. L., 1981. P. 94.
- ⁶¹ *Stewart R.* The Foundation of the Conservative Party, 1830—1867. L.; N. Y., 1978. P. 101.
- ⁶² *Blake R.* The Conservative Party from Peel to Churchill. L., 1970. P. 207.
- ⁶³ *Remond R.* La droite en France: De la Première restauration à la Ve république. P., 1963. P. 77.
- ⁶⁴ *Woodward E. L.* Op. cit. P. 201.
- ⁶⁵ *Payne S. G.* Spanish Conservatism, 1834—1923 // Journal of Contemporary History. 1978. Vol. 13, N 4. P. 768.
- ⁶⁶ *Blake R.* Disraeli. L., 1966. P. 170.
- ⁶⁷ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 38. С. 411.
- ⁶⁸ *Stein H. von.* Briefwechsel, Denkschriften und Aufzeichnungen. B., 1931—1932. Bd. 3. S. 616—617.
- ⁶⁹ *Craig G. A.* The End of Prussia. Madison, 1984. P. 23.
- ⁷⁰ *Neumann S.* Die Stufen des preussischen Konservatismus. B., 1930. S. 50.
- ⁷¹ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 1. С. 43.
- ⁷² *Чичерин Б. Н.* История политических учений. М., 1877. Ч. 4. С. 221.
- ⁷³ *Stahl F. J. von.* Die Philosophie des Rechts. Heidelberg, 1833, Bd. II. S. 3.
- ⁷⁴ Rekonstruktion des Konservatismus. Freiburg im Br. 1972. S. 175.
- ⁷⁵ Об американском консерватизме подробнее см.: *Гаджиев К. С.* Эволюция основных течений американской буржуазной идеологии. М., 1982; *Мельвил А. Ю.* Социальная философия современного американского консерватизма. М., 1980.
- ⁷⁶ *Hartz L.* The Liberal Tradition in America. N. Y., 1955. P. 5.
- ⁷⁷ *Rossiter C.* Conservatism in America. N. Y., 1955. P. 101, 108.
- ⁷⁸ *Viereck P.* Conservatism from John Adams to Churchill. Princeton, 1956. P. 91.
- ⁷⁹ *Viereck P.* Op. cit. P. 91—92.
- ⁸⁰ *Rossiter C.* Op. cit. P. 112.
- ⁸¹ *Паррингтон В. Л.* Основные течения американской мысли: В 4 т. М., 1962. Т. 1. С. 373.
- ⁸² См.: *Freeman M.* Op. cit. P. 126.
- ⁸³ *Maistre J. de.* Du Pape. P. 152, 157, 149.
- ⁸⁴ См.: *Brunello B.* Op. cit. P. 124—125.
- ⁸⁵ Ibid. P. 174.
- ⁸⁶ См.: *Bonald L. A. de.* Op. cit. P. 235.
- ⁸⁷ Briefwechsel zwischen Friedrich Gentz und Adam Müller. Stuttgart, 1857. S. 276.
- ⁸⁸ См.: *Brunello B.* Op. cit. P. 294.
- ⁸⁹ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 1. С. 416.
- ⁹⁰ *Maistre J. de.* Du Pape. P. 215.
- ⁹¹ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 8. С. 145.

- 92 Цит. по: Чичерин Б. Н. История политических учений. Ч. 4. С. 229.
- 93 Ganzin M. Op. cit. P. 393.
- 94 Maistre J. de. Du Pape. P. 267—268.
- 95 Ibid. P. 268.
- 96 См.: Freeman M. Op. cit. P. 68.
- 97 Цит. по: Паррингтон В. Л. Указ. соч. Т. 2. С. 100.
- 98 Brunello B. Op. cit. P. 95.
- 99 Schmitt K. Politische Romanistik. München; Leipzig, 1925. S. 162.
- 100 Aus Metternich's nachlassenen Papieren. Bd. 8. S. 164.
- 101 Srbik H. R. von. Op. cit. Bd. 1. S. 356.
- 102 Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 4. С. 448.
- 103 Там же. С. 449.
- 104 См.: Rémond R. Op. cit. P. 72.
- 105 Ibid. P. 55.
- 106 Preece K. The Anglo-Saxon Conservative Tradition // Canadian Journal of Political Science. 1980. Vol. 13, N 1. P. 26.
- 107 См.: O'Sullivan N. Conservatism. L., 1976. P. 83—84.
- 108 См.: Blake R. Disraeli. P. 240.
- 109 Цит. по: Kaltenbrunner G.-K. Der schwierige Konservatismus: Definitionen, Theorien, Porträts. Herford; [West] Berlin, 1975. S. 215.
- 110 Цит. по: Neumann S. Op. cit. S. 144.
- 111 Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 4. С. 448.
- 112 Там же. Т. 8. С. 127.
- 113 Там же. С. 146.
- 114 Герцен А. И. Собр. соч.: В 30 т. М., 1955. Т. 5. С. 178.
- 115 Цит. по: Пономарева Л. В. Хуан Доносо Кортес: (Из истории испанской политической мысли XIX века) // Проблемы испанской истории. М., 1979. С. 157.
- 116 Graham J. T. Donoso Cortés. Utopian Romanticist and Political Realist. Columbia, 1974. P. 276.
- 117 Герцен А. И. Собр. соч. Т. 6. С. 139.
- 118 Там же. С. 140.
- 119 Макиавелли Н. Сочинения. М.; Л., 1934. Т. 1. С. 287.
- 120 Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 20. С. 67.
- 121 Blake R. The Conservative Party from Peel to Churchill. P. 59.
- 122 Gall L. Bismarck. Der weisse Revolutionär. Frankfurt a. M. etc., 1980. S. 270.
- 123 См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 27. С. 100—101.
- 124 Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 18. С. 256.
- 125 Gall L. Op. cit. S. 715.
- 126 Цит. по: Wehler H. U. Das Deutsche Kaiserreich, 1871—1918. Göttingen, 1971. S. 100.
- 127 Бисмарк О. Мысли и воспоминания: В 3 т. М., 1940—1941. Т. 2. С. 55.
- 128 Цит. по: Blake R. Disraeli. P. 482.
- 129 Цит. по: Harris N. Competition and the corporate society. British Conservatives, state and industry, 1945—1964. L., 1972. P. 287.
- 130 Blake R. Disraeli. P. 523.
- 131 Norton Ph., Aughey O. Op. cit. P. 112.
- 132 Blake R. The Conservative Party from Peel to Churchill. P. 118.
- 133 Lord Salisbury on Politics. Cambridge, 1973. P. 24.
- 134 Ibid. P. 283.
- 135 Ibid. P. 37, 42.
- 136 Ibid. P. 85.
- 137 Ibid. P. 275—276.
- 138 Quinton A. The Politics of Imperfection. L., 1976. P. 87.
- 139 Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 20. С. 67.
- 140 Там же. Т. 27. С. 419.
- 141 См. подробнее: Кертман Л. Е., Рахмиров П. Ю. Буржуазия Западной Европы и Северной Америки на рубеже XIX—XX веков. М., 1984. С. 116—125.
- 142 Ramsden J. The Age of Bal-

- four and Baldwin, 1902—1940. L., 1978. P. 77.
- ¹⁴³ *Smith F. E.* Unionist Policy and Other Essays. L., 1913. P. 17.
- ¹⁴⁴ *Mosca G.* Teorica dei governi e governo parlamentare. Milano, 1968. P. 288—289.
- ¹⁴⁵ *Sonnino S.* Scritti e discorsi extraparlamentari. Bari, 1972. Vol. 1. P. 691, 692, 694.
- ¹⁴⁶ Цит. по: *Peck A. J.* Radicals and Reactionaries. The Crisis of Conservatism in Wilhelmine Germany. Wash., 1978. P. 55.
- ¹⁴⁷ *Kolko G.* The Triumph of Conservatism: A reinterpretation of American History, 1900—1916. L., 1963. P. 160.
- ¹⁴⁸ Ibid. P. 77.
- ¹⁴⁹ La cultura italiana del'900 attraverso le riviste. Torino, 1960. Vol. 2. P. 459.
- ¹⁵⁰ *Gaeta F.* Nationalismo italiano. Napoli, 1965. P. 113.

К главе 2

- ¹ См.: *Petzold J.* Wegbreiter des deutschen Faschismus: Die Jungkonservativen in der Weimarer Republik. Köln, 1978. S. 43—44.
- ² *Spengler O.* Der Mensch und die Technik. München, 1931. S. 17.
- ³ Ibid. S. 54.
- ⁴ *Spengler O.* Jahre der Entscheidung. 1. Teil. München, 1933. S. 165.
- ⁵ См.: *Spengler O.* Politische Schriften: Preussentum und Sozialismus. München, 1933. S. 4.
- ⁶ Ibid. S. 89.
- ⁷ Ibid. S. 105.
- ⁸ *Stagler E.* Als politischer Soldat, 1918—1928. Düsseldorf, 1935. S. 158.
- ⁹ См.: *Spenn O.* Der wahre Staat: Vorlesungen über Abbruch und Neubau der Gesellschaft. 2 Aufl. Leipzig, 1923.
- ¹⁰ Ibid. S. 302.
- ¹¹ *Schmitt C.* Positionen und

- Begriffe im Kampf mit Weimar—Genf—Versailles, 1923—1939. Hamburg, 1940. S. 186.
- ¹² Цит. по: *Petzold J.* Op. cit. S. 94.
- ¹³ См.: *Möller van den Bruck A.* Das Recht der Jungen Völker. München, 1919. S. 24.
- ¹⁴ См.: *Petzold J.* Op. cit. S. 97.
- ¹⁵ Gewissen. 1924. 24 Apr.
- ¹⁶ Ibid. 1923. 25 Jun.
- ¹⁷ Ibid.
- ¹⁸ *Rauschning H.* Die Revolution des Nihilismus. Zürich; New York, 1938. S. 357.
- ¹⁹ *Möller van den Bruck A.* Das dritte Reich. B., 1923. S. 51.
- ²⁰ Ibid. S. 64, 80.
- ²¹ Ibid. S. 154, 157.
- ²² См.: *Jung E. J.* Die Herrschaft der Minderwärtigen. B., 1927.
- ²³ Deutsche über Deutschland: Die Stimme der unbekannten Politiker/Hrsg. von E. J. Jung. München, 1932. S. 380.
- ²⁴ Die Tat. 1931. Okt. H. 7. S. 556.
- ²⁵ *Ratzel F.* Politische Geographie. München; B., 1923.
- ²⁶ Ibid. S. 162.
- ²⁷ Ibid. S. 159.
- ²⁸ *Ratzel F.* Deutschland. B.; Leipzig, 1921.
- ²⁹ Ibid. S. 159, 201.
- ³⁰ Ibid. S. 5.
- ³¹ Ibid. S. 201.
- ³² Цит. по: *Pechel R.* Deutscher Widerstand. Erlenbach; Zürich, 1947. S. 279.
- ³³ Gewissen. 1924. 17 Apr. N 14.
- ³⁴ Prozess gegen die Hauptkriegsverbrecher. Nürnberg, 1949. Bd. XL. Dokument Paper-11. S. 543—558; Цит. по: *Petzold J.* Op. cit. S. 316.
- ³⁵ *Rauschning H.* The Conservative Revolution. N. Y., 1941. P. VI.

К главе 3

- ¹ *Macmillan H.* Tides of Fortune, 1945—1955. L., 1969. P. 292.
- ² Conservative Politics in Western Europe. L., 1982. P. 7.
- ³ Цит. по: *Гаджиев К. С.* Эво-

- люция основных течений американской буржуазной идеологии. М., 1982. С. 102.
- 4 The New York Times. 1972. 10 Nov. P. 20.
 - 5 *Rossiter C.* Conservatism in America. N. Y., 1955. P. 145.
 - 6 *Паррингтон В. Л.* Основные течения американской мысли. М., 1962. Т. 3. С. 353.
 - 7 *Viereck P.* Conservatism Revisited. N. Y., 1962. P. 57. 1st ed.—1949.
 - 8 Ibid. P. 21.
 - 9 Ibid. P. 117.
 - 10 *Kissinger H. A.* A World Restored. Metternich, Castlereagh and the Problems of Peace 1812—1822. L., 1964. P. 322.
 - 11 *Kissinger H. A.* The White Revolutionary: Reflections on Bismarck // *Daedalus*. 1969. Vol. 97, N 3. P. 920.
 - 12 *Mazlish B.* Kissinger: The European Mind in American Society. N. Y., 1976. P. 182.
 - 13 См.: *Kennedy J. F.* Donoso Cortés as Servant of the State // *Review of Politics*. 1952. Vol. 14, N 4. P. 553—554.
 - 14 *Viereck P.* Conservatism. From John Adams to Winston Churchill. Princeton, 1956. P. 68.
 - 15 Ibid. P. 69.
 - 16 *Copeland T. W.* Our Eminent Friend Edmund Burke. New Haven, 1949. P. 269—270.
 - 17 *Viereck P.* Conservatism Revisited. P. 83.
 - 18 *Viereck P.* Conservatism. From John Adams to Winston Churchill. P. 12, 31—32.
 - 19 *Nash G. H.* The Conservative Intellectual Movement in America since 1945. N. Y., 1976. P. 69.
 - 20 Ibid. P. 74—75.
 - 21 *Kirk R.* The Conservative Mind. From Burke to Santayana. Chicago, 1953. P. 399.
 - 22 Ibid. P. 10.
 - 23 *Kirk R.* Konservative Elemente im gesellschaftlichen Denken Amerikas // *Konservatismus international*. Stuttgart, 1973. S. 88, 89.
 - 24 *Керк Р.* Мысли об американском консерватизме // *Америка*. 1981. № 298. С. 3.
 - 25 *Nash G. H.* Op. cit. P. 152.
 - 26 Ibid. P. 254, 411.
 - 27 *Viereck P.* Conservatism Revisited. P. 147.
 - 28 *Nash G. H.* Op. cit. P. 291.
 - 29 См.: Ibid. P. 293—294.
 - 30 Ibid. P. 436, 164.
 - 31 *Hoffman J. D.* The Conservative Party in Opposition, 1945—1951. L., 1964. P. 41.
 - 32 *Macmillan H.* Op. cit. P. 300.
 - 33 *The Conservatives: A History from their Origins to 1965*. L., 1977. P. 415.
 - 34 Ibid. P. 422.
 - 35 Ibid.
 - 36 *Hoffman J. D.* Op. cit. P. 149.
 - 37 *Ramsden J.* The Making of Conservative Party Policy. L., 1980. P. 114.
 - 38 *Blake R.* The Conservative Party from Peel to Churchill. L., 1970. P. 259.
 - 39 *Macmillan H.* Op. cit. P. 311.
 - 40 Цит. по: *The Conservatives...* P. 474.
 - 41 Ibid. P. 471.
 - 42 *Galli G.* Storia della democrazia cristiana. Bari, 1978. P. 65, 74.
 - 43 Ibid. P. 96.
 - 44 См.: *Scoppola P.* La proposta politica di De Gasperi. Bologna, 1977. P. 79.
 - 45 *Puhle H.-J.* Conservatism in Modern German History // *Journal of Contemporary History*. 1978. Vol. 13, N 4. P. 713.
 - 46 *Viereck P.* Conservatism. From John Adams to Winston Churchill. P. 24.
 - 47 *Сокольскийкий С. Л.* Христианско-демократический союз ФРГ: социология и политика. М., 1983. С. 164.
 - 48 Цит. по: *Hahn M.* Historiker und Klassen. Frankfurt a. M., 1976. S. 161, 163.
 - 49 *Gehlen A.* Studien zur Anthropologie und Soziologie. Neu-

- wied am Rhein; [West] Berlin, 1963. S. 321.
- ⁵⁰ *Schelsky H.* Auf der Suche nach der Wirklichkeit. Düsseldorf; Köln, 1965. S. 453, 456.
- ⁵¹ *Süddeutsche Zeitung.* 1968. 16. Dez.
- ⁵² *Greiffenhagen M.* Dilemma des Konservatismus in Deutschland. München, 1977. S. 344.
- ⁵³ *Mohler A.* Von rechts gesehen. Stuttgart, 1974. S. 32.
- ⁵⁴ Die neue Gesellschaft. 1982. N 11. S. 1033.
- ⁵⁵ *Mohler A.* Op. cit. S. 20.
- ⁵⁶ Ibid.
- ⁵⁷ *Rémond R.* La droite en France. P., 1968, T. 2. P. 306.
- ⁵⁸ См.: *Фадеева Т. М.* Стратегия буржуазного реформизма в современной Франции. М., 1975.
- ⁵⁹ *Conservative Politics in Western Europe.* P. 220.
- ⁶⁰ Der Spiegel. 1974. N 20. S. 34.
- ⁶¹ *Giscard d'Estaing V.* Démocratie française. P., 1976. P. 147.
- ⁶² *Phillips K. P.* Post-conservative America: People, Politics and Ideologue a Time of Crisis. N. Y., 1982.

К главе 4

- ¹ Подробнее см.: Технологические сдвиги, наемный труд и рабочее движение развитых капиталистических стран. М., 1983.
- ² См.: *Мельвилль А. Ю.* США — сдвиг вправо?: Консерватизм в идейно-политической жизни США 80-х годов. М., 1986; *Салмин А. М.* «Новый консерватизм» — американский вариант // Рабочий класс в мировом революционном процессе, 1982. М., 1982. С. 188—208.
- ³ *Commentary.* N. Y., 1975. Vol. 60, N 1; *Public Interest.* N. Y., 1975, Vol. 10. N 41.
- ⁴ См.: *Elm L.* Aufbruch ins Vierte Reich? Zu Herkunft und Wesen einer Konservativen Utopie. B., 1981; *Konservatismus in der BRD.* B., 1982.
- ⁵ *Gehlen A.* Mensch und Institutionen // Anthropologische Forschung. Hamburg, 1961. S. 73.
- ⁶ *Gehlen A.* Über Kulturelle Kristallization // Gehlens Studien zur Anthropologie und Soziologie. Neuwied; [West] Berlin, 1963. S. 321.
- ⁷ См.: *Gehlen A.* Über die Gründe der Nostalgie und verwandter Erscheinungen // Konservativ — Chance und Zukunft: Neue Aspekte für Politik, Kultur und Weltanschauung. Innsbruck, 1979. S. 61—70.
- ⁸ См.: *Junger E.* Zahlen und Götter. Philemon und Baucis. Stuttgart, 1973. S. 138—144.
- ⁹ Реконструкция des Konservatismus/Hrsg. von G.-K. Kaltenbrunner. Freiburg i. Br., 1972.
- ¹⁰ *Konservatismus international/Hrsg. von G.-K. Kaltenbrunner.* Stuttgart, 1973; *Kaltenbrunner G.-K.* Herausforderung der Konservativen. Freiburg i. Br. 1974; *Kaltenbrunner G.-K.* Der schwierige Konservatismus: Definition. Theorien. Porträts. Herford; [West] Berlin, 1975.
- ¹¹ *Kaltenbrunner G.-K.* Der schwierige Konservatismus. S. 9.
- ¹² См.: Ibid. S. 117—133.
- ¹³ *Scruton R.* The Meaning of Conservatism. Totowa (N. Y.), 1980. P. 11.
- ¹⁴ Ibid. P. 50.
- ¹⁵ Ibid. P. 51.
- ¹⁶ Ibid. P. 50.
- ¹⁷ Ibid. P. 57, 112.
- ¹⁸ Ibid. P. 57, 99.
- ¹⁹ Ibid. P. 57, 139, 140.
- ²⁰ См.: США: консервативная волна. М., 1984. С. 42—43.
- ²¹ См.: *Rousseas S.* The Political Economy of Reaganomics: A Critique. N. Y.; L., 1982. P. 31 ff.
- ²² *Galbraith G.* A bas moneta-

- rism! // *Matin*. P., 1981. 8 sept. P. 1.
- ²³ CM.: *Rousseas S.* Op. cit. P. 31.
- ²⁴ *Burton J.* The Varieties of Monetarism and Policy Implications // *Three Banks Review*. L., 1982. June. P. 18 ff.
- ²⁵ CM.: *Greven M., Guggenberger B., Strasser J.* Krise des Staates? Darmstadt; Neuwied, 1975. S. 32—36.
- ²⁶ *Guggenberger B.* Sind wir noch Regierbar?: Zur Dialektik von Stärke und Schwäche der modernen Staates // *Biedenkopf K. H., Eisermann G., Guggenberger B.* Der Überforderte schwache Staat: Sind wir noch regierbar? Freiburg, 1975. S. 36.
- ²⁷ Ibid. S. 32.
- ²⁸ *Gehlen A.* Moral und Hypermoral. Frankfurt a. M., 1969. S. 103.
- ²⁹ *Szszesny G.* Die Disziplinierung der Demokratie. Reinbek bei Hamburg, 1974. S. 195.
- ³⁰ *Noak P.* Ist die Demokratie noch regierbar? München, 1980. S. 12—14. См. также: *Biedenkopf K. H., Eisermann G., Guggenberger B.* Op. cit.
- ³¹ CM.: *Kaltenbrunner G.-K.* Über einige Gefahren der offenen Gesellschaft // *Selbstgefährdung der offenen Gesellschaft*. Würzburg, 1982. S. 27—46.
- ³² CM.: *Public Interest*. 1975. N 41. S. 37.
- ³³ Ibid. S. 169.
- ³⁴ CM.: Ibid. S. 192.
- ³⁵ CM.: *Kaltenbrunner G.-K.* Vorwort des Herausgebers // *Rechtfertigung der Elite: Wider die Annassungen der Prominenz*. Freiburg, 1979. S. 11—14.
- ³⁶ *Barach P.* Die Theorie demokratischer Elitenherrschaft. Frankfurt a. M., 1970. S. 20.
- ³⁷ A colloquio con Michel Ponjatoski. Roma, 1982. N 25. P. 490.
- ³⁸ *Schelsky H.* Der Mensch in der wissenschaftlichen Zivilisation. Köln; Opladen, 1961, S. 29.
- ³⁹ *Köhne C. E.* Macht muss sein. Triebkräfte der Weltgeschichte, Autorität und Elite in der Demokratie. Stuttgart, 1966. S. 263, 57, 49.
- ⁴⁰ *Sartori G.* Demokratie als Elitenherrschaft // *Demokratietheorien/Hrsg. von F. Grube, G. Richter*. Hamburg, 1975. S. 75.
- ⁴¹ *Prezzolini G.* Intervist sulla Destra. Roma, 1978. P. 230.
- ⁴² *Scruton R.* Op. cit. P. 107, 112.
- ⁴³ *Dahl R. A.* Vorstufen zur Demokratie. Tübingen, 1976, S. 48.
- ⁴⁴ *Commentary*. N. Y. 1972. Vol. 54, N 5. P. 42.
- ⁴⁵ CM.: *Schelsky H.* Der selbständige und der betreute Mensch: Politische Schriften und Kommentäre. Stuttgart, 1976. S. 201.
- ⁴⁶ CM.: Современный капитализм: политические отношения и институты. М., 1984. С. 171 и сл.
- ⁴⁷ См. гл. II настоящей книги.
- ⁴⁸ *Mohler A.* Wider die All-Gemeinheiten. Krefeld, 1981. S. 52.
- ⁴⁹ Здесь и далее см.: Современные буржуазные теории международных отношений. М., 1976. С. 103 и сл.
- ⁵⁰ *Morgenthau H.* Politics Among Nations. The Struggle for Power and Peace. N. Y., 1948; 1965 (4 th. ed.), p. 13—14, 17, 21.
- ⁵¹ Ibid. P. 155, 175.
- ⁵² *Osgood R.* Ideals and Self-Interest in American Foreign Relations: The Great Transformation of the Twentieth Century. Chicago, 1953. P. 13.
- ⁵³ Ibid.
- ⁵⁴ *Foreign Affairs*. 1951. Oct. P. 47.
- ⁵⁵ CM.: *Lider J.* On the Nature of War. Farnborough, 1977. P. 57 ff.
- ⁵⁶ *Ball G.* The Discipline of

- Power. Essentials of Modern World Structure. Boston, 1968. P. 300—301.
- ⁵⁷ *Tucker R. W.* The Purpose of American Power // Foreign Affairs. N. Y., 1981. Vol. 59, N 2. P. 258.
- ⁵⁸ *Nitze P.* Strategy in the Decade of the 1980 // Ibid. 1980. Vol. 58, N 2. P. 92.
- ⁵⁹ См.: *Bresler R. J.* Neoconservatism: the New Face of Cold-War Liberalism // USA Today. N. Y., 1979. Vol. 54, N 1. P. 6.
- ⁶⁰ Ballistic Missile Defence/Eds A. B. Carter, D. N. Schwarz. Wash., 1984. P. 35.
- ⁶¹ *Tucker R. W.* The Inequality of Nations. N. Y., 1976.
- ⁶² *Ajami F.* The Global Logic of the Neoconservatives // World Politics. 1978. Vol. 30, N 3. P. 457, 458, 460.
- ⁶³ Bereiten wir den falschen Frieden vor? Vom Gestaltwandel internationaler Konflikte. München, 1976; Europa — Weltmacht oder Kolonie? Wider nationalen Egoismus und Kleinmut. München, 1978; Die Strategie der Freiheit: Wie lange wird der Westen noch frei sein. Freiburg, 1977.
- ⁶⁴ Bereiten wir den falschen Frieden vor. S. 15.
- ⁶⁵ Illusionen der Brüderlichkeit. München, 1980. S. 14.
- ⁶⁶ Europa — Weltmacht oder Kolonie. S. 21.
- ⁶⁷ См.: *Тодоров А.* Консерватизъм и неоконсерватизъм. С., 1983; *Кёнеци Б.* Неоконсерватизм и новые правые. М. 1986.
- ⁶⁸ Neokonservative und «Neue Rechte»: Der Angriff gegen Sozialstaat und liberale Demokratie in den Vereinigten Staaten, West Europe und der Bundesrepublik. München, 1983. S. 37.
- ⁶⁹ Der Neo-Konservatismus ... den Vereinigten Staaten und seine Auswirkungen auf die Atlantische Allianz. Melle, 1982. S. 51.
- ⁷⁰ Der Neo-Konservatismus in den Vereinigten Staaten... S. 68.
- ⁷¹ Ibid. S. 69.
- ⁷² Neokonservative und «Neue Rechte», S. 39, 45.
- ⁷³ *Glazer N.* The Social Policy of the Reagan Administration // The Public Interest. 1984. P. 98.
- ⁷⁴ *Neuchterlein I.* Neoconservatism and Irving Kristol // Commentary. 1984. Vol. 78. N 2. P. 48.
- ⁷⁵ Ibid.
- ⁷⁶ Neokonservative und «Neue Rechte». S. 46.
- ⁷⁷ Commentary. 1985. Vol. 80. N 5. P. 59.
- ⁷⁸ *Kleinert H.* Noch wenig Chancen für einen «aufgeklärten Konservatismus» // Blätter für deutsche und internationale Politik. 1986. H. 5. S. 557.
- ⁷⁹ *Giscard d'Estaing V.* Démocratie française. P., 1976. P. 147.
- ⁸⁰ Ibid. P. 148.
- ⁸¹ *Giscard d'Estaing V.* Deux française sur trois. P., 1984. P. 64.
- ⁸² Conservative Essays. L., 1978. P. 194.
- ⁸³ *Phillips K.* Hubris on the Right // The New York Times Magazine. 1985. May 12. P. 60.
- ⁸⁴ *Phillips K. P.* Post-Conservative America: People, Politics and Ideology in a Time of Crisis. N. Y., 1982. P. 205.
- ⁸⁵ Conservative Politics in Western Europe. L., 1982. P. 309.
- ⁸⁶ Cambio 16. 1984. N 680. P. 57.
- ⁸⁷ *Scruton R.* The Meaning of Conservatism. Totowa, 1980. P. 13.
- ⁸⁸ *Saage R.* Rückkehr zum starken Staat: Studien über Konservatismus und Faschismus und Demokratie. Frankfurt a. M., 1983. S. 259.
- ⁸⁹ *Sorban J.* Pensées: Notes for the Reactionary of Tomorrow // National Review. 1985. Vol. 37, N 25. P. 37.
- ⁹⁰ Ibid. P. 40.
- ⁹¹ *Scruton R.* Op. cit. P. 189.

- ⁹² *Watson G.* Who are the Conservatives?: The Paradox of the New Radicalism // *Encounter*. 1983. Vol. 61. N 4. P. 27.
- ⁹³ *Lawson N.* The New Conservatism. L., 1980. P. 3.
- ⁹⁴ Ronald Reagan Talks to America. Old Greenwich (Conn.). 1983. P. XV.
- ⁹⁵ *Jouve P. A., Magoudi A.* Jacques Chirac et répétition//*Esprit*. 1984. N 6. P. 88—89.
- ⁹⁶ *Saage R.* Op. cit. S. 243.
- ⁹⁷ *Ibid.* S. 245.
- ⁹⁸ *Scruton R.* Op. cit. P. 45.
- ⁹⁹ *Saage R.* Op. cit. S. 268—269.
- ¹⁰⁰ *Moore Ch.* The Victorian Syndrome // *Spectator*. 1983. vol. 250. N 8077. P. 8.
- ¹⁰¹ *Phillips K.* Post-Conservative America. P. 4.
- ¹⁰² *Eccleshall R.* Conservatism // *Political Ideologies*. L., 1984. P. 82.
- ¹⁰³ *Wapshott N., Brock G.* Thatcher. L., 1983. P. 214.
- ¹⁰⁴ The Observer. 1984. Jan. 29.
- ¹⁰⁵ Conservative Politics in Western Europe. P. 255.
- ¹⁰⁶ *Cambio* 16. 1986. N 759. P. 38.
- ¹⁰⁷ *Hartley A.* From Disraeli to Thatcher. The Avatars of English Conservatism // *Encounter*. 1986. vol. 66. N 4. P. 44, 46.
- ¹⁰⁸ Authoritarian Populism, Two Nations and Thatcherism // *New Left Review*. 1984. N 147, P. 50.
- ¹⁰⁹ См.: *Benoist A. de.* Les idées à l'endroit. P., 1979. P. 165.
- ¹¹⁰ *Moreau P.* Die neue Religion der Rasse: Der Biologismus und die Kollektive Ethik der Neuen Rechten in Frankreich und Deutschland // *Neokonservative und «Neue Rechte»*/Hrsg. von G. Fetscher. München, 1983. S. 123, 126.
- ¹¹¹ *Benoist A. de.* Op. cit. P. 72.
- ¹¹² *Ibid.* P. 73.
- ¹¹³ *Ibid.* P. 58.
- ¹¹⁴ *Ibid.* P. 132.
- ¹¹⁵ См.: *Rieck J.* Zur Debatte über die Vererblichkeit der Intelligenz/Das unvergängliche Erbe. Tübingen, 1981. S. 341.
- ¹¹⁶ См.: *Moreau P.* Op. cit.
- ¹¹⁷ См.: *Ibid.* S. 137—138.
- ¹¹⁸ *Ibid.* S. 121.
- ¹¹⁹ См.: *Neokonservative und die «Neue Rechte»*. S. 182.
- ¹²⁰ *Le Pen J.-M.* Les français d'abord Carrere. P., 1984. P. 72.
- ¹²¹ *Neokonservative und «Neue Rechte»*. S. 207.
- ¹²² *Nuova destra e cultura reazionaria negli anni ottanta*. Cuneo, 1983. P. 263.
- ¹²³ *Mohler A.* Wir feinen Konservativen // *Vergangenheitsbewältigung*. Krefeld, 1980. S. 97.
- ¹²⁴ См. гл. II настоящей книги.

Оглавление

Предисловие	3
Глава 1. Истоки консерватизма	7
«Отцы-основатели» консерватизма	11
Старая форма — новое содержание	45
На страже буржуазного миропорядка	60
Глава 2. Консерватизм и фашизм	68
Вакансия для фашизма	70
Вильгельмисты и «обновители»	74
Духовный каркас для «барабанщика нации»	81
Глава 3. Консерватизм в послевоенном мире: стратегия приспособления	95
Метрополия консерватизма	96
В поисках «среднего пути»	108
Гнездо для консервативной кукушки	114
Глава 4. Консерватизм в преддверии XXI в.	124
От «консервативной волны» к сдвигам в идеологических структурах	124
Консерватизм как теория и практика «социального реванша»	133
Консервативное «ретро» во внешней политике	149
Внутренняя структура современного консерватизма. Консервативный экстремизм	161
Заключение	176
Примечания	181

**Александр Абрамович
Галкин**

**Павел Юхимович
Рахшмир**

**КОНСЕРВАТИЗМ
В ПРОШЛОМ И НАСТОЯЩЕМ**

**Утверждено к печати
редколлегией серии
научно-популярных изданий
Академии наук СССР**

**Редактор издательства Р. З. Мазо
Художник А. Г. Кобрин
Художественный редактор В. Ю. Кученков
Технический редактор Н. Н. Плохова
Корректоры Н. Г. Васильева, Г. Н. Джигоева**

ИБ № 36120

**Сдано в набор 22.12.86
Подписано к печати 19.02.87
А 04656. Формат 84×108¹/₃₂
Бумага кн.-журнальная
Гарнитура обыкновенная
Печать высокая
Усл. печ. л. 10,08. Усл. кр. отт. 10,3
Уч. изд. л. 11,1. Тираж 14300 экз.
Тип. зак. 3253. Цена 65 коп.**

**Ордена Трудового Красного Знамени
издательство «Наука»
117864 ГСП-7, Москва, В-485
Профсоюзная ул., 90
2-я типография издательства «Наука»
121099, Москва, Г-99, Шубинский пер., 6**

В ИЗДАТЕЛЬСТВЕ «НАУКА»
ВЫХОДИТ КНИГА:

Н. М. Степанова

**БРИТАНСКИЙ НЕОКОНСЕРВАТИЗМ
И ТРУДЯЩИЕСЯ**

13 л. 2 р.

Британский консерватизм, придя к власти в 1979 г., первым реализовал на практике многие идеи современного правого консерватизма и в ряде отношений стал образцом для монополистической буржуазии других развитых капиталистических стран. В книге рассматриваются генезис британского неоконсерватизма, его идеологическая и пропагандистская платформа, конкретная политика М. Тэтчер, направленная на раскол трудящихся, подрыв боевых организаций рабочего движения.

65 коп.

Во второй половине 70-х — 80-х годах в развитых капиталистических странах оживились консервативные силы, их влияние распространилось на самые различные сферы: экономику, социальные отношения, политическую систему и идеологию. Какова общественно-политическая роль, которую играл консерватизм в прошлом, отражает ли он сейчас магистральные тенденции в зоне развитого капитализма, какими последствиями чревато усиление консерватизма в теории и на практике? Ответу на эти вопросы посвящена книга.